

Международный издательский центр
«Этносоциум»

Гасанова Н. К.

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ
В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ**

Москва 2014

УДК 323
ББК 66
ISBN 978-5-904336-33-2

Рецензенты

Абдулатипов Р.Г. доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ.

Чижиков В.М. доктор культурологии, профессор Московского государственного института культуры, заслуженный работник культуры РФ, действительный член Академии туризма, академик Академии наук Высшей школы.

Ремизов В.А. доктор культурологии, профессор Московского государственного института культуры, заслуженный работник высшей школы, действительный член Академии информатизации.

Рябова Е.Л. доктор политических наук, профессор, главный редактор международного издательства «Этносоциум» / «Культура Мира»

Гасанова Н.К. Мультикультуризм в культурной политике. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. - 222с.

Аннотация

Монография представляет собой комплексное исследование культуры и мультикультурализма на уровне культурологической концептуализации. В ней обосновывается концепция мультикультурализма в качестве культурно-политической стратегии современной культурной политики.

В работе впервые в отечественной литературе обосновано представление о мультикультурализме не как предикате новейшего времени, а феномене эпохи расселения людей по планете. Впервые проведён анализ методологии и практики культурной политики, основанный на концептуализации идеи «русского мультикультурализма». Автором описаны условия и долгосрочные тенденции, требующие учета любым актором (исследователем, экспертом или субъектом реального сектора) при разработке и реализации культурной политики в перспективе XXI века; разработан понятийный аппарат, адекватно отражающий сущность культуры и культурной политики в ситуации нового этапа глобализации мира; уточнены и описаны объектная и предметная области культурной политики с точки зрения ее системности и дифференцированности по культурным ареалам; осуществлена группировка и сравнительное описание функциональных и деятельностных характеристик акторов культурной политики в СССР и России; разработаны приоритетные универсальные направления культурной политики, основанные на идее «русского мультикультурализма».

© Гасанова Н. К., 2014

© Международный издательский центр «Этносоциум», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I	
Мультикультурализм как социокультурная реальность и дискурс	
1.1. Мультикультурализм в культурно-исторической ретроспективе.....	28
1.2. Дискурсивная специфика мультикультурализма.....	42
1.3. Современные тенденции в развитии мультикультурализма.....	59
Глава II	
Мультикультурная сущность культурной политики	
2.4. Культурная политика: концепции, понятия, модели.....	74
2.5. Мультикультурализм как объяснительный принцип культурной политики.....	115
2.6. Культурная политика в мультикультурном обществе.....	133
Глава III	
Культурная политика в современной мультикультурной России	
3.7. Российский мультикультурализм как культурно-политическая проблема.....	144
3.8. Мультикультурализм как ориентир и детерминанта современной российской культурной политики.....	158
3.9. Мультикультурализм и субъекты культурной политики в современной России.....	174
Заключение	202
Список литературы	207

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня мы являемся свидетелями процесса возрастания роли культуры во многих сферах жизни, в частности, и в качестве социорегулятивного механизма становления российской гражданской нации. В сфере культуры сегодня отмечаются процессы, связанные с приданием её традиционным смыслам и ценностям набора инструментальных значений для целей решения социокультурных, социальных, экономических и политических проблем. Теоретические концепции, объясняющие социокультурные трансформации в поликультурных странах, формируются сообразно происходящим в мире изменениям.

Своеобразие российской цивилизации как полиэтнического, многоконфессионального и многокультурного сообщества в свете происходящей глобализации мира, трансформации множества социальных институтов и общественной жизни в целом актуализировало обращение к тематике согласования действий в сфере культуры, регулирования культурных процессов, исследования мультикультурализма как культурного явления, и шире - культурной политики. Политика нами рассматривается как один из атрибутов культуры, поэтому она по праву является объектом культурологического исследования. Культура нами понимается как сугубо человеческая деятельность и её результат, социально и знаково опосредованные, фундированные развитием высших психических функций. Человек рассматривается нами как часть природы, реальностью и бытием которого становится культура. Культура артикулируется в символах и артефактах, ценностях и мифах, языке, обычаях и нормах обыденного права, тех правилах и отношениях, которыми руководствуются граждане и социальные институты в развитых обществах, то есть тех, в которых имеется государство, существует политика.

Психология коммуникации даже в малой группе (рабочая группа, коллектив садоводов, студенческая или иная группа) для поддержания социального равновесия и сплочённости предполагает определённую культурную политику. Важно, при этом, чтобы культурное многообразие учитывалось в тех правилах и отношениях, которыми руководствуются члены общества и социальные институты.

Термин «культурная политика» используется в профессиональной лексике специалистов и экспертов в сфере культуры, в нормативных документах, а также научной и методической литературе. В «Основах законодательства РФ о культуре» государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) определяется как совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государ-

ство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры, направленная на достижение востребованных обществом целей, путём реализации научно обоснованных проектов. [284]. От теоретико-методологических оснований понимания самого смысла данной деятельности зависят как стратегия, так и практика целенаправленных изменений, осуществляемых в сфере ответственности государственных структур в области культуры, относимой к внутренней политике. Специфика сложно устроенного российского общества предъявляет особые требования к принятию решений в сфере внутренней политики, так как тенденции, проявляющиеся в общемировом социокультурном пространстве, не всегда совпадают с тенденциями, проявляющимися на пространстве нашей страны, где социокультурные, политические и социально-экономические процессы имеют свою специфику и закономерности. Реформаторская деятельность в сфере российской внутренней политики обнаруживает ряд институциональных особенностей, относимых к исторической многокультурности и традиционности в жизни страны, необходимости адаптации существующих социокультурных институтов к новациям мирового масштаба, вызванных процессами нового этапа глобализации мира.

За последние два десятилетия отечественными учёными выполнен ряд научных исследований, раскрывающих тему культурной политики с точки зрения философии, культурологии, антропологии с различных методологических позиций. Изучение обширного круга научной литературы, в которой тема культурной политики рассматривается в качестве главной, позволило нам сделать следующие выводы.

В российской обществоведческой науке теоретический анализ проблемы традиционно предваряет концептуальный обзор её эволюции в философии, антропологии, культурологии и ряде других наук. Стремление реализовать данную традицию в нашем случае выявило закономерности, не предполагавшиеся и даже неожиданные.

1) Глобализация мира - не нашего времени предикат. Истоки глобализации мира восходят к периоду расселения людей по планете. Мультикультуральность человеческих обществ - это характеристика культурной особенности общества (как в природе - «засушливость почвы», «безжизненность пустыни» и др.), культурный феномен, истоки которого восходят к периоду расселения.

2) Продолжающаяся глобализация мира через длительный период (около 2 млн. лет) разрушает порождённый ею культурный феномен - мультикультуральность обществ и разворачивает процесс

вспять – к унификации культур.

3) Анализируемые подходы к формированию культурной политики сложились в тот период, когда доминировали представления о линейном характере процессов развития. Это проявилось в представлениях о социокультурном мире как принципиально неизменном, предсказуемом. В современности культурологические представления о мире претерпели существенную трансформацию, мышление становится дивергентным, сознание рефлексивует на пространстве множественности перспектив.

4) Национальные концепции культурной политики опирались на достижения в определённых сферах науки в той мере, в которой они сопрягались с традиционными социокультурными представлениями. Сегодня мировоззренческие позиции и фокус приоритетов меняются, они перестают быть раз и навсегда определёнными. Становится очевидным, что концепции культурной политики более нельзя строить с опорой на прежние статичные ориентиры, в этот процесс активно вторгаются достижения в различных новых направлениях науки (нанотехнологии, психотехнологии, микроэлектроника, биоинженерия и др.), влияющие на психофизиологию акторов культурной политики и на собственно культурные процессы.

5) Традиционно культурная политика была ориентирована на прямое или аналоговое заимствование поведенческих стереотипов и общепринятых деятельностных практик. Она воспроизводила прошлый опыт, который в новых условиях не всегда может быть применим. Сегодня актуализируются мультикультуралистические тренды (обеспечение межкультурного компромисса, толерантное сосуществование принципиально отличающихся социо-культурных групп и т.д.).

6) Практики жизни многокультурных стран показывают, что обеспечение консенсуса во взаимодействии различных социокультурных групп не может быть достигнуто на основе только лишь общих, универсальных принципов взаимной толерантности, они должны дополняться регионально-специфическими технологиями и методами влияния. Применительно к российской реальности это может означать деконструкцию стратегии советской «государственной национальной политики» с оценкой релевантности её прежних положений и отдельных региональных позиций для применения вкпе с принятой в 2012 г. «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года».

7) В российском культурологическом дискурсе мультикультурализм считается пока понятием дискуссионным. Назрела необходи-

мость уточнения и самого концепта, и стратегической перспективности культурной политики, основанной на сопряжении инноваций и традиций российской государственной национальной политики. Это позволит противостоять разрушительным тенденциям, заложенным в некоторых идеях, предлагаемых для реализации на социокультурном пространстве России, таких как «необходимость глобального перераспределения земных богатств, новой революции, нового коммунизма»; о том, что России «нужны не инно-наномечты, а новая индустриализация»; что мультикультурализм в России необходим для формирования единого евразийского пространства, на котором воздвигнется геополитическое государство, противостоящее как «атлантизму», так и «европеизму» в мировой политике и др. Исходя из вышеизложенного, проблема данной работы может определяться следующими противоречиями:

- между революционной сущностью происходящих изменений в социокультурной реальности, а также самих базовых регуляторов культурной жизни, и восприятием изменений как обладающих дестабилизирующим потенциалом, а потому требующих осмысления с помощью коллективных усилий множества наук и адаптации к действующим социокультурным конструкциям;

- между представлением о современном культурном мире как о принципиально едином цивилизационном пространстве, и сохраняющейся социокультурной дифференциацией с тенденцией к уменьшению дисперсии, обусловленной продолжающейся, как и миллионы лет назад, глобализацией мира, но изменением модуса её результата с прогрессивного (расширение пространства цивилизации, мультикультурализация обществ) на прямо противоположный – к сворачиванию культур, унификации культурных традиций, появлению побочных феноменов - множества субкультур, что обозначает существование кризисных явлений в формировании мировоззрения человека;

- между сохраняющейся инерцией теоретико-методологических оснований советской «государственной национальной политики» как привычных социокультурных ориентиров для массового сознания, и необходимостью их дополнения соответствующими новому времени приоритетами и форматами культурной политики с учётом новой Стратегии;

- между существовавшим длительный период статичным представлением о носителях культуры как индивидуумах с определёнными био-социо-культурными характеристиками, и модификацией этих характеристик, обусловленных психофизиологическими трансформаци-

ями, происходящей конвергенцией культур и информационной интернет-интервенцией;

- между представлением о современном обществе как о принципиально едином социокультурном пространстве, продолжающем испытывать воздействие глобализации, и новой «неклассической» социокультурной дифференциацией, увеличивающей количество акторов культурной политики и требующей учёта новых переменных при формировании культурной политики;

- между бытующей теоретической и методической консервативностью в формировании культурной политики, обусловленной ориентацией на традиционные ценности, на идею сильной власти, на примат общества над личностью, социального над индивидуальным, предопределяющей её содержательное наполнение как средства закрепления определенных социальных отношений, навыков, и необходимостью разработки культурной политики, учитывающей сильные и слабые стороны прежней стратегии, и новых неклассических форматов культурной политики, не разрушающих традиционные ценности;

- между отсутствием теоретического обоснования транскультурного подхода (типа мультикультурализма) к осуществлению культурной политики в многокультурных обществах, и необходимостью учёта возможностей современных теоретико-методологических оснований культурной политики, в новых социокультурных реалиях.

Исследование феномена культурной политики потребовало обращения к трудам, в основе которых лежит системный культурологический анализ. Культурология, в данном контексте, это новейшего времени интегральное научное направление, изучающее транскультуру («между-культуру», «через-культуру», «насквозь - культуру», «над-культуру», «на перекрестье-культуру»), т.е. закономерности развития наук о культуре и обществе на границах национальных, расовых, гендерных, профессиональных культур, замкнутость которых была обусловлена традициями, языком, ценностной детерминацией, которые утрачиваются в связи с интенсивной глобализацией мира и потерями локальных культур. Вектор данного исследования констеллирован на основе достижений отечественной научной мысли (М.Бахтин, А. Лосев, С. Токарев, В. Библер, С.Аверинцев, Ю. Лотман, А. Белик, В.Тишков и др.). В оценке ряда направлений в изучении культур автор основывался на творчестве классиков российской и зарубежной этнологии. Основателями науки о культуре являются философы, историки, этнографы, этнологи, историки культуры, психологи, социологи, теоретики культуры, включая мыслителей античности и средневековья (Платон, Плотин,

Полибий, Аристотель, Ш. Монтескье, Дж. Локк). Ряд авторов заложил фундамент современных воззрений на культуру как единый концепт. Это основатели культурной антропологии и философии культуры (Э. Тейлор, Л. Уайт, М. Вебер, Дж. Фрэнгер, О. Шпенглер, К.Г. Юнг, К. Левин-Стросс, Х. Ортега-и-Гассет, Й. Хейзинга, Д. Белл, К. Клакхон и др.).

В более широком контексте проблемы взаимообусловленности этнокультурных и политических факторов представлены в работах таких авторов, как Д. Белл, И. Валлерстайн, М. Вебер, Н. Глейзер, Л. Гринфельд, Э. Дюркгейм, Д. Мойнихен, С. Московичи, Т. Парсонс, К. Поппер, П. Сорокин, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, К. Хьюбнер и др. Национальная проблематика занимала особое место и в философских исследованиях российских мыслителей, таких как, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, П. И. Новгородцев, Вл. Соловьев, П. Б. Струве (на стыке XIX - XX вв.). Одним из первых русских ученых, кто разработал теорию этноса, а также исследовал социально-политическую сущность данного феномена, был С. М. Широкогоров. Существенный вклад в развитие концепций этноса и этничности внёс академик Ю. В. Бромлей - основоположник исторической теории этногенеза.

В конце XX в. новое видение этнополитических процессов, связанных, в большой степени с распадом Советского Союза, разрабатывают Р.Г. Абдулатипов, В. В. Алексеев, А. С. Ахизер, А. В. Никонов, А. С. Панарин, С. Е. Рыбаков, Н. Г. Скворцов, А. И. Уткин и др. Большая часть современных работ, посвященных внутренней политике, определена взаимообусловленностью этнокультурного и политического. Авторами этих работ являются Р. Г. Абдулатипов, В. А. Авксентьев, Л. Ф. Болтенкова, А. О. Бороноев, А. Ф. Дашдамиров, М. С. Джунусов, Л. М. Дробижева, В. Ю. Зорин, К. В. Калинина, О. Ю. Малинова, А. А. Мацнев, М. О. Мнацаканян, В. А. Михайлов, М. В. Столяров, Л. О. Терновая, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко и др. Влияние этнического и гражданского национализма на характер культурной политики и политических процессов в России исследовано в работах А. Г. Здравомыслова, В. И. Козлова, В. В. Коротеевой, А. И. Куропятника, В. С. Малахова, В.В. Наумкина, С. Е. Рыбакова, С. В. Соколовского, С. В. Чешко и др. Особого внимания заслуживают исследования, проводимые в рамках проекта «Оптимизация развития наций в СССР», начатые в советский период под руководством отечественного учёного Ю. В. Арутюняна. Актуальные аспекты модернизации государственной национальной политики (стратегии этнополитики) в большей степени представлены в работах сотрудников кафедры национальных и федеративных отношений РАНХиГС Л. В. А. Михайлова, Л.Ф. Болтенковой, К. М. Калининой.

Проблематике мультикультурализма посвящено достаточное количество научных публикаций, но культурологический анализ особенностей мультикультурализма как социокультурного феномена и как возможного теоретико-методологического основания практики культурной политики, а также анализ альтернатив мультикультурализму в них представлен недостаточно или требует апгрейда. Дело в том, что в глобальном обществоведческом дискурсе превалирует сопряжение мультикультурализма преимущественно с проблемами миграции, и наиболее обсуждаемой является практика культурной политики, апробированная в специфической транскрипции «мультикультуралистского подхода» в западноевропейских странах. Сам термин «мультикультурализм» в российском научном дискурсе, в частности, в культурологии, антропологии, этнологии, этнопсихологии пока не получил широкого обсуждения и применения. В отечественную науку он интегрируется как иноязычный концепт с отрицательной коннотацией, что обусловлено превалирующей европоцентристской оценкой его реализации как «неудавшейся стратегии культурной политики».

Среди западных исследователей, рассматривающих проблемы реализации политики либерального мультикультурализма в иммиграционных странах и национальных государствах, можно назвать таких, как Ч. Тейлор, У. Кимлика, Ч. Кукатас, М. Уолцер, Т. Модуд, С. Вэйлэнд, К. Виндшаттл, К. Беттс, М. Лопес, А. Олунд. Основной массив опубликованных работ освещает мультикультурализм, преимущественно, с социальной, философской, морально-этической, социально-экономической или политической точек зрения (А.И. Куропятник, У. Кимлика, Л.А.Коробейникова, М.В. Мамонова, Т.Н. Суконкина, С.М. Федюнина, Т.В. Кудрявцева, Ю. Ю.Гафарова, К.Аппиа, С. Вольф, Ч. Кукатас, Э. Гутман, Д. Оберндерфер, Ч. Тайлор Ч., М.Уолцер, Ю. Хабермас, И.А. Мальковская, С. Хантингтон, С. Бенхабиб, Г. Тёрнборн, Т. Модуд, Б. Парекх, А. Бьюкенен, С. Жижек и др.). Между тем, мультикультурализм важен не только как форма теоретической концептуализации роста культурного плюрализма современных национальных обществ, но и как актуальное направление в развитии современной культурологической теории, как теоретико-методологическое основание практики культурной политики.

Круг основных проблем, поднимаемых в рамках концепции мультикультурализма в отечественной культурологии, философии, этнологии, социологии, социальной антропологии, главным образом, касается изучения этнических диаспор, этничности, межэтнических отношений, идентичности, этнонационализма, правового положения меньшинств

(Ю.В.Арутюнян, Е.И. Клементьев, В.С.Кондратьев, Р.А. Костин, А.А. Сусоколов и др.). Конкретные модели социальной мультикультурности рассматривают У. Кимлика и Ч. Кукатас. С.М. Окин, Б. Кагарлицкий, указывая на слабую обоснованность концепции мультикультурализма, обозначая её как новую форму социального обскурантизма. В исследованиях отечественных социологов можно встретить утверждение, что с появлением западноевропейского концепта мультикультурализма, впервые за всю историю существования наций национальный вопрос превратился в этнонациональный и стал одним из самых актуальных в жизни многих народов (А.И.Куропятник). Как считает А.И. Куропятник, в мультикультуралистском концепте нация стремится к устранению этнокультурного плюрализма, поощряет ассимиляцию национальных, этнических, культурных меньшинств в пользу этничности и культуры национального большинства. В течение последнего десятилетия эта предпосылка сопровождается серьёзными отечественными исследованиями мультикультурализма (В.К. Антонова, Г.Г. Карпова, С.М. Федюнина, М.В.Глостанова, И.А. Мальковская, Т.Н.Суконкина, С.Р. Дерябина, В.Г. Федотова, А.А. Борисов).

В работе С.Б. Синецкого (культурология) проведён анализ процессов взаимовлияния и конструирования культурных норм и ценностей, транснациональных образовательных программ, компьютерных программ, направленных на создание образов новой культуры. Рассмотрение структуры социума либеральными и радикальными мыслителями изучил Г.А. Короткий (социальная философия). Этот автор считает перспективным путь развития мультикультурной теории с учётом замечаний её критиков при проведении политики, направленной на консолидацию поликультурных обществ. Феминистская критика теорий либерального мультикультурализма дана в работе И.И. Тюриковой (социальная философия). Культурная политика в процессе модернизации инфраструктуры культурного пространства региона (Омский регион) рассмотрена в работе Н. М. Геновой (культурология). Проведены исследования причин и механизмов установления групповых границ, а также их соотносённости с этнокультурными параметрами групп населения (Ю. В. Бромлей, С.А. Арутюнов, Н.Г.Скворцов, Х.Вермюлен, Ф. Барт, В. Буков, В. Мюльман, Э.Шилз, Т.Эриксен и др.).

Проблематика мультикультурализма изучается в сопряжении с вопросами предрассудков, стереотипов, дискриминации, конфликтов, а также с разработкой механизмов толерантности (Л. М. Дробичева, Н. М. Лебедева, М. И. Мукомель, Т.Стефаненко, А.Садохин, Т. Грушевицкая, А. Здавомыслов, В. Авксентьев, В. Тишков, В. Ярская,

В. Кочеткова); формирования межкультурной компетенции (А. Садохин, С. Тер-Минасова, Л. Гришаева, Д. Гудков, В. Красных, Т. Персикова, А. Вержбицкая, О. Леонтович). Также в круг рассматриваемых проблем при исследовании вопросов мультикультуралистской ориентации включается идеология национализма. Г. Солдатова, А. Аклаев, В. Коротева, Л. Дробижева изучают вопросы национализма в России в условиях демократизации жизни. Признанный эксперт в вопросах национализма Э. Геллнер, в течение года изучавший этот вопрос, живя в постперестроечной России (1989 г.), сделал вывод, что в СССР национализм был «заморожен до времени», когда же система распалась, на пути национализма не оказалось преград. Э. Геллнер делает вывод, что в СССР и ранее не было гражданского общества, оно полностью разрушилось из-за абсолютной нетерпимости социалистической системы к экономическому, политическому или идеологическому плюрализму.

В философской теории М. Уолцера толерантность рассматривается как социально значимая характеристика, представляющая собой особый способ принятия различий, который исключает развитие конфронтаций и ксенофобий.

В исследованиях отечественных учёных встречается предложение (В. В. Коротева) отсчёт истории научного изучения мультикультурализма вести со знаменитой лекции французского историка Э. Ренана «Что такое нация?», прочитанной в Сорбонне в 1882 г. Основываясь на той методологической предпосылке, что не всегда просто определить, грань, отделяющую науку от идеологии, автор утверждает, что концепция мультикультурализма прямо не ориентирована на политическое действие, скорее, она имеет целью понимание действительности, чем ее преобразование. Хотя и замечает, что эта концепция не всегда полностью свободна от идеологии. Отечественный философ Т.П. Волкова полагает, что мультикультурализм начал позиционировать себя как философская теория в конце прошлого тысячелетия, появившись в середине 1980-х годов в результате дискуссии, развернувшейся между теоретическими направлениями либерализма и коммуитаризма. Автор рассмотрела три философских теории мультикультурализма, относимых ею к категории классических: философскую концепцию Ч. Тэйлора, теорию американского мультикультурализма и мультикультурного гражданства У. Кимлики и теорию толерантности М. Уолцера.

Разрабатываются модели культурного релятивизма, межкультурного взаимодействия (Р. Бенедикт, М. Мид, Р. Брислин, Э. Холл), модели адаптации к инокультурной среде, преодоления культурного шока (М. Беннет). Своя интерпретация дана азербайджанскими учёными

(профессор Рабият Асланова): мультикультурализм (очень много культур) предоставляет широчайшие возможности, поскольку строится не на принципах подчинения, субординации, а на координации действий. Это большая ценность, в основе которой лежит плюрализм культур, обеспечение государством равного социального статуса этническим, религиозным и культурным меньшинствам. Это движение навстречу друг другу, а не ассимиляция. Проявление межкультурных различий в повседневной жизни, в образовательной системе и бизнесе изучают С. Лурье, В. Кочетков. В разных проекциях рассматривается феномен ксенофобии, существенно влияющий на содержание культурной политики, - как эпидемия, как механизм социокультурной интеграции, массовый синдром, сопряженный с определёнными формами национализма, патриотизма, расизма, экстремизма (Л. Гудков, Е. Вовк, В. Ильин, Т. Васильева). Критика в адрес либерального мультикультурализма как основы практик культурной политики («антиэссенциализм», «либеральный универсализм», «политика признания»), высказывается как в западной научной среде, так и в отечественном дискурсе (Ю. Хабермас, С. Бенхабиб, Э. Филипс, Б.Эрри. И.Б. Орлова).

Такие теоретики феминизма, как Н. Юваль-Дейвис, С.М. Окин, Н.Нарайан, С. Бенхабиб указывают на игнорирование в теориях либерального мультикультурализма проблемы гендерного неравенства внутри культурных групп и предлагают альтернативные теории для разработки этих, «лишённых внимания», тем: «неомарксистский мультикультурализм» (Н. Фрейзер), «радикальная демократия» (Ш. Муфф), «плюралистическое блокирование властных иерархий» (А. Шачар), «делиберативная модель мультикультурализма» (Э. Филлипс, А. Янг, С. Бенхабиб). По мнению С. Бенхабиб мультикультурализм, как политическая доктрина и направление практической политики, основан на идее несоизмеримости, непереводаемости культур, отсутствия между ними какого-то бы ни было единства, на абсолютизации культурных различий.

Общим для ряда отечественных исследований является вывод о том, что «мультикультурализм» служит своеобразным актом признания государственными институтами бесплодности ассимиляционной политики. Оно согласуется с выводами западных исследователей о том, что модель мультикультурализма предполагает легитимацию различных форм культурной инаковости, которая лаконично выражена в формуле «интеграция без ассимиляции». В.Антонова, О. Щедрина, А. Куропятник, В. Малахов провели сравнительный анализ политик Великобритании, Канады, Германии, Франции, в сопоставлении с тенденциями в отечественной практике культурной политики. По мнению

отечественного социального философа В.Г. Федотовой, культурное многообразие является в современном мире фактом естественным и неизбежным, и мультикультурализм выступает не просто как констатация этого многообразия, а как стратегия, направленная на поддержание разделительных линий.

Автор термина «этнический ренессанс» В.А. Тишков акцентировал внимание на том, что мультикультурализм – это и момент фиксации, и признание наличия в обществе/государстве культурных различий, и концептуальная позиция в сфере политической философии и этики, находящая свое выражение в правовых нормах, общественных институтах, повседневной жизни людей. Иное мнение у И.Б. Орловой (ИСПИ РАН). Этот автор считает, что мультикультурализм как теоретическая концепция служит цели дискриминации и деструкции базовых культур, лежащих в основе развитых обществ. И вместе с тем она признаёт, что в России концепция мультикультурализма остается составной частью осуществляемых либеральных реформ. Важным и вселяющим оптимизм представляется не этот, а другой аспект исследований Института социально-политических исследований РАН (директор И.Б. Орлова), подтверждающий новый тренд, которому мы также придаём большое значение. По результатам последних исследований учёными данного института сделаны выводы, которые позволяют говорить о новой положительной тенденции: в 2011 году впервые зафиксировано увеличение значимости для населения общероссийской, гражданской идентичности, наряду с этнокультурной. Эта идея была ранее высказана В.А. Тишковым: объединить Россию, объединить российскую нацию может только легитимация двойной или двухуровневой идентичности, имплицитно присутствующей в ментальности российских этносов. Первый уровень – этническая идентичность (аварец, русский, татарин). И одновременно – второй уровень – государственная, общероссийская, патриотическая идентичность. Каждый человек одновременно – и представитель своей этнической общности, и представитель своей страны. Важнейшими факторами, объединяющими разные этнокультурные группы, является общий государственный язык и владение общей культурой, как базовой, наряду с локальной этнической. Тем самым эксплицируется релевантность современным задачам нациестроительства ряда теоретических положений и практик прежней «советской государственной национальной политики», учтённой в новой Стратегии.

Наряду с этим есть работы, в которых отечественные исследователи за фасадом термина «мультикультурализм» не видят исконно

российского «многокультурья». Так, философ Х. В. Сударкина пишет, что приходится констатировать вслед за Р.Бернштейном, что мультикультурализм определенно понятие неопределенное. Хотя, очевидно, автору известны многие энциклопедические и авторские определения, т.к. она приводит статьи из «Dictionary of Race, Ethnicity and Culture», где мультикультурализм характеризуется как сосуществование ряда различных культур внутри какой-либо группы общества; как определенная государственная политика или политическая система, не допускающая дискриминации по признаку принадлежности к группам этнических и/или культурных меньшинств и ставящая во главу угла равное признание различных культур.

В теории американского философа-«марксиста» И. Валлерстайна мы обнаруживаем точно указание на «носителей мультикультурализма», к которым отнесены такие социальные группы, как «женщины», «африканцы», «латиноамериканцы», «азиаты» и др. Их притязания на участие в политической жизни И. Валлерстайн считает оправданными, достойными социального признания и предоставления им права на культурную самобытность. Ч. Тейлор, М. Сэндел, относимые экспертами к «мультикультуралистам», полагая, что нейтральность в политике невозможна, предложили концепцию толерантности (эссенциалистскую): как бы мы ни старались, мы никогда не можем полностью устранить влияние нашей обусловленности, - иррациональные приверженности человека значат для него гораздо больше рационально исповедуемых ценностей. Некоторые авторы (Хами Бхаба, В. Миньола, С. Бенхабиб), защищая притязания (относимые ими к мультикультуралистским) традиционных этнокультурных групп на получение равного статуса с западной культурой, доказывают, что позиции западных культур не выдерживают конкуренции, так как они слабее. Ч. Кука-тас и У. Кимлика говорят о необходимости устранения в обществе не всех неравенств, а лишь тех, которые причиняют многим ущерб. Они считают, что государство не может быть безразличным к этничности и называют требования о культурном спонсировании меньшинств справедливыми. Существует и такая позиция, которая основывается на понимании того, что для нормального функционирования на протяжении поколений культурная группа должна иметь некую ткань общей культуры, скрепляющую единство. До недавних пор это выражалось в едином национальном чувстве гордости, патриотизме, ценность которых, очевидно, не утрачена. Отрицание принципов мультикультурализма отдельные критики обосновывают тем, что вместо решения существующих проблем, «большинство» обеспечивает их перманентное

воспроизводство через предоставление группам привилегии, предопределяя тем самым увеличение количества групп, которые выдвигают всё новые, часто невыполнимые на практике, требования (С.Хантингтон, П.Дж. Бьюкинен, А.А.Борисов, К.В.Гарибян).

К. Ясперс, один из главных представителей экзистенциализма, рассуждая о технике и ее месте в культуре, обращает наше внимание на то, что именно техника была основным фактором исторического развития, когда человек взаимодействуя с природой, постоянно совершенствовал способы ее покорения. Теперь ситуация изменилась, возникает совершенно новая среда, созданная человеком с помощью техники, и покоренная природа становится для человека опасной. Эпоха преобразований имела разрушительный характер. В мире осталось немного истинного и прочного, на что индивид мог бы опереться в своем мироощущении. Начало этому процессу было положено в конце XVIII века, когда относительная стабильность жизни, длившаяся в течение тысячелетий, завершилась переворотом, ускорением событий, последствия которых невозможно предотвратить. Радикально изменяется повседневная жизнь человека. Деятельность его сосредоточена, в основном, в сфере массового производства, существование его напоминает действие некоего технического механизма, а планета - единую фабрику. Человек становится жителем Земли без родины, без своей культурной почвы, с единственно ценимой способностью обучаться и совершать полезные функции. При этом утрачивается преемственность культурных традиций, которые расцениваются как незначительные, маловажные для человека, живущего в виртуальном пространстве. Техника, как умение применять орудия труда, существующая с тех пор, как существуют люди, сама по себе нейтральна; она не является ни благом, ни злом, но может быть использована так или иначе. Истоки замыслов и их исполнения, коренятся в человеке. Первым шагом очеловечения человека, вырвавшегося из своей изначальной «естественной» среды, была совершенная им domestикация (приручение, окультуривание). Теперь складывается новая среда, в большой степени виртуализированная, когда, не выходя из дома, человек обозревает весь мир в образах и звуках, может видеть то, что раньше, казалось, находилось вне сферы знания. По замечанию К. Ясперса, граммофон и фильм сохраняют в памяти то, что когда-либо происходило. Возможность наблюдения бесконечно расширяется во всех направлениях и достигает немислимой ранее тонкости. Перед нашими глазами глобус, наполненный ежедневными сообщениями отовсюду. Складывается новое мироощущение. Несомненно то, что человек уже не может осво-

бодиться от воздействия созданной им техники. И совершенно очевидно, что в технике заключены не только безграничные возможности, но и безграничные опасности.

С точки зрения Р. Рорти, невозможно теоретически обосновать превосходство одних культурных ценностей над другими, также сложно обосновать необходимость уважительного отношения к достоинствам иных культур, которое необходимо в целях сохранения мира во взаимоотношениях внутри нации. Для обеспечения национальной солидарности есть другой путь - обоснование поддержки традиционной национальной культуры соображениями социальной прагматики, - всем нужен мир. Наиболее популярна трактовка мультикультурализма как идеологии современного либерализма или радикализма. Британский теоретик мультикультурализма Бхикху Парех полагает, что мультикультурализм - это адекватная реакция на объективную мультикультуральность обществ, которая пока характеризует, в большей или в меньшей степени, только западные общества, но впоследствии и весь остальной мир придёт к этому. Наиболее веским основанием такого развития событий ему представляется глобализация мира. Для А. Шлезингера (мл.), С. Жижека, А. Блума сущность мультикультурализма видится в происходящей подмене общественных идеалов, когда за понятием интеграции, выдающей себя за форму толерантности, скрывается ассимиляция - приспособление к господствующим формам идентичности, а это ведёт к фрагментации общества и сепаратизму. Некоторыми экспертами отмечена практика рассмотрения общества как конгломерата культурных единиц (меньшинств), к которым вынужденно обращены некоторые запретительные предписания общежития, когда меньшинство не желает принимать основополагающие нормы гражданского общежития, и тогда политика властей может (и должна) становиться репрессивной [153]. Эксперты из числа украинских исследователей считают, что постмодернистская критика европоцентризма и ассимиляторства привела к появлению неолиберальных течений. И мультикультурализм появился как неолиберальный дискурс социальной и политической философии, переосмысливший проблему культурных различий и многообразия. Если для классических либералов базовой аксиологической доминантой является индивид, примат его прав и свобод, то нео-либералы выдвигают тезис о том, что индивид и его идентичность определяются общностью, к которой он принадлежит, поэтому любая атака на эту общность автоматически является атакой на индивида. Однако внимательное рассмотрение проблемы позволяет увидеть в либеральном мультикультурализме завуалированные конно-

тации культурного расизма и европоцентризма.

В настоящее время существует большое число типологий культурной политики, т.к. существуют разные подходы к пониманию ее целей, механизмов реализации и результатов. Так, Абрахам Моль различает две группы оснований для классификации моделей культурной политики: социостатические и социодинамические. *Социостатическая* модель разделяется, в свою очередь, на три подгруппы: популистская или демагогическая, целью которой является удовлетворение культурных потребностей как можно большего числа людей; патерналистская (или догматическая) - политика в сфере культуры служит целям определенной политической партии, религиозного течения или государства в целом; «эkleктическая» - оснащение каждого человека индивидуальной культурой, представляющей собой выборку из более общей гуманитарной и гуманистической культуры. *Социодинамическая* политика отражает новое содержание культуры в каждую эпоху и, по А.Молю, имеет два направления: «прогрессивное» и «консервативное»; в первом случае субъект культурной политики стремится ускорить, во втором – замедлить ход эволюции культуры.

Высказываясь в пользу целесообразности участия государства в реализации культурной политики, исследователями приводятся разнообразные аргументы. Норвежские специалисты, к примеру, приводят следующие доводы. 1. Государственное регулирование может быть инструментом, обеспечивающим равные и справедливые возможности доступа к ценностям культуры каждому, в какой бы точке страны он ни жил. 2. Культурное творчество обладает настолько особыми качествами, часто выходит за границы существующих в обществе интеллектуальных и моральных норм, что порой принять их среднему человеку довольно трудно, поэтому их надо защищать, как от рыночных отношений, так и от необдуманных решений местных властей, которые могут оказаться под влиянием популистской оппозиции, выступающей против шокирующего их самовыражения. 3. Третий довод в защиту государственного регулирования в сфере местной культурной жизни имеет социологическое обоснование. С этой точки зрения, идея всеобщей децентрализации и передачи властных полномочий муниципалитетам основывается на нереалистичном и в какой-то мере ностальгическом (мифическом) представлении о современном обществе как деревенской общине (муниципалитете), почти полностью самоуправляемой, с собственной культурной идентичностью, с местными законами. Подобные представления, однако, по мнению норвежского автора, мало соответствуют реальностям современного дифференцированного

общества, будь то мелкая община или большой город.[244]. Современный человек в большей мере характеризуется идентификацией с вторичными, не местными группами, в частности, с профессиональными, либо общественными формированиями. Культурная жизнь в муниципалитете не регулируется только на местном уровне. И сами муниципальные администраторы культуры выступают против децентрализации в сфере культуры. Объясняется это стремлением заручиться поддержкой центральной власти, когда реальная или предполагаемая угроза исходит от более могущественных секторов муниципального хозяйства, от мало понимающих в культуре политиков и чиновников. Эти тенденции считаются характерными для Норвегии и Финляндии.

Сегодня список субъектов культурной политики расширяется. Субъектами социально-культурной деятельности выступают: индивид (личность), малая (контактная) группа, социальные институты, организации и объединения, классы, иные субъекты социального расслоения (стратификации), этносы, страны-государства, региональные сообщества, человечество (родовой субъект). Германская исследовательница Эрика Валь-Зигер предложила различать две модели финансирования зрелищного искусства в странах с развитой рыночной экономикой: англо-американскую и германскую. В первом случае в условиях развитого коммерческого сектора культуры и достаточно устойчивых традиций частной благотворительности бюджет организаций культуры формируется посредством как собственных доходов от основной деятельности (сборов от продажи билетов), так и частных вкладов. В странах германского типа доходы от основной деятельности сопрягаются с государственными ассигнованиями. Недостатком такой типологии, на который указывают отечественные исследователи, является то, что она не даёт ответа на вопрос о долях разных источников финансирования в общей структуре бюджета учреждений искусства. Российский экономист А.И.Глаголев, опираясь на концепцию Э.Валь-Зигер, и существенно уточнив исходные данные на основе собственных расчетов, выделяет три типа финансирования культуры в разных странах мира: *романский, германский и англо-американский*. В странах романского типа субсидируемые организации более чем наполовину получают помощь от центральных государственных властей. В странах с германским типом субсидирования ассигнования на 80 – 84% поступают от местных властей. И, наконец, в странах с англо-американским типом субсидирования лишь 5% бюджета организаций исполнительских искусств пополняются за счет государства, а за счет частных вкладов – от 35 до 40%.

Согласно точке зрения отечественного учёного Л.А. Вострякова, се-

годня в российских реалиях необходимо отказаться от антагонизма между «патерналистской» и «партнерской» моделями культурной политики и уменьшить противоречия двух подходов путем совмещения политического курса и социальных программ, путём дифференциации подходов в зависимости от различных экономических возможностей регионов и предоставления большей свободы выбора вариантов самим регионам.

По мнению ряда экспертов, государство по мере формирования своей культурной политики становится все в большей степени заинтересованным в расширении субъектов культурной политики, так как это создает дополнительную защиту для развития сферы культуры.

Отечественная исследовательница А.И. Дымникова приводит модели государственного финансирования сферы культуры, предложенные Г. Х. Шартраном и К. Мак-Кафи (Канада). Они имеют условные названия: государство-«вдохновитель», государство-«патрон», государство-«архитектор» и государство-«инженер». Как считают исследователи, одна и та же страна может использовать одновременно взаимодополняющие модели, поэтому предложенные классификации не являются взаимоисключающими. М. Драгичевич-Шешич (Белград) предлагает, рассматривая концепции моделей культурной политики, учитывать характер политического устройства государства и роль государства наравне с другими субъектами в реализации культурной политики. На базе этих двух критериев автор обосновывает четыре различающиеся между собой модели. 1. *Либеральная* модель культурной политики предполагающая частное владение средствами производства и распространения культурных товаров, созданных для большой аудитории массовой культуры. Роль частных фондов является решающей и для развития искусства. О роли государства здесь речи не ведётся. 2) В модели *государственной бюрократической или просветительской* культурной политики доминирует государство, которое с помощью аппарата (законодательного, политического, идеологического) и финансов контролирует, т.е. ориентирует и планирует сферу культуры. Такая модель была типичной для социалистических стран. Государственная модель, по мнению автора, присуща Франции и Швеции. 3) Модель *национально-освободительной культурной политики* наиболее типична для бывших колоний, но сегодня она отличает государства Восточной Европы. Основной чертой ее является развитие оригинальных культурных традиций, подавлявшихся в колониальный или в социалистический период, что нередко ведет к таким последствиям, как «закрытая культура», национализм и даже шовинизм. Часто это сопровождается неприятием художественных работ, выполненных в предыдущие пе-

риоды, отрицанием культуры национальных меньшинств, альтернативного и экспериментального искусства. В странах третьего мира в рамках этой модели стоит задача подъема общекультурного уровня. 4) *Модель культурной политики переходного периода*, согласно М. Драгичевич-Шешич, отличается тем, что она даже демократические проекты пытается реализовать через неповоротливые структуры государства, неспособные сразу отказаться от командно-бюрократических методов. Это нередко смещает культурную политику в националистическое русло. Именно такая модель, по её мнению, свойственна современной Сербии. Некоторые страны колеблются между новыми тенденциями и традиционными представлениями. А. Визанд (Бонн, Исследовательский институт культурной политики) делает вывод, что в Европе конца XX века происходит движение от традиционной модели культурной политики государства всеобщего благосостояния, от идеи общественной поддержки искусства и культуры к признанию модели культурной политики рыночного типа.

В исследованиях многих аспектов культурной политики мы находим инновационный взгляд на проблему и новые мысли. Однако на данном этапе недостаточно разработан ряд принципиальных вопросов по проблеме использования мультикультурализма в качестве теоретико-методологического основания культурной политики, которое требует концептуализации на системном уровне в рамках культурологической науки. Вместе с тем, необходимые предпосылки для системной рефлексии и выведения культурологии мультикультурализма на уровень самостоятельного направления создают накопленный теоретический и эмпирический материал, исторический опыт реальной политики толерантности и культурного согласия.

В целом, при наличии некоторых концептуальных расхождений, в культурологии, психологии и других науках постулируется принцип «постепенности» вхождения человека в культуру, усвоения норм и принятия ценностей культуры не через инсайт, сатори и другие мистические переживания, а в процессе деятельности, через понимание существования модуса длительности у ассимилирующего влияния культуры в процессе социализации, инкультурации. Можно говорить о сформированной методологической традиции сохранения преемственности в практиках культурной политики, существовании апробированных социокультурных моделей, делающих постепенным обновление мировоззрения и реконструкцию практик культурной политики. Только масштабные катализирующие революционные события могут резко изменить течение социокультурных процессов.

Как известно, немецкий просветитель И.Г.Гердер обосновал идею универсализма «мировой истории».[80]. Сегодня, по мнению ряда специалистов, проблематика культурной политики находит выражение в оппозиции партикуляризма и универсализма; встав на путь универсализма, мировое сообщество создает всепланетную культуру, возможно, это будет некий культурный синтез. К. Ясперс в своё время писал: «Если вначале они [культуры] казались тремя путями, направленными к одной цели, то в дальнейшем они становятся совершенно чуждыми друг другу». [436]. Согласно О. Шпенглеру, культуры обладают внутренней герметичностью, они не слышат друг друга, они развиваются не параллельно, а обособленно, именно этим и объясняется самобытность современных культур. [417]. Новое время внесло в этот процесс свои коррективы – культуры проницаемы, доступны для обозрения, сближения и т.д.

Длительное время российское государство, стремясь унифицировать культурные процессы, объединить население территорий, в разное время присоединившихся к России, в целях создания единой нации, стремилось преодолеть полисубъектность в сфере культурной деятельности. Сегодня содержание и направленность современной российской культурной политики определяют как центральные государственные структуры, так и региональные и муниципальные субъекты культурной политики, а также глобальные неконтролируемые в целом унифицирующие тенденции. В научный оборот вошли новые понятия, такие как, «акторы культурной политики» («администраторы», «менеджеры культуры»), с чётко обозначенным кругом обязанностей и спецификой осуществляемых ими функций, которым не вменяется рефлексия над основаниями культурной политики. Считается, что методологически продуктивнее выстраивать культурную политику, ориентируясь на мировоззренческую установку, исходящую из того, что культуры «слышат друг друга», могут видеть друг друга, они стремительно перестают быть уникальными. Идёт эскалация интегративных социокультурных процессов, на этом фоне стремление к сохранению социокультурной идентичности и культурной самобытности народов (мультикультурализм) воспринимается как стратегия самозащиты. Непродуктивно рассчитывать на то, что существует неизменная эффективная универсальная модель культурной политики на все времена. Всякая государственная культурная политика с течением времени пересматривает концептуальные идеи, которые лежат в ее основе. Специалисты определили, что в условиях современной России в абсолютном виде ни одна из действующих ныне моделей государственной культурной политики не может

быть использована как базовая, - ни патерналистская, ни рыночная, ни партнерская, но они могут присутствовать в различных пропорциях в конstellации стратегии культурной политики.

В работах отечественных теоретиков указывается, что мыслимы культуры и формы деятельности, при которых индивид может участвовать как агент в коллективной деятельности и не обладать «Я». Человек не может рассматриваться как автор своих поступков, потому что реагирует в основном в соответствии с системой коммуникации, в которую оказался втянутым. (Работы Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, В.С. Библера, А.Н. Леонтьева, Ф.Т. Михайлова, В.А. Лекторского, В.А. Тишкова, В.М. Межуева, А.К. Уледова). Авторы считают, что в целом деятельностный подход в современном мире весьма перспективен. Философ Ф.Т. Михайлов подчеркивает, что предметная деятельность часто рассматривается как деятельность человека вообще. Но «человек вообще» тоже категория, за которой скрывается либо индивид со своей психофизиологией, либо человек общающийся, теряющий неповторимость в психологии общности. В замечании Ф.Т. Михайлова отражены трансформации, которые современная система ценностей создаёт в самосознании личности. Точка зрения отечественных философов демонстрирует инновационную оценку наличной культурной ситуации как нового этапа в её развитии, условно именуемую как пост-постмодерн.

Мы опираемся также на работы Т. Адорно, Ф. Матарассо, Ч. Лэндри, Э.С. Маркаряна. В отечественной науке культурологический подход начал формироваться еще в 1970-80-х годах в рамках философии (В.С. Библер, Н.С. Злобин, Л.Н. Коган и др.), при этом особое внимание уделялось идеям, концептуализирующим культуру как ценностно-нормативную основу социокультурной практики (С.Н. Иконникова, П.С. Гуревич, М.С. Каган, Г.П. Щедровицкий); обосновывающим деятельностный подход к пониманию культуры и ведущую роль активного социального субъекта в культурном процессе (Л.Н. Коган, М.С. Коган, Л.Б. Зубанова, В.С. Цукерман); разносторонне проблематизирующим возможности культуры как регулятора социальной жизни (Ф. Ницше, Ж.-Ж. Руссо, Н.А. Бердяев). Первыми среди российских учёных начали изучать мультикультурализм и его основные принципы, ценности с точки зрения возможной адаптации к постсоветскому российскому контексту: В.А. Тишков (1997), Ю.А. Арутюнян, Л.М. Дробужева, А.А. Сусоколов (1999), А.И. Куропятник (2000), В.С. Малахов (2002); А.А. Борисов (2003), Л.Р. Низамова (2005), А. И. Мукомель (2006), В.К. Антонова (2006), А.Г.Осипов (2008). В числе отечественных исследователей либерального мультикульту-

турализма необходимо назвать М.Б. Хомякова, В.А. Куренного, В.Ю. Сморгуну, Г.Ю. Канарш, Б.Н. Кашникова, В.С. Котельникова и др.

Одной из главных проблем было понимание культуры как сферы неполитической, это определяет отношение к ней, как «неприоритетной, вторичной» для развития общества. Сегодня многие исследователи признают необходимость пересмотра сохраняющихся постреволюционных «марксистских» представлений о культурной политике и «классового» подхода к его рассмотрению, т.е. взгляд на национальную культуру как состоящую из двух направлений: буржуазной и демократической, или социалистической. После революции 1917 г. одним из течений в социалистической культуре в России был, так называемый, «пролеткульт» («пролетарская культура») - программа и движение, нацеленные на тотальную ликвидацию «буржуазной культуры». Эта точка зрения явилась логическим следствием ленинской идеи культурной революции, которая включала в себя задачи преобразования российской действительности: «поголовная грамотность, достаточная степень толковости, достаточная степень приучения населения пользования книгами и затем освоение всего духовного наследия, забота об исторических сокровищах народа и последующее создание новых ценностей, соблюдение человеческой порядочности, культуры поведения и последующее утверждение культуры демократии, организация труда, быта и последующее внедрение новейших достижений науки и техники». Лидеры «пролеткульта» выказывали пренебрежительное отношение к искусству и культуре прошлого, говорили о ее «разлагающем воздействии» на пролетарские массы, считая, что старая культура может подавить классовое самосознание пролетариата. Пролеткультовцы полагали, что лишь интеллигенция может воспринять старые ценности безболезненно, а для пролетариата они - яд. Они призывали к немедленному созданию своей, «чисто пролетарской» культуры, не наследование, а «преодоление» культуры прошлого. Пролетариат сможет коллективными усилиями создать «своих Пушкиных» и даже превзойти их. В «пролетарской культуре» должно быть «все наоборот»: арифметические задачи не должны строиться на отношениях купли-продажи и частного найма, которые не допустимы в коммунистическом обществе. Была даже составлена новая программа по курсу математики, свободная от «буржуазной плесени» и основанная на «самодетельности учащихся». Лидеры этого движения считали, что необходимо «переработать» и биологию, а также другие элементы «буржуазной культуры». Государственной властью «пролеткульт» фактически был поддержан, однако представители российской интеллигенции воспротивились «новой»

идеологии. В последующие годы приоритетами культурной политики государства стала охрана памятников культуры: реставрация художественных полотен, защита от расхищения музейных фондов, ремонт зданий, сооружений, а также сохранение нематериальных памятников (содержащих представления людей об историческом времени, его идеалах), мировоззренческих установок, нравственных ценностей, понятий о справедливости, добре, красоте.

В сфере культурной политики сегодня все более самостоятельно действует множество субъектов, ориентирующихся на собственное мировидение и собственный финансово-экономический потенциал. Но для концептуальной проработки новой культурной политики необходимо целенаправленно решить ряд важных для общества стратегических задач: как должна строиться современная российская модель культурной политики, какие концепции, идеологические приоритеты и культурные ценности должны лежать в ее основании, насколько эта политика должна быть уникально российской или формироваться в рамках глобальных тенденций.

Автор исходит из того понимания, что в ситуациях принятия необходимых решений по всем вопросам, относящимся к культурному развитию общества в целом, культурная политика предполагает сознательное регулирование процессов в этой сфере. Концепции культурной политики не могут оставаться статичными, раз и навсегда определёнными, потому что фокус ее приоритетов и интересов зависит от принятой в обществе политической идеологии; от господствующих в обществе представлений о природе культурных процессов, их роли в развитии общества, приоритетности для государства решения вопросов культуры, от взаимных обязательствах взаимодействующих субъектов культурной политики.

Современная концепция культурной политики, опирающаяся на теорию мультикультурализма, способна обеспечить формирование коллективной идентичности, как чувства принадлежности не только к узко трактуемому community, но также, в более широком плане, - к эпохе, времени, человечеству, государству, к определённой гражданской нации.

Сегодня обнаруживаются очертания варианта мультикультурализма, отличного от глобального и европейского, это «русский мультикультурализм». Его особенности можно артикулировать институционально. Институции не существуют без риторики, риторикой институций «русского мультикультурализма» является культурная политика, опирающаяся на следующие постулаты:

- мультикультурализм это концепт, состоящий из набора определённых теорий и практик для осмысления культурной неоднородности обществ;

- временем зарождения мультикультурализма, как социокультурной реальности, является начало расселения людей по планете, а не время появления аналогичного термина в современных лингвокультурах;

- экзистенциальной сущностью «мультикультурализма» является мультикультуральность, как характеристика культурной неоднородности общества, формировавшаяся параллельно с развитием цивилизации и прогресса;

- мультикультурализм - и сам мультиплекс, как дискурс связывается не только с вопросами структуры общества, взаимоотношений государства и общества, различных групп между собой, с проблемами миграции, но и с широким спектром культурных феноменов: искусство, наука, философия, литература, политика, медицина, радиоэлектроника, кибернетика и т.д.

- перманентная многокультурность российской нации как историческая данность, присутствует в модусе «фигуры умолчания» в российском обществоведении и массовом сознании. Мы не ставим вопрос, до какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и когда к нему можно перестать относиться терпимо, так как проблема видится совершенно в ином: в «культурализации» (автор термина К. Клакхон) социальных, экономических, политических вопросов.

Для любой новой идеи, для нового акта восприятия имеются свои предпосылки, так как человек, взаимодействуя с поступающей информацией, всегда дорабатывает ее в своем сознании согласно содержанию своей репрезентативной системы; создается некий целостный образ, не сводимый к свойствам суммы составляющих его элементов. Такое целостное восприятие называется «гештальтом», финальный образ не является эксклюзивным – он интертекстуален, складывающиеся образы и идеи имеют в своей основе связь с опытом предшествующих поколений, т.е. априори реальность мультикультуральна.

Авторами термина и теории мультикультурализма являются Г. Маркузе и И. Берлин. [38; 251] Введение в язык научных исследований терминов «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» в немецкоязычном пространстве считается заслугой Хайнера Гайсслера, руководившего в своё время партией ХДС. [74]. Первыми пропагандистами мультикультурализма выступили представители германского промышленного капитала, озабоченные ухудшением ситуации на рынке труда. [75]. Мультикультуралистский дискурс имел

инструментальный характер и в других европейских странах, мультикультурализм лежит в основе советской/российской государственной национальной политики, хотя именно этим термином не именуется. Принципы мультикультурализма логично встроены во множество действующих российских государственных концепций, доктрин общего характера, а также в основополагающие для культурной политики документы - Конституцию Российской Федерации и Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации (2012).

Нами выведено своё рабочее определение культуры, в котором имплицитно присутствуют известные социальные, психологические закономерности, влияющие на этот процесс, и указание на его главное звено. **Культура это сугубо человеческая деятельность и её результат, знаково- и социально опосредованные, фундированные развитием высших психических функций.** В психологии высшие психические функции (ВПФ) это сложные формы сознательной деятельности (память, мышление, восприятие, речь), осуществляемой на основе соответствующих мотивов, целей, программ, и подчиняющейся закономерностям функционирования психики. Основные признаки ВПФ: опосредованность, произвольность, системность, социальность.

Мультикультурализм не может решить проблемы религиозной лояльности и межконфессиональных разногласий, также как и множества других вопросов, относящихся к иным компетенциям. При этом востребованность мультикультурализма как идеологии, очевидна. В современном российском обществе процесс обретения мультикультурализмом характера адекватной стратегии культурной политики и повседневной практики реален, т.к. для этого имеются все основания: сосуществование на протяжении всей истории государства множества этнокультур; возможность согласования институциональных и социокультурных компонентов, возможность использования правового и информационного сопровождения всех этапов социализации.

Мультикультурализм обеспечивает такое построение культуры, при котором смерть человека - носителя культурной ценности, гибель локального культурного сообщества - носителя культурной традиции не обязательно приведёт к тому, что эксклюзивные знания будут утрачены для остального человечества. Сохранность живой ткани культуры обеспечивают такие институции, как интертекстуальность и мультикультуральность. Мультикультурализм служит инструментом аккумуляции и ретрансляции культурных традиций и цивилизационных знаний.

ГЛАВА I

Мультикультурализм как социокультурная реальность и дискурс.

1. 1. Мультикультурализм в культурно-исторической ретроспективе.

История заселения Америки и Австралии даёт представление об истоках мультикультуральности человеческих обществ не только данных материков.

Первоначальное заселение человеком американского континента относят к концу верхнего палеолита и к тому времени, когда на обширных территориях Европы и Азии развивались мезолитические культуры. В ледниковое время, в течение последнего для Северной Америки (висконсинского) оледенения, ледники имели распространение по всей её северной части. К югу от зоны распространения ледников, южнее района Великих озёр, как и в Азии, лежали пространства, где климат, в целом, соответствовал климату Африки и неледниковых южных областей Азии. На Аляске ледники были распространены только в южной её части и в горных цепях, обширные равнинные пространства вдоль арктических берегов и большое центральное плато не подвергались оледенению. Как и в соседней части Сибири, здесь простиралась в этот период холодные степи и тундры. И животный мир соответствовал этим условиям: мамонты, дикие лошади, бизоны, мускусный бык и другие животные. По предположениям учёных, так как суша ледниковой поры простиралась далеко к северу за пределы современной береговой линии, имел место обмен животными между Америкой, с одной стороны, и северо-востоком Азии - с другой. Азия была непосредственно связана с Америкой, так как Берингова пролива ещё не существовало. Подтверждением такого вывода считается распространение в Америке и Азии сходных животных, грызунов например, которые не могли бы одолеть столь значительной водной преграды, как Берингов пролив. [146; 147; 148; 155; 156; 165; 179; 189].

Следов человека этого раннего ледникового периода (20—15 тыс. лет) на северо-востоке Азии и в Америке пока не обнаружено. Первые признаки заселения Америки человеком относят к концу ледникового периода. После таяния льдов висконсинского оледенения в Америке открылась прямая дорога из глубины Азии сначала на Аляску, а затем дальше - на юг. Берингов пролив имел незначительную ширину и потому переход из Азии на территорию Аляски мог происходить в зимнее время по льду. Наиболее достоверными свидетельствами переселения первых жителей Америки из Азии через Берингов пролив считаются данные антропологических исследований. Антропологами установлено, что по

своему физическому облику американские индейцы стоят ближе всего к монголоидам: слабый волосистой покров, прямые и жёсткие волосы, относительно выдающиеся скулы. Но также предполагается, что в заселении Америки приняли участие и родственные современным меланезийцам и австралийцам группы. Обнаруженные в Бразилии черепа (тип «Лагоа-Санта») имеют большое сходство с меланезийскими, а также с найденными в старинных могильниках Эквадора и в Калифорнии. Предположительно, такие антропологические особенности индейцев Южной Америки и Калифорнии, как длинный и высокий череп, широкий нос с вогнутой спинкой, волнистые волосы, наличие бороды, свидетельствуют об австрало-меланезийской примеси. Проникновение прямым морским путём носителей австрало-меланезийских признаков считается маловероятным, и это не противоречит предположению о заселении Америки с севера. [418; 451].

Также и по предположениям советских антропологов, родственные современным австралийцам и меланезийцам племена могли проникнуть, распространяясь вместе с древними монголоидами или даже несколько раньше из общей их родины, находившейся где-то в Юго-Восточной Азии, в Америку через Берингов пролив. Концентрация носителей австрало-меланезийских признаков в Южной Америке объясняется тем, что они были первой волной переселенцев, затем оттеснённых новыми волнами переселенцев из Северной Америки на юг монголоидами.

Наиболее древние в Америке следы человека найдены на территории штата Нью-Мексико, в пещере Сандия. Нижний слой пещеры Сандия, по предположению американских археологов, имеет почти 11-тысячелетнюю давность. Сверху залежали остатки древней индейской культуры «пуэбло», а глубже - более древние отложения. Нижний слой отложений содержал два различающихся культурных слоя. На самом дне пещеры был откопан очаг, обложенный камнями, возле которого лежали осколки кремня, обожжённые кости, грубо заточенные куски костей животных и каменные наконечники, получившие наименование «сандия». Подобно «солютрейским» наконечникам Европы, они имеют листовидную форму и обработаны отжимной ретушью с обеих сторон. Один такой наконечник обнаружен на краю очага. У этих наконечников с одной стороны имеется отчётливо выраженная боковая выемка. О древности этих наконечников, по мнению учёных, свидетельствует то, что они встречались с другими каменными изделиями и с костями ископаемого бизона на глубине значительно ниже нынешней поверхности почвы. Вблизи города Фолсом, в горной долине штата Нью-Мексико, было обнаружено одно из первых из поселений, назван-

ное по месту обнаружения «фолсомским». Фолсомское поселение этнографы определили как временный лагерь охотников на бизонов. Близ поселения, в одной из пещер был найден другого типа наконечник, названный также «фолсомским», который датируется двумя тысячелетиями позже. Это узкий, длинный кремневый клинок, обработанный с двух сторон более совершенной отжимной ретушью, чем наконечники типа «сандия». «Фолсомский» тип наконечника имеет свои особенности: узкие, продольные канавки, протянутые длинными отжимными сколами от основания к острию вдоль обеих поверхностей; основание слегка вогнутое, иногда по бокам имеются два маленьких выступа для упора кисти. Наконечники «фолсомского» типа встречаются редко, пока обнаружены только в Северной Америке, вдоль склонов Скалистых гор, лишь на небольшой территории. Вместе с наконечниками встречались кремневые клинки, названные «юма», - узкие пластины правильной удлинённо-треугольной формы и такой же тонкой отделки, но уже без продольных канавок.

На дне древней долины, в одном из оврагов были найдены кости двадцати трёх ископаемых бизонов, рядом с которыми располагались каменные наконечники фолсомского типа; один из наконечников так и покоился между двух рёбер огромного животного. Похожего типа наконечники, но без канавок, обнаружены на значительно большей территории - от Скалистых гор до Атлантического океана и от Канады до Мексиканского залива (в штатах Нью-Мексико, Колорадо, Вайоминг, Небраска, Техас, Оклахома). В Техасе было найдено большое количество костей бизонов, обожжённых, а затем расколотых вручную, и рядом - обломки наконечников. По ареалам распространения различных типов фолсомского острия американские учёные сделали вывод, что человек на этом этапе уже широко расселился по североамериканскому континенту. На раскопках в штате Аризона и районах Нью-Мехико древних поселений, относимых к очень раннему для Американского континента периоду (около шести тысячелетий до н. э.), обнаружены каменные пестики и зернотёрки, которые древние собиратели использовали для растирания зерен, ореха и корней съедобных растений, подобно позднейшим калифорнийским индейцам. По этим первым памятникам культуры древнейших собирателей Северной Америки прослеживается путь позднейших индейцев пуэбло, ирокезов и других племён к первобытному земледелию. Находясь на первых ступенях каменного века, они освоили флору и сумели создать из диких видов флоры такие культурные растения, как табак, маис и картофель. Дальнейший путь культурного развития становился всё более сложным и

разнообразным, сложился пласт позднейших культур индейцев, обнаруженных после открытия Америки.

В конце палеолита и в мезолитическое время человек, согласно предположениям учёных, впервые проникает на другой материк, изолированный от Азии, - в Австралию, через цепи островов Малайского и Зондского архипелагов. Австралийцы отличаются особенностями физического типа, в особенности тасманийцы, которые были полностью истреблены колонизаторами ещё к середине XIX века. Также как и американские индейцы, австралийцы отличаются от всех других народов земного шара по группам крови. Коренное население Австралии обособлено и по языку. Резко различаясь друг от друга, языки австралийцев в целом не обнаруживают сколько-нибудь близкого родства с языками других народов. Это свидетельствует об исключительной давности заселения человеком Австралии, о том, что древнейшие австралийцы рано утратили связь с другими группами.

И вся культура австралийцев, по мнению этнографов, имеет глубоко самобытный характер; в ней прослеживаются лишь отдельные элементы, заимствованные от соседних папуасско-меланезийских племён жителями северного и северо-восточного побережья. И археологические данные, например, обнаруженные на высоких террасах рек древние многослойные поселения, свидетельствуют о длительном обособленном развитии культуры австралийцев. Раскопки пещерной стоянки Девон-Даунз, на Нижнем Мэррее, позволили определить, что там имеется двенадцать культурных слоев, содержащих древнюю фауну. Это позволяет говорить о постепенном изменении способов обработки камня и появлении новых форм орудий. Самые древние двусторонние орудия, напоминающие овальные рубила, а также односторонние рубящие орудия в виде «лошадиного копыта» (по принятой терминологии), были массивные нуклеидные орудия (из галечника). Эти артефакты сходны с дисковидными топорами - широко распространёнными по всей Австралии в позднейшее время орудиями, названными типа «тула». Топоры «тула» закреплялись смолой на конце прямой гладкой деревянной палки или копьёметалки. Несколько иного вида, такие же рубящие орудия, сделанные из овальных кварцитовых галек, обработанных грубой ретушью по одному поперечному краю, обнаружены вместе с ними. Найденные на небольшом островке Кангару, такие оббитые гальки с полудунным лезвием, очень похожи на галечные орудия Юго-Восточной Азии и сибирско-монгольского палеолита. Эти орудия, судя по характеристике наслоений пещер, в которых они покоились, продолжали употребляться и позже, наряду с новыми, изготов-

ленными из пластин. Это треугольной формы длинные узкие острия - «пирра», тоже широко распространённые в поздней австралийской культуре. На юго-востоке Южной Австралии обнаружены большие поселения, где впоследствии жило вымершее к концу XIX века племя «буандик». Под толщей песков, в низинах, где раньше были озёра и болота, раскопаны древние очаги, возле которых обнаружено множество образцов обработанного камня. У этих очагов вместе с двусторонними орудиями крупного размера, в том числе топорами типа «тула», среди отщепов от кремня и кварца найдено много мелких изделий, искусно изготовленных отжимной техникой, в виде скребков различных форм, острий, проколов. В их числе обнаружено много мелких каменных изделий, не отличимых от типичных микролитов Средиземноморья. Учёными сделан вывод, что сначала в Австралию люди проникли из Юго-Восточной Азии, скорее всего, это были предки тасманийцев и других родственных им племён, пользовавшиеся грубыми галечными орудиями, похожими на палеолитические и мезолитические орудия Китая, Индо-Китая, Индонезии, Бирмы. Новые пришельцы затем принесли с собой, наряду с двусторонне оббитыми топорами типа «тула», наконечники «пирри» и новую, микролитическую технику, главным образом развивавшуюся в Индии. Но эти племена не знали ещё такого важнейшего культурного изобретения мезолитических племён, как лук и стрела. Тем самым, ограничение применения в качестве орудия одной лишь копьёметалки, оставляет развитие племён на уровне верхнего палеолита. В антропологическом отношении они были родственны веддоидным племенам Юго-Восточной Азии. Расселяясь по материке Австралии, смешиваясь с её аборигенами, австралийские племена испытали влияние со стороны более развитых по культуре папуасско-меланезийских племён Южных морей, стоявших уже на уровне зрелой неолитической культуры. Австралийцами от них были получены лук и стрелы, шлифованные топоры, лодки с балансиrom. Влияние неолитического населения Меланезии не было глубоким, ограничивалось только северными районами Австралии. Вследствие изолированности Австралии от прямого контактирования с передовыми странами Азии, множество австралийских племён, до появления европейцев, продолжали автономное культурное существование на протяжении шести-восьми тысячелетий. Этим объясняется сохранность некоторых архаических особенностей образа жизни и культуры коренного населения Австралии.[358; 383; 406; 435; 451; 452; 453] .

Отечественные исследования культуры периода расселения.

Известный отечественный антрополог, лингвист, семиотик

В.В. Иванов в серии публичных лекций, опубликованных в средствах массовой информации, обобщая результаты собственных многолетних исследований, высказывает точку зрения на многие интересующие цивилизованный мир вопросы, в их число входят и вопросы культурогенеза в интересующем нас аспекте. [146].

Как известно, господствующей гипотезой возникновения нашего вида, является та, что утверждает - человечество возникло в экваториальной Африке около 2 миллионов лет назад. Есть версия утверждающая, что окаменелые кости иных видов рода Человек обнаружены не только в Африке, но и в Евразии. В конце двадцатого века появилась ещё одна гипотеза, российская. В Южной Сибири в пещере на Алтае найдены кости от ранее неизвестного вида человека, больше всего похожего на неандертальца. Экспертиза показала, что этот вид человека жил на Алтае на протяжении 230 тысяч лет. Генетиками установлено, что современная иммунная система человека сформировалась благодаря генам людей другого вида. Доподлинно известно, что неандертальцы и кроманьонцы (предки современных людей) жили на Земле в одно и то же время, около 500 тысяч лет назад. Неандертальцы вымерли несколько десятков тысяч лет назад, а кроманьонцы остались единственным человеческим видом на планете. Предполагается, что 74 000 лет назад на Земле произошло сильнейшее извержение вулкана Тоба - в Индонезии. На Земле очень сильно похолодало на несколько десятилетий. Это событие привело к вымиранию большого числа видов животных и сильно сократило человеческую популяцию, но, возможно, стало толчком к его развитию. Пережив эту катастрофу, человечество начало расселяться по всей планете. 60 000 лет назад современный человек мигрировал в Азию, оттуда в Австралию. 40 000 лет назад заселил Европу, к 35 000 году до нашей эры достиг Берингова пролива и мигрировал в Северную Америку, 15 000 лет назад дошел до южной оконечности Южной Америки [147]. Естественный отбор и изменчивость привели к возникновению человеческих рас. По мнению В.В. Иванова, несколько северавстралийских языков довольно близки к одной из языковых макросемей Новой Гвинеи, которых 1000. То есть, «...из общего мирового числа ныне существующих 6000 языков, шестая часть находится на этом острове. Все языки Австралии, кроме самого севера, родственны и сравнительно позднего расселения - 40 тысяч лет назад. Тогда Австралия не была островом, а была частью материка (Сахул). Расселение в этих местах начинается около 100 тысяч лет назад, и это не *homo sapiens*, а боковые родичи. «Ното» в теперешнем понимании это продукт смешения».

В.В. Иванов признался, что в связи с открытиями в отечественной археологии произошла эволюция его взглядов на происхождение человека: «Наша старая точка зрения была такая, что всё гомогенно. Оказывается, ничего гомогенного не было. Было скрещение. Современная ноосфера... - продолжение культуры, построенной из смешения основной североафриканской группы с денисовцами, папуасами и потом с неандертальцами». Новые факты, полагает он, вряд ли свидетельствуют о существовании нескольких центров возникновения человечества - скорее о нескольких волнах расселения по планете различных видов. Гены «алтайского человека» сравнили с генами существующих людей. Почти 20% генов совпадают с новым древним человеком у местных. У европейцев почти нет этой связи. Единственные современники, у которых сохранились от четырех до шести процентов генома «денисовцев», оказались представители народов Малайзии и Папуа — Новой Гвинеи. Их контакты с «денисовцами» были возможны, по мнению учёных, где-то на территории восточной Азии.

Морфология и митохондриальная генетика показали: популяция человека из «денисовской» пещеры занимает промежуточное место между гомо хабилис - гомо эректус и древними обитателями Евразии – кроманьонцами и неандертальцами. Учёные высказывают мнение, что способность успешно противостоять евразийским микробам мы обрели благодаря смешению с неандертальцами и денисовцами. ДНК «денисовца» имеет 202 отличия от ДНК неандертальца и 385 отличий от ДНК современного человека. Полученный геном этого существа был сравнен с геномами 54 современных людей со всего земного шара, а также с ДНК древнего гомо сапиенса и шести неандертальцев. Получилось, что «денисовец» отошел от ветви общего развития человека около миллиона лет назад. И развивался своим, как в итоге оказалось, тупиковым путем. Общий же ствол эволюции развивался в сторону гомо сапиенса и неандертальца, и примерно около четырехсот тысяч лет назад эти виды разошлись [146; 147].

Исследования отечественных антропологов служат для нас основанием в выводах о том, что глобализация мира началась вместе со становлением первых форм человеческого общежития. Раньше считалось, что каждый вид человека развивался, постепенно превращаясь в новый, пока и не стал современным. Теперь эволюция выглядит иначе. Директор Института археологии и этнографии СО РАН А. П. Деревянко высказывается таким образом. «... Все ныне живущие люди, произошли от четырех ветвей развития. Человек «алтайский» или «денисовский» (по имени пещеры, в которой нашли кости) и есть одна из

этих ветвей». То есть появились доказательства в пользу той гипотезы, что несколько видов жили примерно в одно время и изменялись параллельно. В «денисовской» пещере были найдены следы материальной культуры возрастом в пятьдесят тысяч лет, которая по археологическим меркам соответствует культуре человека современного физического облика. Среди находок есть костяные орудия, а также в массовом количестве неутилитарные предметы, обработанные достаточно совершенными способами. Среди них - каменные иглы с просверленным ушком (до пяти сантиметров) и различные украшения [104; 146; 147; 189; 207; 209; 418; 451; 452].

Среди антропологов существовала каноническая гипотеза: Америка заселена через Берингов пролив около 13 тысяч лет назад так называемой кловисской культурой (Clovis first), которая вымерла через тысячу лет в результате резкого похолодания. Американский антрополог Джозеф Гринберг выдвинул собственную гипотезу - большинство языков американских индейцев происходит от одного языка, в которое, однако, не входят две группы языков. Это некоторые языки Аляски и Канады (языки «на - дене»), а также эскимосские и алеутские языки. По его мнению, первая эпоха расселения произошла ещё перед кловисской, чуть раньше 15 тысяч лет. Это языки всех народов Северной Америки, за исключением двух групп (одна из них - «на - дене»), которые родственны синокавказской группе языков, в частности, кетскому языку. Область от Западной Сибири и до Канады в районе 10 тысяч лет была занята кетами, енисейцами и на-дене. Енисейцы должны были отделиться от синокавказцев не позже 10 тысяч лет. Именно енисейцев легко сравнивать с на-дене, а не всех синокавказцев. И третья, самая поздняя волна, это эскимосы и алеуты. Эскимосские и алеутские языки интересны тем, что они на глазах истории разбрелись по всей северной оконечности Евразии, Северной Америки и Гренландии. Когда мы видим, как это происходит почти на наших глазах, мы понимаем, как это было в древности. Вполне возможно, в древности люди двигались по руслу рек и побережью, и по руслу могли продвинуться довольно далеко вглубь Китая. Если они двигались по руслу Янцзы и далее вверх, это объясняет такую загадку - почему Новая Гвинея связана с нашим Алтаем [146; 147].

В глобализации мира и диффузии культур решающее значение имела естественная миграция. Она происходила как движение охотников вслед за добычей (мамонтом). В процессе этого движения происходит первоначальное соприкосновение культур: у кострищ остаются приспособления, рисунки и прочее. Взаимопроникновение культур, глобализирующее мир, могло происходить и в результате резких геоло-

гических трансформаций. Чёрное море, бывшее пресным озером, провав Босфор за 5600 лет до н.э., стало морем. В.В. Иванов предполагает, что это и был один из Всемирных потоков.

Именно такого масштаба события в окружающей природе, могли дать толчок рефлексии, лежащей в основании процесса культурогенеза. Сопряжение природных катастроф и спонтанные рефлексии живых существ, продиктованные инстинктом самосохранения, могли вызывать ощущение присутствия чего - то значительного вне собственного тела, то есть стихии. По нашему мнению, именно эти глубинные исторические периоды жизни человеческого общества и являются отправной точкой рождения последующих процессов глобализации мира и мультикультурации обществ.

Способствовал глобализации/мультикультурации и тот факт, что важнейшие цивилизационные открытия не оставались законсервированными в местах своего возникновения. Учёные насчитали около 200 культурных изобретений и открытий, сыгравших решающую роль в истории, которые распространились во всех культурах [189]. Колесо служит всему человечеству так же, как первое и последующие крупные изобретения человека: превращение палки и камня в средство обороны, превращение оружия в орудие труда, «приручение» огня и др. Интегрирует мир вневременной математический язык, геометрия, астрономия, абсолютные пропорции египетских сфинксов, геоглифы плато Наска, исполненные с помощью «кривых Безье» и др.

Идеи глобального общества высказывались древнегреческим мыслителем Диогеном, он использовал понятие «космополит», то есть гражданин мира или «гражданин космополии» («общества мира»). В мировоззрении жителей Китая, Средней Азии, Монгольской империи Чингисхана, важное место занимала идея Поднебесной - всей Земли (под Небом) и человеческого общества, существующего на её просторах. В одном из посланий апостола Павла эксплицируется глобализирующий мультикультурный смысл христианской религии и её унифицирующая культурная функция. Послание существует в нескольких «изводах», в полном виде – в Библии: «А теперь вы отложите всё: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос». [41].

Это очень древний мировоззренческий принцип, на котором первоначально строилась экуменическая Римская империя, потом уже христи-

анская Европа. Современное изложение этого послания также сохранило его экуменический смысл – для богообщения не является препятствием ни цивилизационная, ни половая, ни социальная принадлежность.

Для славян началом глобализации мира, считается, стала христианизация язычников. Принятие христианства вводило Русь в семью европейских народов, а язычество обрекало на изоляцию и враждебность со стороны христианизированных соседей, относящихся к язычникам как к «нелюдям». Общепризнанной версии формирования славянского этноса не существует. Языковеды также не имеют единого мнения по времени появления языка, который можно было бы отнести к славянскому или праславянскому. Научные версии предполагают выделение праславянского языка из праиндоевропейского в широком диапазоне от 2-го тыс. до н. э. до рубежа первых веков н. э. Археологи определяют как достоверно «славянский», ряд археологических культур, начиная с V века. Славяне как сформировавшийся народ засвидетельствованы в византийских письменных источниках середины VI века. Но в этих же письменных документах славянские племена упоминаются ретроспективно как существовавшие двумя веками ранее - в IV веке. Известный языковед, специалист по санскриту К.Л.Борисов считает, что славяне, особенно это касается восточных славян, сформировались при последовательном доминировании нескольких индоарийских групп племён, имеющих собственную историю, а значит культуру и форму индоарийского языка. В этногенезе славян, по его убеждению, участвовали такие индоарийские племена, как: лесные арии, потомками которых были вятичи, кривичи, радимичи и носители Именьковской культуры Поволжья. Кочевники-индоарийцы, обитавшие в степной части Восточной Европы и известные нам по различным археологическим культурам: индоарийцы-возвращенцы - это потомки индоариев, ушедших на юг в середине 4 тысячелетия до н.э. и несколькими волнами вернувшиеся на свою прародину, среди них он называет дорийцев (древлян), ахейцев (киян), киммерийцев, скелотов, сарматов, булгар. Из разных комбинаций смешения этих основных групп возникли южные, восточные и западные праславянские племена, расселившиеся на огромных просторах Европы и известные как галлы (кельты, в правильном понимании данного термина), кельтоскифы, скифы, а также племена лугиев, сорбов, вандалов, венеков и т.д., населявших Древнюю Германию. Данные праславянские племена в ходе дальнейшей истории уже смешивались друг с другом, в результате чего при участии иноэтнических субстратов сформировались современные славянские народы. По его мнению, все перечисленные народы были индоариями по происхождению. Возвра-

щенцы, говорили тоже на языках индоарийской группы, и только та часть возвращенцев (сарматы и булгары), которая вернулась во времена, когда экспансия древних иранцев распространилась на огромных территориях, принесла с собой в Восточную Европу и индоиранский языковый субстрат. Индоарии поклонялись Солнцу, происхождение их религии уходит корнями в неолит, а возможно и в более далёкое прошлое. Многие архаизмы, являющиеся общими для всех индоарийцев, имеют религиозное происхождение. [45].

Исследования отечественного историка В.О. Ключевского дают представление об истоках архетипа мультикультуральности и толерантности, присущих российской нации, основу которой составляют русские. «Расселение славян в продолжение VII и VIII вв. во время аварского (обры) владычества, шло по обеим сторонам Карпат. Восточная ветвь славян, занимавшая северо - восточные склоны этого хребта, мало - помалу «отливала» на восток и северо-восток. Это имело для восточных славян разнообразные последствия: юридические, экономические и политические. На Карпатах эти славяне, по - видимому, жили ещё первобытными родовыми союзами. В VI в. мелкие славянские роды начинали смыкаться в более крупные союзы, колена или племена. Смутное предание донесло из того времени имя лишь одного восточного славянского племени – «дулебов», стоявшего во главе целого военного союза. Это были ополчения боевых людей, выделявшихся из разных родов и племён на время похода, по окончании которого уцелевшие товарищи расходились, возвращаясь в среду своих родичей, под действие привычных отношений. С нашествием аваров, когда прекратились славянские набеги на империю и началось расселение славян, этот союз должен был сам собою распасться. Повесть о начале Русской земли пересчитывает племена, на которые союзы разделились, указывая, где поселилось каждое (поляне, древляне, воляныне, северяне, радимичи, вятичи, кривичи, полочане, дреговичи, славяне новгородские). [334].

Первый арабский историк, географ и путешественник Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль - Масуди (896-956), известный как «Арабский Геродот», объединивший свои исторические и географические наблюдения в тридцатитомный труд под названием «Мурудж аззахаб ва ма адин ал-джавахир» («Золотые копи и россыпи самоцветов» или, в старом варианте перевода, - «Золотые луга») и «Китаб ат-танбих ва-лишраф» («Книга указания и наблюдения») пишет о языческих обычаях и храмах славян. «Слудующие народы происходят от Яфета: Ашбан, Рус, Бурджан, Хазар, Турк, Славяне, Яджудж и Манджудж, Фарс, Мадян, обитатели островов моря и Булгар». О славянах он не говорит как

о едином и единоверном народе. «Славяне разделяются на многие народы; некоторые из них суть христиане, между ними находятся также язычники, точно также солнцепоклонники. Живут они при большой реке, текущей с востока на запад, пока не изливается ещё в другую реку, приходящую из стран Булгар. В их стране много рек, текущих с севера. Ни одно из озёр их не солено. Потому что страна их далека от солнца, а вода их сладка; вода же близкая к солнцу, бывает солена. Страна, которая далее за ними к северу, необитаема по причине холода и множества воды. Большая часть их племён суть язычники, которые сжигают своих мертвецов и поклоняются им. Они имеют многие города, также церкви, где навешивают колокола, в которые ударяют молотком, подобно тому, как у нас христиане ударяют деревянной колотушкой по доске». [261].

Русские исследователи пишут: «...по распадении союза под руководством волынян, восточные славяне разделились на отдельные колена, и каждое племя выбрало себе особого царя». По - видимому, в эпоху расселения родовой союз оставался господствующей формой быта у восточных славян. Родственники жили особыми посёлками (Ждидичи, Мирягичи, Дедичи, Дедогостичи), не попережку с чужеродцами. Пока родичи живут вместе плотными кучами, родовой союз держится крепко; но колонизация и свойства края, куда она направлялась, разрушали совместную жизнь родичей. Родовой союз распался на «дворы» (сложные семьи). Разложение союзов делало возможным взаимное сближение родов, одним из средств которого служил брак. Брак размыкал род, облегчая не только выход из рода, но и приобщение к нему. Начальная летопись изображает различные формы брака как разные степени людскости, культуры русско - славянских племён. В этом отношении она ставит все племена на низшую ступень сравнительно с полянами. Описывая языческие обычаи радимичей, вятичей, северян, кривичей, летопись замечает, что «на тех бесовских игрищах умыкаю жены себе, с нею же кто свещашся. Умычка и была в глазах древнего бытописателя низшей формой брака, даже его отрицанием: браци не бываху в них, а только умычки». Ворования были двух порядков: остатки почитания видимой природы и бога Перуна. Общественное богослужение ещё не установилось. Позже на открытых местах, преимущественно на холмах, ставились изображения богов, пред которыми совершались некоторые обряды и приносились требы, жертвы, даже человеческие». [176; 177].

Такова часть событий, формировавшая мультикультуральность славян, историю которых наследует современная российская нация. Глобализация мира и сопряжённая с ней мультикультурализация обществ это продукт естественного развития и цивилизации. К этой

способности человеческие общества шли через периоды дикости, варварства, оставив позади эндоканнибализм, промискуитет, эндогамию, эгалитарное общество и другие доцивилизационные формы жизни.

Масштабные события, глоболизирующие мир, увеличивались в геометрической прогрессии: эллинизация, латинизация, арабизация, исламизация, китаизация, начало судоходства, эпоха Великих географических открытий, открытие Америки; деяния Александра Македонского, который ознакомил Азию с древнегреческим языком, культурой, философией и наукой и др. По мнению некоторых исследователей, глоболизируется не культура, не мир, а сознание, и «наблюдаемый сегодня социокультурный феномен – это уже третий этап глоболизации сознания за всю историю развития человечества».[178]. Отсчёт ведётся от первых круговенных путешествий – Магеллана и Колумба. Тогда человечество впервые осознало наличие пределов у нашей планеты, размеры которой ранее считались беспредельными. Второй этап глоболизации сознания связывается с полётом в космос Юрия Гагарина, который, вернувшись на Землю, рассказал, какая она маленькая и не защищённая среди мириад других звёзд. Третий этап глоболизации сознания разворачивается сегодня, когда поверх всех мыслимых границ перетекает информация, когда происходит осмысление транс-культурной, транс-расовой, транс-конфессиональной, транс-цивилизационной информационной связности человечества.

В результате таких масштабных событий, как строительство Панамского канала, туннель под Ла - Маншем, цифровая коммуникация, всё далёкое становится близким, чужое личносно значимым. Ускорение перемещения в пространстве становится реальностью не только в единичном формате, как в случае полётов в космос, а в массовом. Речь идёт скоростном тоннельном транспорте (ЕТТ), при помощи которого расстояние от Лондона до Нью-Йорка можно будет преодолеть, по словам разработчиков, за 45 минут. Скоростной тоннельный транспорт представляет собой бесшумные вакуумные трубки с шестиместными пассажирскими капсулами, которые потребляют меньше энергии, чем традиционные виды транспорта, и рассчитаны на 183 кг. Они способны достичь скорости до 6500 км./час. Всего за час-полтора человек может облететь земной шар на самолёте, который движется в десять раз быстрее звука (построен в Китае). Изменяются и психо-физиологические параметры обработки человеком информации. Всем памятно выражение «двадцать пятый кадр». Предполагалось, что человеческий глаз способен увидеть на экране за секунду только двадцать четыре кадра. Сегодня при передаче зрительных образов закладывается мелькание от

48-60-150 и до 150000 кадров в секунду. Яркие, красочные, в формате 4D, 5D и т.д., они вызывают цепочку ассоциаций, воздействуя не только на эмоции, чувства. Но и на сознание в целом.

Глобализирующие/мультикультурализирующие мир события стремительно множатся. Во всех сферах жизни информация остаётся эксклюзивной лишь до момента её опубликования в интернете. По снимкам с космических аппаратов (Voyager-1,2, Spirit, Opportunity, Curiosity) учёные (и не только) могут наблюдать другие планеты, в том числе и удаленные от Земли в 30 раз дальше, чем Солнце; рассматривать цветные снимки с Марса.

Инновации в процессе кинопроизводства делают зрителя соавтором картин. Фильм «Гравитация», о котором известно, что его сняли почти целиком в режиме компьютерного моделирования, начинается семнадцатью кадрами натуральных съёмок с космического спутника без единой монтажной склейки в деликатном режиме *no comment*. Это волнующие кадры величественного вращения Земли, никого не оставившие равнодушными, так как все понимают, что наблюдают, не прекращающееся ни на мгновение, своё собственное вращение вместе с планетой Земля в чёрном безмолвии и бесконечности космоса. В январе 2014 года состоялась мировая премьера новогоднего концерта Венского филармонического оркестра в прямой телетрансляции из знаменитого Золотого зала Musikverein. Звучала музыка династии Штраусов. Во многих европейских городах (Париж, Лозанна, Лондон и другие) зрители ста пятидесяти кинозалов одновременно могли смотреть на большом экране, в прямой трансляции из Москвы, также в январе 2014 года, премьерную постановку балета Большого театра «Пламя Парижа». Балетмейстер А. Ратманский (Россия) взялся восстановить спектакль 1932 года, но в итоге переписал его заново. По отзывам зрителей, они «не ожидали, что он будет настолько французским». Большой театр осваивает новые технологии, и кинозрители увидели больше, чем публика в самом Большом. Камеры были установлены так, чтобы показывать всё: пять телекамер в зале и по одной - в оркестровой яме, за кулисами и в фойе. Продюсер (Ф. Дюпля, Франция) отметил: «Мы впервые транслируем отсюда сигнал с высокой четкостью изображения. И хорошо, что зрители будут не у телеэкранов, а в кинотеатре. За тысячи километров от Москвы были ощутимы нерв сцены и дыхание зала». Скоро, как объявили организаторы, трансляции окажутся возможны и в трехмерном измерении, тогда эффект присутствия будет полнее.

Ускоряет диффузию культур туризм. Но не тот, прежний, знакомый всем образец, а инновационный. Посещение дальних стран стано-

вится культурно - мультиплицирующим, так как перестаёт быть занятием отчуждённо странствующих любопытствующих, которые здесь и сейчас ни за что не отвечают, у которых никто ни о чём не спрашивает и которые ни к чему не причастны в чужой стране. Причастность создаётся благодаря высокотехнологичным приспособлениям, наподобие рекламных билбордов с наклейками матричных QR-кодов (кюар-кодов), на достопримечательностях или этикетках вещей. Достаточно навести камеру телефона на картинку из чёрно-белых квадратиков, информация сразу, без набора полного URL-кода, скачивается на гаджет с переводом на нужный язык, в многомерном формате.

Погружение на когнитивном, эмоциональном и физическом уровне в чужую культуру порождает причастность, как к событиям культуры, так и к психологии, ментальности её носителей, т.е. причастность к другой реальности.

1. 2. Дискурсивная специфика мультикультурализма.

Мультикультурализм первоначально рассматривался как социокультурный феномен, характеристика современного общества, представленного многообразием культур, и как сугубо культурологический концепт, обосновывающий то, что люди разной этничности, религии, расы должны научиться жить совместно, не отказываясь от своего культурного своеобразия, затем количество трактовок стало увеличиваться. Теории К.Поппера, Г. Маркузе, И. Берлина послужили для нас основой при рассмотрении мультикультуралистских принципов организации гармоничного общества в дискурсе современного обществоведения. [38; 251; 300; 373]. К. Поппер выдвинул идею открытого общества, основанного на демократии и критическом мышлении индивидов. Политическая элита в таком обществе не имеет неограниченной власти и может быть отстранена без кровопролития. Поскольку процесс накопления человеческого знания непредсказуем, то теории идеального государственного управления принципиально не существует, следовательно, политическая система должна быть достаточно гибкой, общество должно быть открыто для множества точек зрения и культур, т.е. обладать признаками плюрализма и мультикультурализма. И. Берлин идеал мультикультурного общества представлял как общество с развитыми институтами демократии, где мирно сосуществуют различные культурные общины, в рамках которых индивид реализует свое право на культурную самоидентичность. Г. Маркузе осуществил органичный синтез идей марксизма и фрейдизма. Если марксизм идет от рассмотрения общества к пониманию отдельного человека, а фрейдизм, наоборот, переходит от анализа влечений индивида к трактов-

ке общественных тенденций, то Г. Маркузе стремится совместить обе линии рассуждений. Репрессивное общество порождает одномерного человека, а подавляемый человек воспроизводит отношения принуждения. Возможность «третьего пути» появляется, по его мнению, при условии отказа от господствующих ценностей западной цивилизации во всех ее разновидностях. Освободившаяся от них, свободная многомерная личность может взорвать социальный порядок, созданный господством человека над природой и человека над человеком, может осуществить «тотальную революцию». Преодоление должно происходить не путем модернизации внешних политических и экономических условий, но путем изменения внутреннего сознания человека, радикально пересматривающего самовосприятие и мироотношение.[251]. Исследователи отмечают, что И. Берлин и Г. Маркузе создавали свои теории, наблюдая жизнь Соединенных Штатов с их «чайнатаунами» и Гарлемом, и в их теориях обнаруживается отождествление понятий «этничность» и «культурная идентичность» [373]. Г. Маркузе полагал, если плотность ядра базовой общности («этническая цельность» высокая), то ей нечего опасаться экспансии других культур и этносов. Сторонники Г. Маркузе, анализируя, в основном, нынешнюю ситуацию в английской и американской нации, пришли к выводу, что в них как раз, обнаруживается диффузия этого ядра. Хотя маркузианская модель мультикультуральности и само понятие мультикультурализма претерпели трансформацию, идея остаётся актуальной, особенно для российского общества, которое всегда было полиэтнично, многоконфессионально, многокультурно.

По мнению учёных, актуализация парадигмы культуры в третьем тысячелетии определяется той обеспокоенностью, что крайние формы религиозного фанатизма и терроризма могут подорвать гуманистические основы цивилизации и культуры. Участвовавшие резкие нападки на идеи Просвещения, рост эзотерических и постмодернистских парадигм вызывают необходимость поиска путей сохранения светских гуманистических ценностей. Одной из таких ценностей, требующей всесторонней поддержки, является культура человеческих обществ. «История учит,- говорит П. Куртц, - если дорогие нам убеждения не обретают своих социальных воплощений, не институционализируются, то они не будут иметь влияния и могут потеряться для человечества» [212].

К концу двадцатого столетия прогресс стал пониматься как непрерывная цепь социокультурных модернизаций и в науках об обществе появились концепции «культурного» пути развития человечества. Воплощением этих перемен стал пересмотр стратегий культурной по-

литики. Смена стратегии культурной политики имеет перманентный характер, обусловленный переходом общества на очередную ступень развития. В последние годы в этой сфере появились инновации, в том числе и распространяемые на Россию идеи о: «необходимости глобального перераспределения земных богатств», «новой революции», «нового коммунизма»; «необходимости, прежде всего, вложений в человека, в его способности и таланты»; о том, что «России нужны не инно-нано-мечты, а новая индустриализация»; что новой России необходима трансформация внутренней политики, и ей не подходит активно обсуждаемый тренд - «политика мультикультурализма» и сам термин и др. Между тем, российское обществоведение в большой степени интегрировалось в мировой культурный дискурс, где научное знание эволюционирует в направлении перехода к мультикультуралистической парадигме [187]. Аналогичный дрейф отмечается и в практиках инкультурации, которая теперь происходит на мультикультуральной основе: индивиды одновременно приобщаются и к этнокультурной, и к национальной, и к мировой культурам, и к новой форме планетарной культуры – культуре жизни в виртуальной компьютерной реальности. В этой связи возникают новые вопросы, связанные с тем, что культурологическая рефлексия по осмыслению новой специфики общественной жизни обусловила необходимость теоретико-методологического переоснащения культурной политики.

Согласно положениям большинства современных теорий, культура - это системообразующий элемент функционирования социума и экономики, базовая подсистема социальной регуляции. Культура формирует, стандартизирует, упорядочивает картину мира, интерпретацию своего и чужого поведения, делает его предсказуемым, обеспечивает единство восприятия системы ориентиров. То есть, делает само функционирование социума и экономики как социального института, возможным. В определении Э. Сепира каждая нация обладает матрицей наиболее значимых элементов ее цивилизации, что и есть «специфическая культура нации». При этом существует второй (ментальный) слой культуры, невидимый, считающийся самым важным. Это скрытая сторона культуры, зачастую лишь психологически артикулирована, поэтому её прочтение (или расшифровка, раскодирование) имеет множество вариаций, разночтений, что затрудняет установление взаимопонимания на индивидуальном и групповом уровнях. Так как в эволюции биологического вида, превращении человека в общественную личность решающее значение имеет овладение языком и культурой, которые формируют и упорядочивают картину мира, несложно пред-

положить, какое значение имели прямые социокультурные контакты для формирования личности и параметров массового сознания. А проблемы здесь возникают именно в периоды кризисов[330]. Методологическим следствием такого подхода к характеристике мультикультурализма является его определение как научного инструментария, когнитивной теории, политической доктрины, результата научной рефлексии над многокультурностью обществ, как практики социальной и политической организации общежития в условиях культурного многообразия и как идеологии, направленной на поддержание толерантности к культурному многообразию.

Почти четыре десятилетия наблюдения за последствиями внедрения в жизнь политической доктрины мультикультурализма дают исследователям основания для вывода о том, что процесс развития культур происходит не однолинейно, - решая одни проблемы, например, обеспечивая привыкание людей к неизбежному и растущему в современном мире культурному единообразию, доктрина мультикультурализма может вызвать межгрупповые конфликты. Дело в том, что параллельно унификации и повороту к монокультурности одних культур, идёт и другой процесс, - повышение интереса к многокультурности, (культурным различиям), толерантность к ним. Являясь особым типом дискурса, т.е. особым способом организации социальной реальности в плюральных обществах, мультикультурализм выступает не только как способ организации политического действия, но и как экзистенциальная сущность самих предметов и явлений.

Существует убеждение, что «хронологически мультикультурализм - одно из новейших направлений теоретико-культурных исследований, представляющее рефлексию после постмодерна. Мы рассматриваем мультикультурализм как обозначение факта многокультурной реальности и теоретический концепт, объясняющий феномен мультикультуральности, возвращающий к осмыслению трансформации культурной однородности, которая была присуща только первобытным объединениям. В философско - культурологическом аспекте мультикультурализм определяется как теоретическая категория, утверждающая уважение к культурным различиям, принципиально отказывающаяся от построения иерархии между ними. Этот подход оказывается наиболее толерантным в своих позициях, чем множество других.

При всей многозначности понимания феномена мультикультурализма, сопряжённость становления феномена мультикультуральности обществ с цивилизацией, культурой, прогрессом и глобализацией мира мы считаем доказуемой. Выявление общего и специфического в

имеющихся на сегодня представлениях о мультикультурализме будет способствовать формулированию определения, которое может стать конвенциональным, Прежде чем охарактеризовать обнаруживаемое широкое разнообразие в дефинициях и в теоретических подходах к его исследованию, в трактовках и в практиках применения мультикультурализма, остановимся на определении понятия дискурса (*discursus* - фр. рассуждение, аргумент, довод). Само обозначение некоего текста как дискурса указывает на необходимость его прочтения в неклассическом ключе и соответствующем контексте. В русском языке этому смыслу эквивалентны речь, слово, текст, рассуждение, дискурси'я. В 60—70-х гг. XX века дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов. С конца 80-х гг. XX века - как сложное коммуникативное явление, система иерархии знаний, включающая, кроме текста, ещё и знания о мире, мнения, установки, цели, адресата, необходимые для понимания текста. Эксперт по вопросам дискурса и дискурс-анализа Т. А. Ван Дейк рассматривает дискурс как существенную составляющую социокультурного взаимодействия (вербального и невербального, письменного и речевого), характерными чертами которого являются интересы, цели и стили. Чаще стало использоваться определение дискурса как совокупности всего высказанного и произнесенного, выдвинутое французским культурологом М. Фуко. Отечественные исследователи определяют дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее, помимо речевого действия, социальный контекст, представление об участниках коммуникации и их характеристиках, а также процессы восприятия и интерпретации сообщения [378; 381; 387].

Дальнейшее исследование вопроса связано с планетарными процессами, точнее, с одним из них – глобализацией мира, изменившей эпистемологическую ситуацию. Возникновение любого нового типа интеллектуального действия связано с наличием сложных эпистемологических реалий, множества социально-психологических обстоятельств и некоторых совокупных противоречивых интеракций, вызывающих изменения в структуре сознания/бессознательного и ментальности в целом. Темпы глобальной интеграции ускорились в связи с беспрецедентными достижениями в таких сферах, как технологии, средства связи, наука, транспорт и промышленность. Содействуют этому процессу индивиды и группы, унифицируя аксиологическое пространство, глобализуя мир вещей, даже снов и иллюзий, перемещаясь из индивидуального реального мира в общее публичное пространство виртуального мира и обратно. В отечественном дискурсе наиболее принятой является трактовка глобализации мира как инновации, пришедшей

вместе с новейшим этапом исторического развития. По нашему предположению, начало интеграции мира было положено в эпоху расселения людей по планете, а также параллельно было положено начало естественной диффузии культур, складыванию полной картины мира и началу взаимодействия мира.

Результаты рассмотрения этого вопроса в культурно-историческом дискурсе позволяют сделать вывод, что в каждый из исторических периодов (первобытность, древний мир, средние века, новое и новейшее время) происходили события, глобализирующие мир и содействующие мультикультурализации обществ. Культурологическая позиция позволяет увидеть роль каждой из эпох (античность, средневековье, возрождение, эпоха рационализма, просвещение, эпоха романтизма, модернизма и постмодернизма – информационной эпохи) в этих процессах.

Разделяемое многими представление о том, что эволюция человека на планете длится уже не одну сотню тысячелетий, и концентрировать все внимание на двух или трех последних из них - позиция весьма ограниченная [212], придало нам уверенности в том, что ответ на вопрос о природе мультикультурализма необходимо искать именно на этой исторической глубине. Обнаруженные закономерности позволяют осмыслить современную специфику данного социокультурного феномена, сопряжённого с множеством общественных процессов. Считается, что грядёт «первая планетарная цивилизация» и ей должна соответствовать иная цивилизационная парадигма. Проблематизировались поиски теоретических концептов, практическое использование которых позволило бы устранить конфликт между глобализацией мира и стремлением человека сохранить уникальность своего культурного мира. Появились пессимистические предположения о конце процесса эволюции человека. Что должно произойти за короткий по эволюционным меркам срок, чтобы появилось «новое» сознание и «новое» мировоззрение? С культурологической точки зрения ответ на этот вопрос потребует прослеживания корней от истоков к тому, как трансформируется способность интегрировать социокультурный опыт и функционировать на фоне масштабной глобализации мира и «нового смешения мировоззрений», как выразился Ю. Хабермас [392; 393].

В России, как известно, после революции 1917 г., когда культурное пространство было разрушено, марксистско-ленинская идеология выполняла задачу методологической базы для созидания нового социокультурного пространства. Разрушение же в результате перестройки и марксизма как смысловой и ценностно-нормативной основы социума, привело, в числе других причин, к распаду СССР и остава-

лось угрозой России на протяжении нескольких десятилетий. Приметами этих угроз было следующее: разрушение единого публичного пространства; регионализация; разрушение монополии государственного языка (русского); свёртывание начального обучения на русском языке; свёртывание переводческой деятельности с русского на языки народов России; фрагментация социокультурного пространства; отсутствие государственной внутренней («национальной») политики на основе объединяющей доктрины, место которой стремились занять различные религиозные течения и национализм. Попытки модернизировать официальную идеологию начинались с предложений заменить власть КПСС, властью Советов, рассматривались идеи «ускорения», «демократического социализма», предпринимались попытки пересмотра истории России под новым углом зрения, в регионах разрабатывались свои специфические проекты.[1; 2; 3; 15; 16; 86; 87; 130; 131]. Апробировались аппликации с использованием фрагментов прежних отечественных моделей, приспособлялись другие известные идеологические концепции - всё ради предотвращения фрагментации постсоветского российского социокультурного пространства. Обозначились основные политические платформы: либеральная, социалистическая, националистическая. Либерализм, который диктует политику деидеологизации, стремление руководствоваться в решении важных проблем прагматически понятыми интересами, который исходит из принципа индивидуальной свободы, отстаивает необходимость приоритета частной собственности, строится на последовательном осуществлении принципа толерантности. Либерализм предполагает наличие развитых институтов гражданского общества. В области национальных отношений предполагает предоставление нациям широкой культурной автономии. Провозглашенная в России либеральная программа позволила построить политическую систему, предполагающую многопартийность, широкие возможности участия граждан через общественные организации и избирательную систему в политической жизни государства; предпринять шаги по созданию среднего класса на основе частной собственности через процедуру приватизации; предоставление широкой национально-культурной автономии. Вместе с тем появились и нежелательные последствия в виде несоответствия некоторых республиканских законов федеральным, снижения социальной защищённости граждан. Казалось, согласно логике либерализма, повышение потребительских стандартов было вызвано необходимостью повышения жизненного уровня граждан, однако оказалось, что рост благосостояния обеспечивается не только высокой производитель-

ностью труда, но и эффективной эксплуатацией. Логика либерализма оправдывает укрепление олигархии, предусматривает возможность проведения колониальной или неоколониальной политики. Наивные ожидания «справедливого дележа советского государственного богатства» не оправдались. Запросы по широкой национальной автономии, непредвиденно, в некоторых случаях заменили этнонационализмом, а также стремлением к сепаратизму, и это привело к исходу «неугодных» (в зависимости от региона и его руководства) этносов из тех или иных регионов. В средствах массовой информации развернулась глобальная кампания навязывания потребительских стандартов и морали, подрывающей нравственные устои молодого поколения.

Развернулись к опыту «реального социализма». Основой национальных отношений при социализме признаётся известный интернационализм. Социализм исходит из принципа коллективизма, необходимости государственного управления жизнью общества и предоставления государством социальных гарантий населению. Но мы также помним, что внутренняя логика этой идеологии диктует ограничения свобод, «крепкую руку» власти, централизованное регулирование экономики, регламентирование потребления. Общественные объединения не являются полностью самостоятельными, они контролируются государством, для того, чтобы не стали «окном, распахнутым для всех ветров» в мир, охраняемый этим государством. Некоторые относят к парадоксам тот факт, что КПРФ, организованная оппозиция, «сила, призванная обеспечивать реальность демократии в России», в содружестве с представительной властью занимается законотворческой деятельностью, а не мёрзнет на баррикадах с оружием пролетариата за пазухой. Суть в том, что сегодняшним российским социалистам ближе либеральная модель парламентаризма.

Появился симбиоз «национал-социализм», представители которого озаботились идеей необходимости социальной защиты, гарантий работы и образования для представителей своей отдельно взятой группы. На роль идеологии общегосударственного масштаба рассматривался национализм. Это неизбежно породило напряженность в межэтнических отношениях, обозначились серьёзные опасности структурного характера, угрожающие распадом нации. Однако такая историческая особенность российской нации как многосоставность, сосуществование в течение многих веков на одной земле множества народов, для которых она является единственной родиной, определила крепость государства. Это не позволяет и сейчас сделать национализм государственной идеологией: расставить по полочкам отдельные этнические

составляющие российской нации и, тем более, отделить их от русского этноса, не удаётся, - они все стали компонентами российской нации. Все «нерусские» народы страны говорят на русском языке, социо-культурная жизнь всех этносов протекает на основе использования русского языка, публичное пространство – русскоязычное, даже этническая самоидентификация происходит уже на этой общей основе. Образовалась не только современная российская нация (русскоязычная), существует целый Русский мир, в который входит сама пространная Россия; выехавшие из страны в разные эпохи пласты русского – советского народа; жители постсоветских государств; пользователи русскоязычного интернета. А феодальный по своей сути национализм должен реанимировать архаичные родовые отношения, которые никак не сопрягаются с реалиями современной жизни. Из глубин феодального прошлого взять и модернизировать рабство или другие способы угнетения личности сейчас не удаётся, а предпринимаемые попытки, известные по публикациям в сми, дают уродливые, отталкивающие образцы. И национальное сознание русского этноса, самого многочисленного в стране, не оформилось (и это хорошо) в русский национализм, хотя иногда можно видеть подмену прямолинейного национализма подчёркиванием признаков этнографически понимаемой «русскости», или идеями панславизма, державности, православия. Но они ассоциируются с фармацевтическими «дженериками» и несостоятельны как основа для идеологической стратегии. На примере поведения наиболее ярких представителей этого течения, казаков, видим, что подобного рода притязания не покрывают всего комплекса атрибутов, необходимых даже для обрамления этнографически трактуемой «русскости». К тому же, и остальной Русский мир посматривает насторожённо на бешметы под черкесской, папаху, чекмень, нагайку и газыри, какими бы декоративными они уже ни казались, так как они реанимируют ассоциативную цепочку: империя, царь, жестокие методы покорения «инородцев» и длительная война. Было определено, что идеологией может стать только такая программа, которая учтёт это исконное многокультурье и традиционные ценности (целостность государства, державность, свобода, социальная защита, реализация потребности в этнокультурном самовыражении). Очевидно, что новая идеологическая стратегия в духе времени может быть мультикультурной только в варианте «русского мультикультурализма», объединяя население на основе гражданского патриотизма, опосредуя сотворчество государства с обществом в целях сохранения единства. Специалисты опровергают утверждения некоторых «экспертов» о том, что практика мультикультурализма это «форма

подкупа различных этнокультурных меньшинств», которые забывают, что неприятие мультикультурализма предполагает жёсткие механизмы ассимиляции, аккультурации, имеющие негативные последствия. [128; 129; 130; 131; 136; 149; 152; 153; 154; 158; 163; 164].

Правительства ряда крупных европейских государств заявили о своем отказе от политики мультикультурализма, увидев причину «провала» в новом для них явлении – появлении «второго компонента» в своей нации – мигрантов, осевших в их странах. Но следует отметить, что в отношении них и не был использован ресурс мультикультурализма, и потомки мигрантов, уже являющиеся гражданами этих стран, оказались сегрегированы. Они заключены в анклав, из которых уже не могут выбраться. Это служит источником множества проблем, которые поверхностно воспринимаются как межэтнические и межкультурные разногласия, этакий домашний «конфликт цивилизаций». [208]. Хотя очевидно, что проблема, в основном, связана с провалами в реализации культурной политики. Просто пассивно ожидать социокультурной диффузии не удаётся ни одной стране; пытаться решать социальные, политические проблемы только с помощью экономической стратегии – неконструктивно. Искажённое понимание политики и практики мультикультурализма служит только дальнейшему расщеплению общества. Отсюда вытекает единственно верный выход – целенаправленное проведение определённой культурной политики, которая требует совсем иного рода усилий, чем популистская самокритика или неадаптированная практика реализации мультикультуралистских принципов. Речь идёт о ревизии государственного менеджмента в сфере культурной политики, в области образования, успешность которых будет определяться сформированностью определённого общего культурного контента. А это не просто знания, грамотность и прочее, это еще и определенные цивилизационные навыки, а также способы их реализации в сфере культуры.

Современная культура - это культура, прежде всего, городская, урбанистическая, первая принимающая на себя удары глобализации. Она предполагает сложный тип рациональности, условности, сложности. Если культурные механизмы формирования подобных цивилизационных навыков не работают, то возникает специфический конфликт «городской» и «негородской» культуры. Ошибочное отнесение их к конфликтам «межэтническим» влечёт за собой либо бесполезные, либо усугубляющие «меры государственного регулирования». Наступило новое время, оно проявляет себя в новых, непривычных аспектах, и действовать приходится не традиционно.

В вопросе исследования мультикультурализма как доктрины наступила ситуация переполненности дискурса различными нюансами. Его рассматривают как характеристику современного общества, представленного многообразием культур, и как сугубо культурологический принцип, заключающийся в том, что люди разной этничности, религии, расы должны научиться жить совместно, не отказываясь от своего культурного своеобразия. При этом критикуется поощрение замкнутости культурных групп, которая приводит к отчуждению граждан от своего государства. Историография этого вопроса специфична по странам. Мультикультурализм иногда называют «культурным империализмом», иногда – «новым расизмом», имея в виду политику ассимиляции. Осуждается и политика государственной поддержки общинам, которые «необоснованно берут на себя миссию представительства интересов всего этноса или религии», и это стимулирует развитие коммунитарной идентичности. Но полный запрет вмешательства государства в дела общин, к чему призывают либертарианцы-анархисты, считается, привёл бы к тому же следствию: человек оказывается в рабстве у общины, не имея возможности защиты от нее со стороны государства. Считается, что всё это – «заслуга» мультикультурализма, что «тенденции политкорректности и мультикультурализма уравнивают нормы цивилизации и дикость, как равноправные проявления национальной специфики». Однако, здесь иная причинно-следственная связь – мультикультурализм декларируется, но не реализуется. Происходит сегрегация, только гетто возникают как бы на «добровольной основе». В странах Европы и в США люди, утратившие свою этническую или религиозную идентичность, вынуждены («добровольно») возвращаться к группе, в замкнутые монокультурные поселения и кварталы только потому, что правительство спонсирует не культуру, в которой бы нашли себя индивиды, а общины (их школы, клубы, театры, спортивные организации и др.). В них возникают параллельные управленческие институты, которые блокируют деятельность законных органов власти. Это позволяет государственной администрации заявлять, что в таких условиях неосуществима защита прав человека, и не пытаться делать этого. В результате чего, «в европейских городах возрождаются такие черты традиционной культуры, которые уже забыты на родине иммигрантов». Но такого «возрождения» (с отрезанием частей тела за неповиновение) вряд ли кто-то жаждет.

В Европе сотворили из мультикультурализма «чупакабру» и пугают ею весь мир. А между тем, всё гораздо сложнее. Ценности, лежащие в основе теории мультикультурализма, так и остались не востребован-

ными в силу громоздкости и затратности подготовительной фазы их воплощения в жизнь. Речь идёт о необходимости разработки специальных научно обоснованных программ интеграции; финансировании множества сопутствующих проектов; образовательном сопровождении ресоциализации с учётом новейших технологий, рассматривая возможности социопсихологической инженерии; затраты времени и чувств социальных, медицинских работников, психологов. Особенно психологов, так как речь идёт о необходимости консультаций по социальной психотерапии в целях изменения стереотипов поведения. Мир функционирует, в основном, как определенная система стереотипов. Но развитие мира подразумевает разрушение одних, естественно сформированных стереотипов, и постепенное образование новых, видоизмененных. Человеку приходится вписываться в действующие рамки поведения, или испытывать сильнейшую фрустрацию под давлением системы стереотипов новой культуры. Стереотипы нелегко поддаются изменениям. И уничтожить все стереотипы нельзя в силу аналогового принципа мышления, который сам по себе подразумевает формирование тех или иных стереотипов. Поэтому стереотипы, помогающие видеть, слышать, ощущать и, как следствие, осознавать и понимать, ломать нельзя. В этом и следует разобраться, какие из стереотипов помогают, а какие уже мешают. Анализировать необходимо каждый стереотип в отдельности, сколько бы их ни было. Критерием отбора должен быть анализ стереотипа на предмет «способствует он формированию толерантности человека или же наоборот тормозит». Если стереотип мешает, то вторым этапом анализа должно стать принятие решения: «каким именно способом можно преодолеть, т.е. разрушить данный стереотип». Очевидно, что не обойтись без затратных адаптационных мероприятий, которые реально решают проблему. Но избирается часто вариант более простой, - декларируя мультикультурализм, проводить привычную культурную политику: способствовать ассимиляции, закрывать глаза на сегрегацию; не соотносить цифр ожидаемого прироста населения и величину соответствующих бюджетных расходов с учётом иммигрантов; назвав всё это «мультикультурализмом», поступить потом так, как американцы поступили с идеологией «плавильного котла», - не утруждая себя модернизацией, выбросить на свалку истории. Но мир изменился, и общества вынуждены искать пути интеграции.

Для воплощения принципов мультикультурализма в культурной политике с позиции культурологического дискурса оказался актуален ответ на основной вопрос философии, точнее, его онтологический аспект: что первично – материя или сознание, так как в зависимости

от ответа строится та или иная теоретико-методологическая база практики культурной политики. Понимание плюральности культур как исторического, саморазвивающегося феномена, не зависящего государственного устройства, от сознания индивидов или групп, предполагает один подход, и иной, в случае признания культурной плюральности как феномена, зависящего от особенностей государства, общества, индивидов.

В культурологическом дискурсе общество рассматривается как культурное явление, где общество выступает субъектом культуры и одновременно пространством культурного творчества и интерпретации культурных явлений. Мы исходим из представления о плюральности культур как саморазвивающемся феномене, формирующемся параллельно с глобализацией/прогрессом/цивилизацией, в современности принявшим обозначение «мультикультуральность». «Мультикультуральность» это термин для характеристики общества по культурной составляющей (по аналогии с характеристикой почвы как засушливой, засушливой может быть область планеты, засушливость климата и т.д.) «Мультикультурализм» это и социокультурный феномен, и идеология признания факта культурной многосоставности обществ и т.д.». Мы придерживаемся той позиции, в которой считается, что в современных условиях мультикультурализм – это не только фиксация/признание в обществе наличия исторических культурных различий, но и концептуальная позиция в сфере гуманитарных наук, находящая свое выражение в стратегии внутренней политики государства, в правовых нормах, общественных институтах. [353; 354; 355; 356].

Какие у современной системы мировоззрения эпистемологические предпосылки [387], на что она опирается, - она эмпирична, телеологична или интуитивна. Необходимо выявить соответствие методологии культурной политики современному научному знанию, конкретному «познавательному полю», которых выделяют (по работам М. Фуко) не менее пяти: античное, средневековое, возрожденческое, просветительское и современное. Мы считаем, что к означенным «полям», необходимо добавить шестое, вновь образовавшееся «познавательное поле» – «сетевое» (или: «паутиновое», «инофо-поле», «пост-современное»), а «современное» переименовать в «современное – по М. Фуко». Тем самым, будет культурологически артикулирована новая эпистема, обозначаемая философами как «переход современной науки к постнеклассической стадии развития», «становление нового постнеклассического мировоззрения для России третьего тысячелетия», которое формирует плюрализм как мировоззренческий принцип, обосновывающий необходимость толерантности во всех сферах человеческой культуры и бытия. [344].

Элиминируя структуралистские представление М. Фуко о существовании некой «структуры прежде всех структур», по законам которой образуются «конституируются и функционируют все остальные структуры...», мы берём ту часть его представлений, которая постулирует понимание эпистемы как «некоего глобального принципа организации всех проявлений человеческой жизни». Оно, на наш взгляд, синонимично пониманию роли идеологии в жизни общества. Разнообразие мнений, возникшее по этому вопросу, связывается с актуальным состоянием общества, где отмечается «фрагментарность и маргинальность современного типа культуры, которая отражается на состоянии ее теоретических исследований. Научное знание эволюционирует в направлении перехода от универсальной, монологичной, целостной реконструкции культурного универсума к вариативной, плюралистичной, мультиплицитной парадигме». [187]. В обществоведческом дискурсе в качестве возможной теоретико-методологической основы доктрины культурной политики рассматривается мультикультурализм. Вместе с тем, в научном сообществе нет однозначного отношения к самому понятию. Прежде чем рассматривать этот вопрос, остановимся на дискурсивной специфике мультикультурализма.

В отечественной литературе существует пласт публикаций, рассматривающих мультикультурализм как теоретико-методологическое основание стратегии культурной политики. В их числе и такие, в которых выражается неудовольствие тем, что «идеи мультикультурализма, похоже, постепенно усваиваются российским интеллектуальным сообществом». [298]. Удовлетворение тем, что «...культурный плюрализм российского общества не находит выражения в политическом языке». А также такие, в которых выражается уверенность, что «...мультикультурализм скоро не понадобится, т.к. это завершающий цикл индустриальной модернизации. Новая постиндустриальная экономика высоких технологий и социально-политическая модернизация создадут условия для отмирания традиционных культур». [286]. С точки зрения других экспертов: мультикультурализм, как стратегия и как культурологический принцип, в западном опыте не был использован в принципе. «С середины 1950-х, когда началось массовое рекрутирование иностранных работников, до рубежа 1970-1980-х все верили, что имеют дело с «гостевыми рабочими» («гастарбайтерами») и затратные способы адаптации гостей не предусматривались. Бюджетные средства выделялись на изучение детьми мигрантов «родного языка» (а иначе как они вернутся к себе на Балканы или в Турцию?) Лидеры принимающих стран исходили из своего понимания национальных интересов. Не дать

иммигрантам инкорпорироваться, проникнуть в национальное тело. В немецком случае это была просто мягкая сегрегация». [235].

Эта точка зрения принципиально совпадает с мнением Ф. Фукуямы: «в Голландии и до некоторой степени в Британии под словом «мультикультурализм» скрывалось нежелание ассимилировать представителей меньшинств в жизнь большинства: пусть у вас будет своя религия, свои школы, свое сообщество, и мы оставим вас в покое, если вы оставите в покое нас». Несоответствие мультикультуралистических манифестаций и реальной политики привели к разобщенности между гражданами, вспышкам конфронтации. Ф. Фукуяма, рассматривая аналогичные ситуации, предлагает: «... наконец, заняться проблемой культурной ассимиляции. Меньшинства, проживающие в стране, должны согласиться с некоторыми базовыми ценностями, чтобы стать частью нации». [390]. В другом варианте для обозначения мер по политической стабилизации, когда мультикультурализм декларируется, а реально проводится социальная изоляция меньшинств от большинства «в целях сохранения этнической идентичности тех и других», используются понятия «мультикультурализм консервативный» или «культурный фундаментализм». [493]. По сути, так обозначаются «новые издания национализма и даже расизма». Хотя именуется это «невмешательством государства и «большого» общества в жизнь этнических общин с одновременным предоставлением им привилегий и дополнительных ресурсов во имя охраны их «идентичности» и в качестве компенсаций за прошлое неравенство. Здесь очевидна подмена идеи мультикультурализма описанием практик реализации этой идеи.

Некоторые эксперты, оценив громкие заявления о «крахе политики мультикультурализма» в Европе, предложили простой и эффективный способ решения проблемы. Сохранив стратегию мультикультурализма, изменить тактику: «...если не реализовалась эта политика воплощения стратегии мультикультурализма, выработать и одобрить другую политику воплощения стратегии мультикультурализма. Составить другой план и назначить других ответственных». [281]. Встречается утверждение, что «хронологически мультикультурализм - одно из новейших направлений теоретико-культурных исследований, представляющее рефлексию после постмодерна». Симбиоз культур существует с самого начала взаимодействия культур.

Отдельно мы рассматриваем вопрос о политике и практике интеграции в развитие общества мигрантов, условно выделяемый нами в специальное научное направление - «мигрантологию». В российском дискурсе оно может входить в блок прикладных задач научно-исследо-

вательских институтов и государственных учреждений, таких как: институт этнологии и антропологии, Федеральная миграционная служба, Росотрудничество и другие устоявшиеся структуры, модерлирующие правовое пространство на подступах к базовому правовому полю - конституции, которая не может меняться, адаптируясь к прибытию/отбытию гостевых рабочих. Но в неё должна быть встроена идеологическая доктрина, проясняющая вектор государственной политики по народонаселению. Это бы соответствовало традициям российской культуры и ожиданиям российской нации. «В России сложилась и веками существовала специфическая, особая социальная организация, одной из наиболее характерных черт которой было то, что государство здесь являлось не надстройкой над гражданским обществом (как в западных странах), а становым хребтом, а порой - и творцом институтов гражданского общества. В России государство, общество, личность никогда не были разделенными (как на Западе), они были взаимопроницаемы, целостны, соборны. Государственность в России всегда опиралась на корпорацию служилой знати (будь то дворянство или номенклатура, либеральная бюрократия или кто-то еще). Этот тип социальной организации отличался всегда чрезвычайной устойчивостью и, меняя свои формы, но не суть, воссоздавался после каждого потрясения в российской истории». [101].

В дискуссиях по обсуждению проблематики культурной политики современной России содержится множество противоречивых мнений и предложений. Это связано, в том числе, и с актуальным состоянием общества, где отмечается «фрагментарность и маргинальность современного типа культуры, которая отражается на состоянии ее теоретических исследований. Научное знание эволюционирует в направлении перехода от универсальной, монологичной, целостной реконструкции культурного универсума к вариативной, плюралистичной, мультиплицидной парадигме. [187].

То, что интеллект имеет ассоциативную природу, было известно со времен Томаса Гоббса. Квазилогичная цепочка социализм/коммунизм/мультикультурализм иногда вводит в заблуждение исследователей, несмотря на то, что содержание последнего абсолютно иное. Мультикультурализм это одновременно пост-монокультурная реальность, одна из её трактовок и проект нациеустройства. В последние годы вопрос нациеустройства (или внутренней политики) особенно проблематизировался в обществах, для которых собственная мультикультурность стала откровением (или, как сейчас принято говорить, «культурная плюральность рельефно обозначилась»). Это не относится к российской нации, для которой поликультурность эндемична, но вследствие

проблематизировавшихся политических условий в ней также отмечаются некоторые модернизационные перемены: страны прежней нет, некоторые доктрины находятся в стадии исследования и реконструкции.

Изучение трактовок мультикультурализма обнаруживает множество вариаций, в том числе его нерелевантное использование для обозначения различных политических, экономических и психотехнических манипуляций; для легитимации социальных движений и действий, часто имеющих цели далёкие от межкультурного взаимодействия; для обозначения конструкций, основанных на интуиции или являющихся калькой с западных моделей культурной политики.

Если инструментальный характер мультикультуралистского дискурса в Германии был связан с ухудшением ситуации на рынке труда, то правительство Австралии взяло на вооружение лозунг мультикультурализма, стремясь положить конец дискриминации «цветных» и безрезультатной политике ассимиляции иммигрантов. В Канаде выбор мультикультурализма в качестве нового правительственного курса был определён задачей «сделать государство более чувствительным к запросам своих граждан разных культурных и языковых групп». Хотя, на самом деле, неофициально это считалось способом увести политические дебаты от противостояния англофонов и франкофонов и тем самым избежать дальнейшей поляризации канадского общества. [235]. Швеция обратилась к мультикультурализму в целях объединения нации, состоящей из иммигрантов и традиционных меньшинств страны. В Америке первоначально мультикультурализм понимался как средство борьбы с расовой дискриминацией чернокожего населения. Последующее широкое распространение мультикультуралистской риторики связывают с такой особенностью американского публичного дискурса как невнимание к социально-классовой стратификации, с тенденцией сводить общественные противоречия к противоречиям «ментальностей», отсюда преувеличенное значение, придаваемое консенсусу.

В большинстве научных исследований и обыденных взглядов на специфику мультикультурализма, на наш взгляд, воспроизводится одна системная ошибка, служащая методологическим основанием для неэффективных практик культурной политики. Это - убеждение в «недавности» происхождения феномена мультикультуральности/плюральности культур (даже указывается место и время его появления: «в конце 1960-х годов в Канаде»), и уверенность в легкости манипулирования с ним, тогда как мультикультуральными общества становились постепенно с начала расселения людей по планете. Отрефлексированная за прошедшие миллениумы, плюральность культур не могла оста-

ваться на уровне примитивно маркируемых неясных ощущений, и, пройдя определённый путь эволюции, она стала саморазвивающимся феноменом, получила терминологическое оформление. В настоящее время появились предложения «модернизировать» термин мультикультурализм, рассчитывая тем самым повлиять на изменение вектора социокультурного развития. [286; 298].

В научном анализе истории российской «национальной политики» доминировали отрицательные оценки политического курса российского самодержавия, который определялся термином «русификация» или «ассимиляция» (годы первой русской революции). В 20-е годы, несмотря на иную методологическую и идеологическую основу политики государства, историками развивались концептуальные положения либеральной дореволюционной историографии о насильственном включении окраин в состав Российской империи и их колониальной эксплуатации. В зависимости от политической конъюнктуры, в целом, концепция российской национальной политики эволюционировала (1920 по 1980 гг.) от декларации «абсолютного зла» до тезиса о «наименьшем зле» и полностью добровольном присоединении национальных окраин к Российской империи. В новейшей истории России одиннадцать республик бывшего СССР (включая Российскую Федерацию) одновременно провозгласили декларации о своём суверенитете (1990 г.) «...во имя высших целей - обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу - на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах». В установлении взаимоотношений народов постсоветской России были попытки использования понятия «ассоциированности» (компаньоны, партнёры), которое обозначает связь скорее как психологическую, чем правовую. Региональные законы о языках и решения местных органов управления, касающиеся преподавания основ тех или иных религий в школах, размывали и эту связь. Государству стоило немалых усилий политическими средствами в рамках новой федерации обеспечить сохранение целостности российской нации. [7; 16; 18; 66; 68; 87; 131; 132; 138; 144; 153; 154; 155; 159; 160; 161; 162].

1.3. Современные тенденции в развитии мультикультурализма

Сегодня происходит пересмотр теоретических концепций, могущих обеспечить укрепление нации, связанных с политикой и практикой сохранения системы культурных ценностей. Среди них - концепция мультикультурализма, имеющая множество контекстуальных особенностей, которые мы также изучили. Достичь «учитывания все-

го» - давнее стремление множества мыслителей, и движение к этой цели занимает просвещённую мысль не одно тысячелетие. Интерес к взаимосвязности только нарастает.

Усилия множества наук объединяются для изучения сознания человека, чтобы понять механизм формирования целостного представления о мире. Занять нишу целостного подхода к пониманию человека пытаются эзотерические и постмодернистские теории. Например, появился «интегративный подход», который занимается поисками фактов, подтверждающих одушевленность космоса и возможности связи человека с ним. Этот дискурс претендует на позицию целостного подхода к рассмотрению этих вопросов. Он известен в нашей стране как «интегральная, постнеклассическая концепция мира», имеет своих сторонников и адептов. Обозначая себя как «неоинтегративное мировоззрение», «интегративный подход» противопоставляет себя концепциям, основанным на материалистическом подходе к миропониманию.

Здесь нам понадобится краткий экскурс в область психологической характеристики сознания человека для поддержания вектора объективной оценки появившихся в литературе заявлений об обнаружении механизма зарождения нового «интегрального сознания» и, соответственно, в оценке «интегративного подхода». Как известно, у сознания нет ни одного материального свойства; составляющие сознание образы не обладают ни свойствами отражаемых в нем предметов действительности, ни свойствами нервных процессов, на основе которых они возникли. Его продукция идеальна. Идеальное не сводимо к состоянию мозга, нет прямого тождества идеального с материальными нервно-физиологическими структурами мозга и их отправлениями. Мыслит не мозг как таковой, а человек, обладающий мозгом, являющийся компонентом определенной природной или социальной системы, носитель культуры. [91; 95; 240; 278; 293; 385; 392]. И, тем не менее, звучат заявления о конструировании «нового, интегрального сознания».

Корни стремления к целостному постижению человеческой сущности тянутся к наследию греческого мыслителя Полибия, философии Плотина. Ранних эллинских философов занимали две мысли: смертный мир борьбы противоположностей и бессмертное единое начало. На вопрос о том, как быть с материальным телом, в котором живёт сознание, постигающее единое, эллинские философы отвечают определённо, истинное познание возможно только после смерти: наши органы чувств не дают истинного знания, болезни тела препятствуют постижению единого и оно открывается лишь освобожденной от тела душе. [62; 80; 96; 97; 151; 165; 201; 207; 256; 300; 348].

В современной западной гуманитарной традиции подобного рода вопросы изучают комплексы наук, объединённых общим названием «Cultural Studies» (дословно, «культурные исследования»); multicultural studies (изучение культурного многообразия); cross-cultural studies (изучение межкультурного взаимодействия). В конце XX столетия появилось новое междисциплинарное направление исследований «Культура имеет значение» («Culture matters») - по названию Международного Гарвардского симпозиума «Культурные ценности и прогресс человечества» (1999, Кембридж). [200; 201; 288; 289]. В результате культурологических изысканий появилось понятие «транскультура», которое обозначает культуру на перекрёстке культур, располагающуюся над/в поле взаимодействия научных, художественных и религиозных составляющих. Оно характеризует новую позицию культурного феномена «внеаходимости» по отношению к существующим культурам. [26; 33; 76]. Это практический результат использования методологического инструментария философии, искусств, мифологии, религии и политики. Понятие «транскультура» используется уже не только для анализа отдельных проблем, речь идёт об институализации новой области гуманитарного знания, о создании направления исследования современной культуры - «transculturality studies».

В социальных науках наряду с естественнонаучным подходом, теориями материализма, бихевиоризма и позитивизма, для которых научно значимыми являются материальные факты, поддающиеся эмпирической проверке, появляется холистическая, или интегральная, постнеклассическая концепция мира. Новейшие ответвления этой концепции - «неоинтегративные мировоззрения», стремятся быть «всеобъемлющими», «инклюзивными» (англ. inclusion - «включение», «вовлечение»). Важным следствием новой констелляции парадигм стало понимание того, что все проблемы так тесно взаимосвязаны, что их невозможно решить исходя лишь из одной или двух перспектив. [19; 20; 33; 58; 90; 191; 366; 467; 474].

Содержание понятия «интегральное» различается в разных контекстах. В математике «интеграл» - это «величина, получающаяся в результате действия, обратного дифференцированию». В гуманитарных дискурсах это утверждение того, что все должно быть связано, что для решения многих проблем человека важно выявление и признание сложных системных взаимосвязей. Интеграция, как правило, рассматривается как «сильный» термин, а «всеобъемлющее» как «более мягкое» и, тем самым, более гибкое понятие, которое можно применить и в незападных контекстах. Эти термины подразумевают попыт-

ку построения сбалансированного мировоззрения, в котором примирены духовность и рациональность, трансценденция и секуляризм, а также «реализм» и «номинализм». В дискурсе исследования поликультурности оно используется наряду с понятиями «транс-культурный», «кросс-культурный», «мультикультурный», «пост-мультикультурный», а также «постмодернистский». В других - это заменитель религии, так как религия, как это было прежде, больше не служит ответам на вопросы. Некоторые из новых теорий стремятся доказать, что сознание и потребности человека развиваются строго в определённом русле: от материалистических к «идеальным» и затем к «интегральным».

Большинство неоинтегративных подходов отходят от материалистической науки и сосредотачиваются на духовности, считая «пагубными» для общества и природы, реализуемые ныне проекты. При этом они отрешаются и от некоторых фундаменталистских, оккультных или «ню-эйджевских» течений, заявляющих о факте зарождения «новой духовности», в связи с тем, что «для них характерны антиинтеллектуальность, оторванность от проблем реального мира». Критично относятся они также и к необходимости «всееключения», которое предусматривает глобальное взаимовлияние культур Востока и Запада, Севера и Юга, полагая, что они разрушают традиционные для общемировой истории фреймы обществ.

Наиболее продуктивной методологией всё чаще признаётся деиерархизированное многообразие мульти- и метанациональных инициатив гражданского общества, некоммерческих организаций, до- и протополитических движений, а также научных, религиозных и культурных ценностей. Эти новые платформы создают «гибридные» парадигмы, взаимодействующие с остатками традиционных концепций национального и культурного «порядка», учитывающие тенденцию к созданию транс- и супер-национальных институтов правления и регулирования. Подобные конstellации парадигм именуют по-разному: «постнациональная», «постидеологическая», «аперспективная», «мультипозиционная», «плюроидеологическая» или «меж- и трансперспективная». Термины эти обозначают признание продуктивности множественности позиций и интересов в противовес единообразию норм и парадигм модерна, а также фундаментальное изменение в трактовке «интегрального».

Отныне понятие «интегральное», «интегративное», «всееключающее» или «холистическое» предлагается использовать не для обозначения вообразяемого целого, признающего лишь определённые мировоззрения, способствующие унификации (как было в «первом» модерне), а для целей учёта всё большего количества возможных точек

зрения на одну и ту же проблему, признания имеющихся различий и парадоксов («второй» модерн). Этот сдвиг в понимании интегрального трактуется как переход от одномерности к многомерности, от авторитарности к плюрализму, от нормативных ценностей к описательным, от идеологического понимания парадигм к мировоззренческому по принципу «интеграция лишь посредством и после дифференциации». Методологический сдвиг вызывает смещение фокуса, теперь объектом рассмотрения является то, под чьим патронатом и как формируется консенсус множества разнообразных убеждений без посредничества «традиционных очагов институционализированной власти, при посредстве до- и протополитических культур и субкультур, движений, терминологий и языков, которые создают свои собственные, неинституционализированные точки отсчёта.

В среде экспертов и общественности сложилось представление о том, что современные западные общества развиваются как мультиплексы, составленные из разнообразных парадигм, большинство из которых более не рассматривают себя как нечто, напрямую зависящее только уровня социально-экономического развития. Для эволюции мировоззрений складывается нелинейная перспектива, ею более не являются исключительно национальные государства со своей направленностью на соперничество с «внешними» интересами. Начинает превалировать дивергентное мышление, которое предполагает несколько или множество ответов на один вопрос и отсутствие жёсткой связи между явлениями, причинами и их следствиями. Причиной считается и то, что сама социально-экономическая среда непрерывно изменяется, ускоряя культурные процессы, изменяя поведенческие обстоятельства. Такая констелляция мировоззрений обозначается как поздний постмодернистский (или «пост-постмодернистский») плюрализм.

Во множестве научных дисциплин появляются направления, которые стремятся стать «всеобъемлющими»: «интегральная философия», «интегральная психология», «интегральная социология» и т.д. К успешным относят «Движение интегральных ученых» во главе с «интегральным теоретиком» Стивом Макинтошем. Широко разрекламирована «всевекторная, всеуровневая модель «аквал» (AQAL) Кеннета Эрла Уилбера (Кен Уилбер), который объявил о фактах достижения отдельными «просветлёнными» индивидами «интегрального сознания» «с помощью которого человечество ищет истину», «постигает процесс космической эволюции». Теория К. Уилбера имеет в России своих сторонников, в связи с чем, мы считаем необходимым рассмотреть её истоки и позиции в сопоставлении с концепцией мультикультуризма. [366].

К первому поколению современных «интегральных» мыслителей, по мнению некоторых авторов [2], относятся такие различные мыслители, как Владимир Соловьёв (1853–1900), Рудольф Штайнер (1861–1925), Шри Ауробиндо Гхош (1872–1950), Макс Шелер (1874–1928), Жак Маритен (1882–1973), Пителир Сорокин (1889–1968), Фан Дунмэй (1899–1977), Жан Гебсер (1905–1973) и Герберт Витценманн (1906–1988), которые независимо друг от друга обращались к таким вопросам, которые составляют основу нынешних «всеобъемлющих» теорий: поиск когнитивной позиции, которая включает объективный и субъективный мир, разум и интуицию; внимание к появлению очертаний космополитического общества, существующего вне рамок логики противостояния этнических, национальных или социальных идентичностей; поиск сходных аспектов и духовных установок у различных культур и мировоззрений; внимание к уникальным путям каждого отдельного человека с позиций гуманизма, противостоящего силам притеснения; поиск трансграничного подхода, для которого не существует препятствий в виде культурных, языковых, социальных, дисциплинарных и других границ. [20; 302; 366; 378; 393; 414; 455; 476].

Позиции большинства «интегративных мировоззрений» формировались в контексте исторической эпохи, характерной особенностью которой был высокий уровень этноцентрического национализма, поэтому методологические подходы, в рамках которых работали авторы, не вполне соответствуют современным исследовательским стандартам. Некоторые из них, являющиеся предшественниками философии постмодернизма, не смогли решить те задачи, которые стали актуальными позже, основные положения их работ были рационально не оправданы и слишком умозрительны. Но, каждый по-своему, они обозначили тренд в направлении интереса к мультикультуре. Поэтому основная часть работ предшественников современной интегральной мысли является актуальной. Термин «интегральная психология», как известно, первым использовал (1940 г.) Индра Сен - ученик индийского мистика, создателя «интегральной йоги» Ш. Ауробиндо, как инструмент для описания психологических наблюдений своего учителя, который считал, что окружающий мир сам по себе является божественным творением, с которым необходимо восстановить взаимосвязь. [19; 20]. Ш. Ауробиндо ставил задачу включения духовной жизни в бодрствующее состояние и трансформации реального бытия. Он пропагандировал не уход от реального мира, но творческое соединение воли человека и воли духа, продуцирующего многообразие форм, за которым следует и гармония целого. Ш. Ауробиндо описал лишь два состояния «просветленного су-

ществования»: «сансару» и «нирвану», тем не менее, его учение считается вехой в восточной духовности. В 1970-х годах сохранению интереса к «интегральной психологии» способствовал Х. Чаудхури, постулировавший в качестве её основы триаду принципов «уникальности», «взаимосвязанности» и «трансценденции», соответствующих «личностной», «межличностной» и «надличностной» сферам человеческого опыта.

Теории интегрального, на наш взгляд, не учитывают того факта, что наше биологическое тело (материя) и сознание – наше психическое «тело» существуют в разных измерениях, их объединяет одностороннее фундирование: материя существует вне сознания и независимо от него, тогда как сознание не может существовать вне материи. Она есть и носитель, и причина его возникновения. Сознание же – нечто производное от материи: как свойство мозга и как отражение мира. Такой методологический подход не позволяет рассматривать сознание как самостоятельный субъект действия. Поэтому объявления о конструировании «нового», «современного», «интегрального» сознания, которому «присуще единое бессмертное начало», воспринимается, с одной стороны, интересом, но и с определённой долей сомнения.

Модель К. Уилбера «аквал» (AQAL), по утверждению адептов, является моделью для современного знания, «сверхтеорией всего». К. Уилбер утверждает, что ему удалось разработать «интегральную психологию», - общий подход, который объединяет в себе наработки различных психологических теорий: психологии развития, [293] эволюционной психологии, глубинной психологии и когнитивных наук, трансперсональной психологии и мистических учений Востока и Запада. Автор стремится, по его утверждению, избежать редукционизма (например, при рассмотрении мистических переживаний сосредотачиваться только на нейрофизиологических механизмах, или же, наоборот, говорить, что важна лишь интерпретация самого опыта). К. Уилбер уверен в том, что величайшей катастрофой мира модерна и постмодерна стало то, что духовность была убита наукой, особенно гуманитарными науками как таковыми. Недостатком мистической духовности он считал монологичность, - она не понимала того, что постмодернисты называют «мифом о данном». «Миф о данном» - это убежденность в том, что мир в том виде, в каком он проявляется в сознании, в каком он дан в восприятии, есть реальность, и человек может основывать своё мировоззрение на всём, что является сознанию. Но то, что наше сознание нам эксплицирует, погружено в культурные контексты и множество других контекстов, которые порождают интерпретацию и конструкцию наших восприятий ещё до того, как они успевают достичь нашего созна-

ния. Поэтому то, что мы считаем данным, в действительности это часть мировоззрения, искусственной конструкции. [366]. Это утверждение К. Уилбера согласуется с позицией философа Ю. Кристевой. [193; 194]. Он строит свою модель, по его пояснению, на пяти элементах (секторы, уровни, линии, состояния и типы), составляющих основу некоей «интегральной карты», которая «приведёт к эмпирическому знанию по всем аспектам человеческого сознания». Каждая дисциплина, по этому подходу, исследуется в четырех «секторах»: интенциональном, поведенческом, культурном и социальном. Включаются «все открытия и озарения из до-современных, современных, и постсовременных источников. Древняя мудрость объединяется с современным знанием, духовность с материализмом». Интегральность здесь означает «учитывание»: учитывание истории, культурных и религиозных различий, пола и возраста, физических, интеллектуальных и духовных способностей, достоинств и недостатков, образа жизни и системы воспитания, молитвы и медитации и т.д. По декларации автора, рассматриваются не только «западные психологические модели, затрагивающие доличностные и личностные стороны психологии, но и восточные, которые имеют многовековой опыт достижения так называемых надличностных уровней развития». По словам К. Уилбера, выводы по его изысканиям уже применяются в таких прикладных направлениях психотерапии и психопатологии, как аддиктология и реабилитация лиц с различными зависимостями; исследовании этиологии депрессии; постконвенциональных стадий развития личности; психологическое консультирование; организационный менеджмент; теориях обучения и образования; уходу за больными; криминологии; литературоведении и медицине.

О возможности формирования нового типа сознания писал и немецкий культурный философ Жан Гебсер (1905-1973), считающийся одним из интересных мыслителей двадцатого века. Ему принадлежат идеи о «структурах сознания» и вера в то, что мы переживаем подъем нового вида сознания - «интегрального». Главное произведение Ж. Гебсера «The Ever-Present Origin» впервые издано в 1949 г., в Германии, на английский переведено в 1984 г., посвящено «озарению о том, что на Западе начал зарождаться новый тип сознания». По словам Ж. Гебсера, «инсайт», «молниеподобное вдохновение» пришло к нему через изучение поэзии, в частности, поэзии австрийского поэта Райнера Марии Рильке (1899-1927). Ж. Гебсер считал, что очевидность нового сознания, которое обнаруживается, практически, во всех аспектах Западной культуры, может быть найдена и в науке». [455]. Как считает Г. Лачман, американский кинорежиссёр и биограф Ж. Гебсера, из-за того, что

только часть работ переведена на английский, он остается практически неизвестным за пределами Германии и Австрии (где он жил). К тому же, обнаруживаются трудности в понимании работ Ж. Гебсера, обусловленные тем, что он неизбежно использует язык, основанный на существующей структуре сознания. Облегчить задачу читателям Г. Лачман предлагает, сравнив «исток» Ж. Гебсера, со «сплетенным порядком» физика Дэвида Бома. [214]. «Сплетенный порядок» Д. Бома это тоже единство, неподвластное времени, из которого появляется нынешняя вселенная пространства времени. Процесс этого появления схож с поведением японских бумажных шариков, которые, будучи брошены в воду, принимают различные формы. «Исток»-«шарик» Ж. Гебсера имеет форму «потенциальности», структуру сознания, которая разворачивается на протяжении времени. Одним из ключевых признаков новой структуры сознания считается «прозрачность», которая «не означает «невидимости» оконного стекла, через которое смотрят наружу, это способность видеть сквозь вещи и прозревать их истинную природу». «Скрытое и видимое» («latency & transparency») - это доказуемое присутствие будущего. Понятие «видимое» относится к тому, что присутствует на данный момент. По мнению Ж. Гебсера, интегральная структура сознания предполагает минимум скрытого и максимум видимого,- «потенциальность», которая воплощает «видимое присутствие будущего». В этом смысле семена всех последующих фаз эволюции содержится в текущей. Именно благодаря этому и возможна последующая интеграция. Пространство для появления новой - «интегральной» - структуры сознания освобождают возникающие в последующем кризисы - экологические, социальные, экономические и политические. Ж. Гебсер связывает это с эффектом преобладания ментально-рациональной структуры сознания, которая вступает в режим «недостаточности». Ж. Гебсер называл это «разломом» и считал своего рода очищением, освобождением пространства для появления новой - «интегральной» - структуры сознания. [214; 455].

Эд Махуд («младший»), анализировавший работы Ж. Гебсера, говорит, что все четыре стадии, рассматриваемые им с точки зрения многомерности, начиная с геометрического нуля, отражают пять отдельных эпох человеческого развития, которые не изолированы друг от друга, но, напротив, взаимосвязаны таким образом, что признаки всех предыдущих стадий можно обнаружить в последующих. [455; 472; 476]. И другая специфика, отмечаемая экспертами, это убеждение Ж. Гебсера в том, что проявление этих структур происходит не медленно и постепенно, как это понимает, к примеру, дарвиновская теория, а путём

дискретного квантового скачка. Четвёртая стадия интегрирует все предыдущие и позволяет человеческому сознанию превзойти ограничения трех измерений, к которым присоединяется четвертое - время. Отмена времени играет в теории Ж. Гейсера важную роль. Это не просто объединение противоположностей, а «вторжение качественного времени в наше сознание». Арациональность, аперспективность и прозрачность (распознавания целого, а не только частей) и интенсивность – важнейшие характеристики этой новой структуры. Философию в ней заменяет этеология (eteology) - от eteon, или бытие-в-истине. [472].

Первая, развернувшаяся структура сознания, *архаическая*, по Ж. Гейсеру, не сильно отличается от истока. Она «ноль-мерна», сознание тождественно миру, состояние «полнейшего неразграничения между человеком и вселенной». У человека с архаической структурой сознания отсутствуют какие-либо измерения и перспективы, выделенность из окружающей среды. Это мир полной идентичности между «я» и окружением, мир, в котором мы не можем говорить о сознании с современной точки зрения. *Магическая* не сильно отличается от архаической, но отдаление от истока увеличивается. Это до-перспективное состояние безвременья и внепространственности, мир с одним измерением. Оно похоже на состояние сна. В большой мере магический человек был частью своего окружения, только в своём племени или клане ощущал себя в безопасности. Если в архаической структуре между миром и сознанием полное тождество, то в магической структуре между ними единство. На этой стадии люди жили в «вегетативной переплетенности всего живого», в своего рода групповом или племенном сознании, которое все еще было сильно привязано к природе. По его мнению, все предыдущие структуры сознания все еще имеют место сегодня, и магическая структура проявляет себя во всех проявлениях «группового сознания».

Переход к *мифической* структуре сознания характеризуется двухмерностью, внеперспективностью, которое похоже на сновидение. Важным фактором человеческой жизни становится воображение и следование природным ритмам. Сознание все более отдалается от источника и его характеризует полярность. Здесь впервые появляется «инь» и «янь», земля и небо, мужчина и женщина и другие столкновения полярностей. Появляется «душа», как «внутренне пространство», которая впервые видит себя «отраженной» во внешнем мире и вступает в оппозицию с «внешним». Мысль, очевидно, еще только должна появиться.

Мифическая структура сменяется *ментальной*, ее появление совпадает с подъемом греческой цивилизации. «Ментально-рациональ-

ная» структура сознания, в отличие от предыдущих, трехмерна, это мир перспективы, состояние бодрствования. Мышление имеет приоритет и характеризуется аналитическим расчленением дуальности и оппозиции, а на последней стадии развития основной становится рациональность. Но и эта структура, так же, как и остальные, стремится к изменению, и это изменение Ж. Гебсер называет «интегральной структурой сознания». Она имеет четыре измерения, аперспективный мир прозрачности; она свободна от времени и пространства, субъекта и объекта, это мир истинности. В интегральной структуре «исток» становится воспринимаемым, духовное «конкретизированным» и «неявленный свет проявляется».

Г. Лачман отмечает, что Ж. Гебсер неуверенно называет точные даты появления всех «структур», и лишь для появления ментально-рациональной структуры он предполагает дату 1225 год до н.э.¹ Предыдущие структуры, архаическая и магическая уходят далеко вглубь веков, до времени появления хомо сапиенс, а мифическая - ко времени появления первых цивилизаций после последнего ледникового периода. Современному человеку понятнее всего господствующая ментально-рациональная структура. Здесь начинается процесс мышления, каким мы его сегодня знаем. Здесь появляется представление о «времени» в линейном смысле. Из предрасположенности ментально-рациональной структуры сужать внимание и фокусироваться на деталях нашего опыта появляется наука. По Ж. Гебсеру, перед появлением новой структуры, прежняя вступает в стадию «недостаточности». Так было в 1336 году н.э., когда ментально-рациональная структура в связи с зарождением перспективы и перехода от «двухмерного» видения мира, характерного для средних веков, пришла к пониманию дистанции и пространства, воплощенных в картинах раннего Ренессанса. Режим «недостаточности» достиг высшей точки в девятнадцатом веке, и сознание достигло своего окончательного «освобождения» от истока. [214].

Стремление к «всеохватному миропредставлению», по мысли Ж. Гебсера, характерно и для множества современных ему философских и культурологических изысканий и практик. Человеку уже недостаточно видеть мир в одной или двух плоскостях, он стремится к поиску места духовности в повседневной жизни, определению границ между стадиями духовного развития, роли медитации и созерцательных практик, восточных и западных подходов к религии. Следствием

¹ Согласно скалигерской хронологии, в 1225 году до н.э. в результате войны с греками, которая длилась десять лет, пала Троя. Считается также, что практически в это же время пали: Хеттуса - столица Хеттского царства и Вавилон. 24 апреля 1225 года до н.э. произошло полное солнечное затмение.

этого стало то, что он называл «нависающей мутацией в сознании». Показателем этой мутации Ж. Гибсер считал развал «ментально-рациональной структуры» сознания или «научной, рационалистической упрощенной парадигмы, доминировавшей на Западе последние столетия». Этот сдвиг в западном сознании почувствуют люди последующих поколений, другими словами, мы с вами. Ж. Гибсер умер, убежденный, что новый тип сознания начинает зарождаться, имея в виду предпринимаемые попытки воплотить в реальность новую парадигму, ныне известную как «Эра Водолея» или «Нью Эйдж», или «Заговор Водолея» и т.д. Для Ж. Гибсера инсайт в Сарнате, где у него было переживание сато́ри (просветление) - это яркий пример того, что он называет интегральной структурой сознания. Однако Ж. Гибсер предостерегает от иллюзии, что все эти переключения от одной структуры к другой дадут в результате переход к интегральному сознанию. Этого может не произойти, и опыт, как индивидуальный, так и коллективный травматичен.

Станислав Гроф, один из основателей Международной трансперсональной ассоциации (ИТА), профессор факультета психологии Калифорнийского института интегральных исследований, исследующий сознание и способы лечения психических расстройств, так же убежден, что тенденция к интеграции - это явление, «зависящее не только от человеческой активности, но ещё от общепланетарных и общекосмических процессов». [89]. Он предпринял попытку составить «новую карту психики», изучая диапазон и характер переживаний пациентов во время сессий ЛСД-психотерапии. Новая картография психики состоит, по С. Грофу, из трех областей: 1) (Фрейдского) личного и биографического бессознательного; 2) трансперсонального (надличностного) бессознательного (которое включает в себя и более узкие представления К. Юнга об архетипичном или коллективном бессознательном); 3) перинатального (околородового) бессознательного, являющегося мостом между личным и надличностным бессознательным и наполненным символизмом и конкретными переживаниями смерти и возрождения. Эта область бессознательного несет в себе наибольшие возможности к преобразению. [90]. С. Гроф подчеркивает, что перинатальное не ограничено внутриутробной жизнью и процессом родов, но образует всеохватывающую структуру психодуховной трансформации, справедливой для всех стадий развития сознания. Отечественный эксперт В. Майков считает, что С. Гроф экспериментально показал, что любой человек способен к переживаниям необычайной интенсивности и насыщенности. [232]. Это, как правило, характерно для экстремальных ситуаций в человеческой жизни, связанных с переживаниями экстаза,

катастрофы, смерти, духовного преображения. Необычные состояния сознания широко практиковались во всех традиционных культурах и сопровождали любое значимое изменение в индивиде и обществе. Среди этих состояний выделяются «холотропные», или целостные, состояния сознания (от *holos* - «целый» и *trein* - «двигаться к...»), обладающие особо мощным терапевтическим и обновляющим потенциалом. Они определяются по отношению к обычным, или хилотропным, состояниям (*hile* - «земля»). Европейская картезианская наука основана на опыте хилотропных состояний, возникающая новая научная парадигма основывается на опыте холотропных состояний. [89; 90].

Как считает С. Гроф, есть небольшое количество людей из «озарённых», способных к переживанию холотропных состояний сознания. Их появление связано «с нынешним глобальным кризисом и его взаимосвязанностью с эволюцией сознания». И, «если достаточно большое число людей испытает событие глубокого внутреннего преображения, то мы сможем достичь такого уровня эволюции сознания, когда станем достойными славного имени, которое дали своему виду: «*homo sapiens*». Предпринимавшиеся попытки достичь такого «просветления» с помощью психоделиков оказались неоднозначными. Предприняв исследование совместно с психологом Ричардом Тарнасом, С. Гроф приходит к выводу, что «исследование транзитов планет может предсказывать архетипическое содержание холотропных состояний сознания и временную их привязку к тому или иному моменту. Основной принцип астрологии: «что вверху, то и внизу», «микрокосм человеческой психики отражает макрокосм», говорит о том, что земные события служат отражением событий космических. В Греции в эллинистическую эпоху астрологи с каждой планетой сопоставляли то или иное мифическое божество, как отражение той мифологической связи, которая уже была установлена вавилонянами. Потом они стали использовать эту систему для предсказания событий в обществе и в жизни отдельных людей. С. Гроф надеялся, что астрология может стать ценным инструментом при работе с различными формами холотропных состояний сознания, например, с состояниями, которые наступают при воздействии мощных методов «переживательной психотерапии» (первичная терапия, ребефинг и холотропное дыхание) или возникают спонтанно во время «психодуховных кризисов». Однако, по выражению С. Грофа, «по иронии судьбы, после многолетних поисков и апробаций, «новое средство оказалось еще более противоречивым, чем сами психоделики». [90].

На вопрос о том, какие нынче у системы мировоззрения опоры в познании мира, - она эмпирична, телеологична или интуитивна, «ин-

тегральная» эпистема отвечает: теория познания должна быть одновременно и эмпирична, и интуитивна, и телеологична. Критики «интегрального подхода» к изучению сознания видят в этом расширении пространства сферы познания «смерть эпистемологии». [315]. Принятая сторонниками интегрального подхода базовая идея «всевключения» описывается не понятиями или терминами, а эмоциональными определениями, наподобие таких: «...любое явление, любой процесс, любая культурная или индивидуальная модель жизни не могут быть исключены из целостной диалектической картины реальности. Исключая что-то как чуждое, враждебное - «не наше» - мы лишь обкрадываем самих себя, искажая, в первую очередь, свою картину реальности, обедняя краски своего мира». Определения не конкретизируют, например, что такое «объединение с потоком новизны, ведущим нас на все более и более целостные уровни познания нашей подлинной природы и природы реальности». По выражению его сторонников, «интегральный подход» - это «практика и методики достижения космического сознания и навыков его выражения». Расплывчато и риторично звучит и определение: «интегральный подход выражается в создании целостной карты реальности (интегральная теория развития) и целостной методологии познания и развития (интегральная система практик развития человека, общества, культуры и природы)». Ключевым понятием в нём является «целостная карта реальности, которая описывает территорию». Под территорией понимается «модель мира, мировоззрение», которая может быть у каждого своя, у которой могут быть искажения, «карты могут быть объединены, карта и территория не равны». Объединяя карты, по мысли авторов, мы преодолеваем их ограничения и получаем более целостное и реалистичное представление о территории.

Закономерности интеграционных процессов не конкретизированы, они только названы: «некие», «общепланетарные и общекосмические процессы», «живая всеобъемлющая Реальность», «высший порядок». Причиной нечёткости терминологии, на наш взгляд, является развитие неакадемического, опережающего (до - научного) объяснения процессов развития «интегрального сознания». Расплывчатость терминологии позволяет применять её достаточно произвольно. Отдельные термины и фразы не служат точному описанию явления, а, скорее, являются риторическим приёмом, позволяющим повысить самооценку отдельных авторов или значимость концепции. По оценке К. Уилбера, «интегральная психология» находится на этапе становления как академическая дисциплина, проводятся исследования, собираются научно-практические конференции и публикуются научные работы,

защищаются диссертации и предлагаются образовательные программы. Хотя, научность направления как таковая подвергается критике со стороны научного сообщества. В докладе о перспективах развития трансперсональной психологии на конференции Британского психологического общества (2011 г.) М. Дэниелс называет основу интегральной психологии - «вилберизм» - имитирующей науку культом.

Научные направления, согласно с материалистической наукой оперируют фактами, подтверждающими существование и внутренней взаимосвязанности человечества, предпочитают говорить о существовании общечеловеческой культуры и цивилизации в их локальных спецификациях. Как бы ни были своеобразны культуры отдельных народов, у них обнаруживаются базовые общечеловеческие характеристики, которые позволяют говорить об общечеловеческой культуре. К ним относятся такие, как: материальное производство, техника и технологии, язык и другие символы как средство общения, художественное творчество, брачные отношения, мифы и героический эпос и т.д.

Антропогенная и техногенная эволюции глобализируют мир, мультикультурализируют общества, способствуют порождению рефлексии над способами существования локальных культур, затем «общечеловеческой культуры», «общечеловеческой цивилизации», «общечеловеческого будущего»), тем самым, достраивая гештальт понятия «человечество». Предположение о том, что «общечеловеческой культуры и цивилизации нет, они никогда не существовали и не имеют будущего» [100], бытовало лишь до конца девятнадцатого века. Затем произошло множество событий, которые сделали очевидным существование «человечества». Одно из них принадлежит семье Кюри. В минерале урана ими было обнаружено некое вещество, выделяющее большое количество радиации. Социокультурные последствия этого открытия известны, они сделали все человеческие общества в одинаковой степени заложниками применения ядерного оружия (да и «мирного атома» тоже - Чернобыль, Фукусима), объединили разрозненные цивилизованные сообщества в человечество. Мир, в культурном смысле, сегодня мы сделали меньше, видимее для всех обитателей земли. Теперь имеется всё больше оснований говорить о реальном существовании общечеловеческой культуры и цивилизации в их локальных спецификациях. На передний план выдвигается понимание значимости морально-нравственной основы выстраивания межкультурных взаимоотношений для сохранения культур и культуры в целом.

Глава II

Мультикультурная сущность культурной политики

2.4. Культурная политика: концепции, понятия, модели.

Конвенциональное определение «культурной политики» сложилось после доклада на круглом столе ЮНЕСКО «Политика в сфере культуры - предварительные соображения» в 1967 г. (Монако). Под политикой в сфере культуры было решено понимать «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». В этом контексте реализация политики в сфере культуры представляет собой «всю сумму сознательных и обдуманых действий в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время». Исходным условием разработки политики в сфере культуры признаётся достижение согласия между официальными, творческими, общественными силами в отношении приоритетности целей культурного развития. Оценивая этот документ с позиций современной России, специалисты считают, что принципы осуществления политики в области культуры, изложенные в нем, не снижают потенции каждой культуры к саморазвитию, это позволяет опираться на него странам с различными политическими системами, разным уровнем демократии, разной степенью влияния государства на сферу культуры.[7; 17; 18; 68; 92; 128; 131; 132; 137; 205; 206; 227; 250; 259; 284]. Принято считать, что культурная политика как отдельный метод государственного управления появился в Европе в конце XVIII века. Уже во времена Французской революции интеллектуальная элита усиленно работала над созданием «культуры» как области управления людьми, гражданами, сообществами и населением. Активно разрабатывались: языковая политика, национальный курс государства, концепция национальных и публичных музеев и библиотек, введен новый календарь, новые символы, знаки и памятники республики. Шла работа по созданию материальной базы новых типов идентичности, образа жизни, способов индивидуального и общественного поведения.

После второй мировой войны широкое распространение получила идея культурной демократии или равного доступа всех к культуре. Проводя анализ этапов становления культурной политики, исследователи отмечают, что до 60-х годов XX века усиление влияния государства любой политической ориентации в области культуры объяснялось

представлением о цивилизирующей, облагораживающей роли искусства и о демократизации доступа к нему как к общественному благу. Отсюда приоритетом культурной политики того времени становится широчайший доступ населения к культурным ценностям через специальные образовательные программы, бесплатный доступ в музеи, популяризация культуры на государственных теле- и радиоканалах. [322; 331; 350; 367; 379; 401].

С начала 1970-х годов многие страны приступили к поиску нового формата культурной политики. В основе этой политики лежала идея демократизации культуры. На смену лозунгу «культура для всех» (культурная демократия) пришел лозунг демократизации культуры - «культура для каждого». [230; 231; 250; 260; 292]. Разнообразные концепции культурной политики и управленческие стратегии в сфере культуры закреплены в национальных законодательствах многих государств. Транснациональный, надгосударственный, международный уровень управления культурной политикой, существенный для универсализирующегося мира культуры – надгосударственный, международный, осуществляет ЮНЕСКО. Принятые более сорока лет тому назад документы и решения разных комиссий ЮНЕСКО и поныне не утратили своего значения.

Термин «культурная политика» в отечественной историографии советского периода отсутствовал. Его эквивалентом было понятие «партийно-государственного руководства культурой», которое определяло «политическую и социально-идеологическую направленность развертывающегося в стране национально-культурного строительства как важнейшую проблему культурной революции». Сфера культуры в нашем государстве длительное время существовала и в формате, ориентированном на *социальное равенство*. Это предопределяло круг его прав и обязательств в отношении воспроизводства культуры, развития инфраструктуры сферы культуры и искусства, нормирования и распределения общественных благ и услуг. Многие историки культуры считают, что при этой, в целом, положительной тенденции, на практике существовал разрыв между декларируемыми целями на развитие культуры и реальным финансированием этой сферы. Интеграция российского народа традиционно обеспечивалась идеологией, которая всегда принадлежала к миру духовных ценностей русского народа. В России, как считают историки, сложилась и веками существовала особая социальная организация, одной из наиболее характерных черт которой было то, что государство здесь являлось не надстройкой над гражданским обществом (как в западных странах), а становым хребтом, порой - и творцом институтов гражданского общества. В России государство,

общество, личность никогда не были разделенными (как на Западе), они были взаимопроницаемы, целостны, соборны». [1; 2; 7; 18; 68; 101; 133; 144; 160; 161; 203; 204; 205; 206; 217; 227].

Вместе с тем, в советский период целенаправленно пропагандировалось сотворчество культур, сохранение культур малых народов, укреплялась мультикультуральная основа практики, известная как «советская культурная политика». Именно это сейчас предлагают делать на Западе учёные, говоря, что «индивиды не могут быть «отмыслены» от той community, в которой родились и социализировались. Поэтому вместо бесплодных попыток удержать политическое пространство в чистоте от культурных привнесений, лучше заняться продумыванием условий сосуществования разных идентичностей под одной политической крышей». [349; 492; 493; 497].

В России научный анализ культурной политики (она называлась «национальной») начался в годы первой русской революции. В исторической литературе доминировали отрицательные оценки курса российского самодержавия, который определялся термином «русификация». В 20-е годы, несмотря на иную методологическую и идеологическую основу, историками развивались концептуальные положения либеральной дореволюционной историографии о насильственном включении окраин в состав Российской империи и их колониальной эксплуатации. В целом с середины 1920-х годов вплоть до конца 1980-х годов концепция российской национальной политики в зависимости от политической конъюнктуры претерпевала изменения от обозначения как «абсолютного зла» до тезиса о «наименьшем зле» и полностью добровольном присоединении национальных окраин к Российской империи. В новейшей истории одиннадцать республик бывшего СССР (включая Российскую Федерацию) одновременно провозгласили декларацию о своём суверенитете (1990 г.) «...во имя высших целей - обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу - на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах». Были попытки использования понятия «ассоциированности» (компаньоны, партнёры) при установлении новых взаимоотношений народов в новой Федерации, которое обозначает связь скорее как психологическую, чем правовую. Региональные законы о языках и решения местных органов управления, касающиеся преподавания некоторых предметов в школах, размывали и эту связь. Новому Российскому государству стоило немалых усилий политическими средствами удержать от распада новую российскую на-

цию, которую до сих пор, некоторые наблюдатели цинично именуют «непонятной конгломерацией». Этот сегмент внутренней политики после принятия в 2012 году «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» приобрёл очертания теоретико-методологической завершенности. [Приложение №2]. Сегодня, мы уверенно говорим, что у России появилась возможность такого обоснования культурной политики, при которой взаимоувязаны как институционально (входят в единый блок управления), так и идеологически (опираются на единые ценности) законодательство и практики культурной политики. С выходом указа Президента РФ об утверждении «Стратегии» появилось не только единое идеологическое основание для интеграционной политики, но и связь самого управления с законодательными практиками. Следствием былой нерешенности противоречий в этой сфере было возникновение опасного и многоступенчатого прецедента, - образование законодательного пространства для создания локальных идеологических доктрин в субъектах федерации, допустимость их последующего воплощения в разнообразных социокультурных практиках и на этой основе – опасность последующего расслоения общества. В результате у нации могло исчезнуть ощущение публичного пространства как общего. Но Россия одна, и отдельные группы, общины, объединения, части ее населения не могут конструировать страну только на основе своих региональных интересов, проповедуя свою групповую или общинную идеологию, строя свои локальные культурные политики. Такая практика, насколько бы она не стремилась найти свою «жизненность» в культурном многообразии, содержит в себе государственно- деструктивную функцию, которая, не будучи ограничена общими интересами, способна разрушить государство. Усилия по противодействию этой коррозии на государственном уровне в Российской Федерации предприняты своевременно.

Как показывает опыт мировой практики культурной политики, идеологическая доктрина может представлять собой единый программный документ, но часто ее постулаты, сформулированные явно или неявно, присутствуют в различных нормативных актах государства, законах, обращениях президента (к парламенту, сенату и т. п.), а также в таких программных документах, как доктрины, стратегии, концепции т. д. В Российской Федерации, наряду с принятой два года назад Стратегией государственной национальной политики до 2025 года, действует ряд официальных документов общего характера, имеющих регулятивное значение и для культурной политики. Это - национальная доктрина образования; продовольственной безопасности; информа-

ционной безопасности; социальная; здравоохранения; экологическая; Концепция долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года; климатическая доктрина; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, а также соответствующие положения Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 года и Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года; Военная доктрина Российской Федерации; Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года.

Приняты кодексы. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) - кодекс федеральных законов Российской Федерации, регулирующих гражданско-правовые отношения, действующая редакция от 24 февраля 2010 года. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) - кодифицированный нормативный правовой акт (Федеральный закон), устанавливающий правила рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции в Российской Федерации, действующая редакция от 23 апреля 2012 г. Является основным источником гражданских процессуальных норм, однако акты конституционного и международного характера доминируют над ГПК РФ.

А также: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации; Бюджетный кодекс Российской Федерации; Водный кодекс Российской Федерации; Воздушный кодекс Российской Федерации; Градостроительный кодекс Российской Федерации; Гражданский кодекс РСФСР 1922 года; Жилищный кодекс Российской Федерации; Земельный кодекс Российской Федерации; Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации; Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации; Лесной кодекс Российской Федерации; Налоговый кодекс Российской Федерации; Семейный кодекс Российской Федерации; Таможенный кодекс Российской Федерации; Трудовой кодекс Российской Федерации; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации.

В 2004 г. впервые в Российской Федерации обсуждалась Национальная лекарственная доктрина. Тогда выяснилось, что у России еще сохранился серьезный научный потенциал в области фармацевтики. В стадии разработки находится 71 препарат, в то время как в мире разрабатывается порядка 30 препаратов в год. Между тем, «...ученые делают то, что им интересно; производители делают то, что не продается; дистрибьюторы рекламируют то, что продается, а не то, что нужно

потребителю». Вместе с тем, что касается антибиотиков, мы в большой степени зависим от Китая. Согласно данным ВОЗ, до 40% лекарств у нас не имеют подтвержденной клинической эффективности. При этом доля отечественных препаратов на рынке составляет 25%, из российских субстанций производится лишь 10%. Россия по поставкам фармацевтических субстанций и, особенно, антибиотиков стала зависимой от импорта. В 2007 г. этот вопрос был поднят вновь на Всероссийской конференции. Общественность и парламентарии, обозначив нерешённую проблему («существенная импортозависимость») вновь выступили с предложением принять национальную лекарственную доктрину, в которой должны быть прописаны такие вопросы, как поощрение ориентации на продукцию отечественных производителей лекарств; в области научных исследований необходимо определить приоритетные направления, обеспечить господдержку. Считается, что необходимо закупать «под ключ» предприятия по выпуску субстанций антибиотиков, а предприятия - производители субстанций лекарств, включить в перечень стратегически важных объектов.

Общественность России выступила с проектом отдельной доктрины Ядерной безопасности Российской Федерации. Предложен проект Авиационной доктрины России. В отсутствие Финансовой доктрины Российской Федерации, финансовая безопасность государства обеспечивается на основе официально принятых в стране нормативных актов, основными из которых являются: Конституция Российской Федерации, Закон Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1, Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 10 января 2000 года.

Угрозы финансовой безопасности России, т.е. факторы, препятствующие или создающие опасность реализации национальных финансово-экономических интересов, подразделяются специалистами на внутренние и внешние. Внутренние угрозы зарождаются, в основном, неадекватной финансово-экономической политикой, элементарными просчетами органов власти и управления, ошибками, злоупотреблениями и иными отклонениями (бесхозяйственность, волокита, разнообразные экономические преступления и т.д.) в управлении финансовой системой государства. К внешним угрозам финансовой безопасности относят интернационализацию мирового финансово-экономического взаимодействия. Она влияет на изменение содержания финансовых потоков, вызывает перемещение их в спекулятивный капитал, что затрудняет эквивалентный обмен.

Есть своя доктрина у Русской православной церкви: «Основы социальной концепции Русской православной церкви».

Согласно исследованиям отечественных учёных [353; 354; 355], в отечественном обществоведении либеральная концепция многокультурности и политика признания культурного разнообразия, культурной свободы пока оцениваются неоднозначно, - имеют силу прежние, советские традиции. В СССР проводилась «национальная политика расцвета и сближения социалистических наций», «интернационализма и дружбы народов». В 1970-е гг. она дополнилась концептом единого советского народа – общности, которая была реальностью как форма идентичности на основе общей истории, культуры и идеологической индоктринации населения страны. Но в современной российской общественно-политической практике уже широко используется категория «культурная сложность», «культурное разнообразие», «многонациональность», «мультикультурализм», «полиэтничность» и т.д. В лексику радикально настроенных политиков и даже исследователей перекочевали некоторые принятые на Западе исследовательские обозначения: «несовместимость культур», «конфликт цивилизаций», «мозаика культур», «культурные дистанции» и т.д. В науке и политической практике постепенно появляются доктрины «единства в многообразии», «многокультурности», «права на различия и идентичность» и т.д. Всё более популярными становятся концепты «коллективных прав» и так называемой «консониальной демократии» («демократии согласия»), которые отходят от формального личностного равноправия в пользу членов групп меньшинства с пониженным положением из-за дискриминации и других прошлых и настоящих несправедливостей [7; 11; 128; 266; 355].

По наблюдениям немецкого исследователя К. Цюрхера, ни в одном из дискурсов мультикультурализма, ставшего популярным на Западе, не предусмотрено ни содержательного контакта между разными цивилизациями, ни обмена между ними, ни наличия общих институтов. [499; 500]. Это вызывает вопрос, что же произошло с заявленной прежде программой мультикультурализма, а также с проектом постмодернистского плюрализма. С точки зрения немецких специалистов, предпосылкой любого содержательного мультикультурализма являются «размытые пограничные зоны», служащие областями взаимодействия социальных групп. Так, в понимании К. Цюрхера, состояние симбиоза культур означает, что у культур единая среда обитания, но у них нет общих институтов, и они не ведут обмена ценностными или культурными кодами. В рамках «русского мультикультурализма» симбиоз культур понимается классически: что происходит с одной из культур,

неизбежно влияет и на другую. К. Цюрхер справедливо отметил другое, трансформацию взглядов на «сосуществование миров», на Западе, где на смену «хантингтоновскому» столкновению цивилизаций пришел «лукасовский» (симбиотический) мультикультурализм. Имеется в виду точка зрения на современную жизнь Джорджа Лукаса, режиссёра сериала о звёздных войнах, как на войну двух миров, населённых соперничающими цивилизациями - хорошими и плохими. Однако, если присмотреться внимательнее, говорит К. Цюрхер, то обнаружится, что между голливудской версией симбиотического мультикультурализма и хантингтоновской моделью столкновения цивилизаций много общего. У этих «разных цивилизаций» не обнаруживается каких-либо различий в ценностных характеристиках, описывается только то, что живут они в состоянии симбиоза. Представления о мультикультурализме с этих позиций сводятся к следующему: есть разные, но равные цивилизации, и они примордиальны; сосуществование этих различных цивилизаций объединено единой средой обитания и подверженности общим угрозам. Но они не имеют общих институтов или сводов законов; между ними крайне редко происходит какой-либо культурный обмен; им неведома такая вещь, как профессиональные *Grenzgangers* («переход границ», имеются в виду межкультурные переходы); нет «размытой» пограничной зоны, где бы осуществлялось постепенное смешение культурных характеристик (имеется в виду естественная диффузия культур); полностью отсутствует культурный синкретизм - культуры разделены четко выраженными непреодолимыми границами, т.е. мультикультурализм не практикуется. С. Хантингтон в трактовке мультикультурализма, практически, полностью разделяет представления Дж. Лукаса. Различаются они только в одном: если в мире Дж. Лукаса особые цивилизации сосуществуют, имеют общую среду обитания, не конкурируют за ограниченные ресурсы, то у С. Хантингтона цивилизации постоянно соперничают между собой. Поэтому, лукасовскую модель мультикультурализма К. Цюрхер называет *параллельным многообразием*, а модель Хантингтона *конкурентным многообразием*. [500].

Модель «наделения голосом» в конце 1970-х и начале 1980-х годов трансформировалась. Теперь задачей дня стало «выслушать аутентичное мнение» (подлинное мнение) ранее безгласных групп, которых теперь уже хотели услышать. [34; 198]. Однако, после «наделения голосом», а затем и «выслушивания ранее безгласных», выяснилось, что их голоса звучали также, как голоса доминирующих групп, которым они, предположительно, должны были бы противостоять, - не только политически (как меньшинства, требующие легитимации своих культур-

ных и социальных прав), но и в нормативном, нравственном плане (как маргинализованные группы, высказывающие, в отличие от групп доминирующих, аутентичную истину). Это результат поверхностного, эмоционального исследования вопроса, «король, - говоря несколько иначе, - оказался в неожиданном платье», ничего нового или иного в этих высказываниях не оказалось.

В практике постсоветской России этот тренд воплотился в материальных действиях, имеющих реальные результаты - обращении к советскому наследию и придании культурной политике методологического формата не - лукасовской модели мультикультурализма («параллельное развитие культур») и не «конкурентного развития культур» (модель Хантингтона), а модели «интегративного многообразия». Такая проекция вытекает из методологической позиции, рассматривающей сегодняшнюю Россию одновременно и как постсоветскую, и как постмодернистскую. Если ориентироваться на индикаторы, лежащие поверхности, то речь идёт различиях, определяемых через этничность, конфессиональную принадлежность, пол, стиль жизни. С этой точки зрения, надежды на нивелирующее воздействие модерна не оправдались. После того, как эпоха модерна окончилась, наблюдается усиление дифференциации между так называемыми «мы»-группами («являющими собой не устойчивый продукт исторически сложившихся структур, а скорее некий живой и случайный отросток»), а также обращение к факту существования коллективных прав и рост их популярности, - реальность диалектического принципа развития. Россия вынуждена учитывать ситуацию такого постмодерна, где не обнаруживаются признаков того, что культурные различия будут мгновенно и повсеместно нивелированы. Зарубежные эксперты высказывают сомнение в том, что у постсоветской России хватит ресурсов, чтобы «установить централизованный, институционализованный дискурс и централизованные, наделенные законным статусом институты управления». И как наилучшее решение для России предлагается «культурный синкретизм», понимаемый как интегративное многообразие, позволяющее сохранять культурные различия, обеспечить общие институты культурной политики, открытые «пограничные» межкультурные зоны для межкультурных переходов. Даже поверхностный анализ показывает, что это предложение не является инновационным для России, оно характеризует практику советской государственной внутренней политики, пропагандировавшую мирное сосуществование элементов различных культур в советской культуре, - это привычный для России формат. [449; 453; 497].

Достоинно внимания замечание немецких экспертов о сходстве ме-

тодологических позиций, с которых рассматриваются проблемы межкультурного взаимодействия, почти всеми авторами - они исследуют конфликт уже в фазе «горения», и фактически нет работ, где бы исследовались этапы предконфликтной стабильности, в которой возможно принятие конструктивных решений. Например, в бывших автономных республиках Северного Кавказа, по замечанию К. Цюрхера, при значительном структурном сходстве региональных проблем и спектра конфликтных условий (или «permissive conditions»), в ряде субъектов они не перерастают автоматически в острые конфликты. Соответственно, ключевой вопрос заключается в том, чтобы определить, какие факторы и субъекты действуют в ситуации устойчивого равновесия в межгрупповых отношениях, какие условия способствуют проведению эффективной культурной политики. [500].

Общепринятым и одновременно наиболее конфликтогенным индикатором индивидуальных различий по-прежнему считается этническая принадлежность. Она является устойчивой характеристикой личности, поскольку сложно сменить образующие этничность признаки: эмоции, чувство привязанности, язык, нарицательное имя, миф об общем происхождении, привязанность к определенной территории, религиозную отнесенность, общую систему ценностей, известную групповую солидарность. [59; 105; 143; 216; 235; 257; 265; 295; 319; 354; 368; 371]. На основе некоторых из этих признаков осуществляется атрибуция индивидов, легитимация этнических групп в мировом сообществе. Некоторые авторы не считают этнические группы реальными онтологическими данностями, и видят в них лишь «мы»-группы («случайный отросток»). Например, у населения северокавказских республик отмечается одно общее психологическое свойство: во всех этнических группах (почему-то за исключением чеченцев и лакцев) большинство рассматривало себя в качестве представителей одновременно и России, и своих титульных республик. Это явный показатель того, что этнические сообщества Северного Кавказа все еще имеют различные, но взаимосовместимые рамки идентификации и лояльности. Если бы преобладал этнонационализм, лояльность этнических сообществ сосредоточилась бы на своих группах, а двойственная идентичность и двойственная лояльность исчезли бы, поскольку этнонационализм неизбежно связан с замкнутостью в своем кругу и отторжением иных. Следовательно, необходимым условием становления ненасильственного равновесия является наличие институтов, способных обеспечить интегративное равновесие. Таковыми на местном уровне признаются такие неформальные институты, как мусульманское духовенство, сове-

ты старейшин, элита, авторитетные лидеры кланов, которые не всегда относятся к ревностным «реформаторам». [500].

Отечественными исследователями отмечается необходимость сопряжения политики мультикультурализма с политикой формирования общегражданской идентичности. [1; 2; 7; 17; 109; 119]. На Московских международных конференциях по обсуждению проблем мультикультурализма, проведённых институтом этнологии РАН (1999, 2009), обсуждались возможные риски применения политики мультикультурализма в виде ужесточения межгрупповых границ и «дискриминации наоборот», т.е. ущемления прав большинства и его ответной реакции в форме ксенофобии и шовинизма. Российский философ В.С. Малахов отмечает, что «сегодня актуален не вопрос о том, допустимо или недопустимо проявление культурных различий в публичной сфере, а вопрос о том, как организовать демократическое общежитие в условиях плюрализации социального пространства». [234; 235]. Академик В.А.Тишков также считает, что «сегодня речь идёт о том, как улучшить управление в современных государствах, а не как переиграть прошлое или похоронить демократию». По вопросу развития человеческих сообществ он высказался однозначно: «Культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, т.е. культурную смерть человечества». В.А. Тишков поддерживает подход Европейской языковой хартии, которая ставит своей целью защиту именно языков, а не стоящих за ними в обязательном порядке носителей, определяемых обычно по названию языка как «самостоятельные народы» или «нации». Хартия не использует понятие родного языка как индикатор и не привязывает жёстко язык к этнической принадлежности. Хартия ориентирует законодательство и политиков на решение проблем недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. Объясняется эта позиция тем, что «во-первых, произошло значительное размывание и перемешивание языковых ареалов; во-вторых, повсеместно усложняется языковой репертуар современного человека и распространение многоязычия среди населения многих стран; в-третьих, обнаруживается тенденция к ревитализации языков после десятилетий умирания или забвения. Нивелировка языкового разнообразия происходит и как одно из следствий глобализации. А для России ситуация эта ситуация и вовсе не является чем-то новым по причине широкого распространения практики смешанных браков, совместных поселений и высокого уровня образования среди населения. И, тем не менее, даже для России непривычны декларации Хартии, т.к. она остаётся «преемницей многонационального СССР», в котором главенствовало представление о том,

что объектом государственно-правового регулирования должны быть этнические сообщества - носители языка. Но следует признать, что скорость протекания рефлексии над новыми социокультурными явлениями в современности значительно ускорилась, меняются и представления о возможности совмещения различных стратегий культурной политики, в том числе и мультикультурализме как теоретико-методологическом основании этой политики.

Проанализируем наиболее часто встречающиеся трактовки понятия «мультикультурализм». Это поможет приблизиться к формулированию конвенционального его определения.

Мы придерживаемся представления о том, что глобализация мира и сопряжённая с ней мультикультуральность обществ это не что-то внедряемое или насаждаемое кем-то, это продукт естественного развития человечества и цивилизации, это культурное явление. Мультикультуральность общества, характеризует структуру общества (как определения «засушливость климата», «засушливость почвы» характеризуют некоторые явления природы). Мультикультуральность служит лингвистической основой для образования множества определений, понятий, терминов, теорий, в том числе и - «мультикультурализма». Россия исконно многоконфессиональна, многокультурна. То, что стало откровением для Запада - совместная жизнь разных народов, как сегодня принято говорить, «толерантное сосуществование разных культур», «мультикультурализм», для нас - историческая данность («многонациональность», «многокультурье»). Народ каждый, он - есть, исторически появился со своим языком, культурой и никому конкретно этим не обязан, есть и всё.

Части современных исследователей ближе определение мультикультурализма, как «...модели культуры, которой свойственны общие эстетические и философские установки постмодернизма» [243], другим - «как либеральной методологии» [185]. Третья группа, считающая мультикультурализм политикой, имеет больше всего сторонников.

При внимательном исследовании становится очевидным, что термин «мультикультурализм» и сам мультиплекс, это и многокультурная реальность, и дискурс по поводу этой реальности, и обозначение сущности явления (не обязательно именно словом «мультикультурализм» обозначаемого), это и доктрина программного содержания, и философская теория человека и мира, и видение человеческой жизни в искусстве, политике, науке, и разновидность практик культурной политики, и обыкновенная характеристика предмета, параметра, явления, феномена. Во многих сферах жизни определение «мультикультурный»

используется в утилитарных целях, а не как аналитический термин, не вызывая при этом политических, культурологических реминисценций и каких-либо эмоций.

Так, в финансовой сфере мультикультурализм эксплицируется в понятии «банковский мультипликатор» (лат. *multiplicator* - умножающий, увеличивающий), который иногда обвиняют в инфляции, так как он служит механизмом, увеличивающим многократно количество денег. По пояснениям специалистов, банковский мультипликатор не может быть причиной инфляции, так как благодаря ему увеличивается количество денег не в обращении, а только на счетах. В сфере компьютерных технологий типичным примером является программное обеспечение, предназначенное для работы на нескольких операционных системах одновременно. Например, четыре операционные системы с открытым исходным кодом (NetBSD, Linux, FreeBSD, AROS) могут работать на нескольких различных платформах, чаще всего это x86, m68k, PowerPC, Alpha, AMD64, SPARC. Операционная система NetBSD является самой переносимой (мультиплетной), она портирована на большинство существующих платформ. Такое программное обеспечение, работающее более чем на одной аппаратной платформе и/или операционной системе, называется кроссплатформенным (или межплатформенным) программным обеспечением. В этом же дискурсе употребляется понятие мультиплексор- устройство в системе передачи данных, обеспечивающее независимый обмен информацией одновременно по нескольким каналам связи между ЭВМ и различными абонентскими пунктами. В информационных технологиях и связи мультиплексирование (*multiplexing, muxing*-англ.) – коротко «мукс», означает уплотнение канала, т.е. передача нескольких потоков данных с меньшей скоростью (пропускной способностью) по одному каналу. Примером может служить видеофайл, в котором поток (канал) видео объединяется с одним или несколькими каналами аудио. В телекоммуникациях мультиплексирование подразумевает передачу данных по нескольким логическим каналам связи в одном физическом канале. Мультиэдитный значит, предназначенный для создания или пользования мультимедийными книжными изданиями на лазерных дисках. Мультипликатор, мультипроцессор, мультисистемный, мультивитамины, мультидискплеер, мультилатеральный, мультимиллионер, мультиварка, мультиэкран и

Под физическим каналом подразумевается реальный канал со своей пропускной способностью - медный или оптический кабель, радиоканал. В химии существуют мультиваленты- объединения более чем двух конъюгировавших хромосом, изредка образующиеся при созре-

вании половых клеток. Мультиплетность, также в химии, - это число возможных ориентаций в пространстве полного спина атома или молекулы; мультиплексный анализ (multiplex assay) позволяет одновременно детектировать сразу несколько растворимых аналитов в одном образце небольшого объёма. Характеризуя изобретение, относимое к электровакуумным СВЧ-приборам, говорят мультипольный, т.е. позволяющий создавать высокоэффективное умножение сверхвысоких частот. Мультиэдитный значит, предназначенный для создания или пользования мультимедийными книжными изданиями на лазерных дисках. Мультипликатор, мультипроцессор, мультисистемный, мультивитамины, мультидискплеер, мультилатеральный, мультимиллионер, мультиварка, мультиэкран и т.д., таких определений существует множество.

В представленной констелляции определений мультикультурализма, психологически артикулирована позиция автора, согласно которой мультикультурализм не новое явление, он возник вместе с основными социальными, культурными институтами древности; это характеристика общества, представленного многообразием культур, и политико-культурологический принцип, заключающийся в том, что люди разной религии, этничности и рас должны жить рядом, сохраняя при этом культурную самоидентичность. Генезис культуры изначально связан с развитием религии. Мультикультурализм это фундированный онтологией исторического процесса социокультурный феномен, более поздние религиозные истоки которого восходят к экуменизму. Данное утверждение верифицирует опыт многовековой практики рассогласования позиций внутри христианской религии, а также православной религии и экуменизма. Современный этап глобализации мира не внёс существенных изменений в эту религиозную диспозицию. Мультикультурализм, как теоретико-методологическое основание культурной политики, и сегодня не решает проблем межконфессионального и внутриконфессионального противостояния.

Итак, наиболее часто встречающиеся авторские и иные, наиболее широко распространённые определения мультикультурализма как социокультуральной реальности, культурологического, политического концепта и др.

В. В. Наумкин, директор Института востоковедения РАН. Мультикультурализм - не панацея и не императивное руководство к действию. Но в ближайшей перспективе это одно из эффективных средств предотвращения потенциальных конфликтов на этнической и религиозной почве и полезное орудие модернизации России. У российских политологов в последнее время вошла в моду несколько пренебрежительная кри-

тика Запада за неспособность в рамках известных парадигм, в том числе мультикультурализма, решить проблему адаптации иммигрантов, а также улучшить взаимоотношения с исламским миром. Но и Россия лишилась иммунитета от болезней, поражающих во всем мире сферу межнациональных и межконфессиональных отношений, растеряв позитивную часть советского наследия. Одна из наиболее успешных моделей внедрена в Канаде, первой стране западного мира, признавшей в 1971 году мультикультурализм в качестве официальной политики (раньше такой курс зафиксировала Конституция Индии, принятая в 1950 году). В самом общем виде мультикультурализм сводится к признанию правомерности и ценности культурного плюрализма и по этой причине предполагается, что все современные государства обязаны предоставлять своим культурным, этническим и религиозным группам равный социальный статус. Непохоженность и отличие рассматриваются не как второсортное и чужое, они оцениваются просто как «иное»; в этой ситуации меньшинства становятся объектом особого внимания. Но мультикультурализм - это также и средство, которое способно смягчить негативные (прежде всего для традиционных культур, этнических и конфессиональных групп) последствия глобализации. Одно из них - миграционные перемещения, изменяющие в короткие сроки исторический, социальный и этнокультурный облик населения государств. Термин «мультикультурализм» часто используется для описания демографических условий культурного и этнического разнообразия (там, где оно имеется) вне зависимости от того, поддерживается ли такое разнообразие официальной политикой государства или нет. В целом, мультикультурализм - это теория, практика и политика неконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп. Она утверждает уважение к различиям, но при этом не отказывается от поиска универсальности. То есть взаимодействие культур происходит через координацию, а не субординацию.

Для России, переживающей все еще транзитный период развития, понятия, которыми мы пользуемся при обсуждении проблем мультикультурализма и религиозного плюрализма, являются во многом новыми. У России пока еще нет долголетнего исторического опыта, который накоплен в этой сфере западным миром. В Российской империи традиционно доминировала поддерживаемая государством Русская православная церковь, но соответствующие указы Екатерины II и Николая II способствовали развитию веротерпимости. В религиозной сфере довольно значительные доктринальные и ритуальные различия, а также заложенная в некоторых доктринах или традициях нетерпимость к инакомыслию иногда практически перечеркивают возможность меж-

конфессионального диалога. диалог (христианство, ислам) затруднен из-за притока все новых носителей нетерпимости, экстремизма и ксенофобии. Возникающие проблемы, как правило, не находят решения в рамках существующей еще с советских времен парадигмы. До определенной степени они могут сниматься в ходе межконфессионального и межэтнического диалога, но для него необходима единая внеконфессиональная платформа, приемлемая для всех участников.

Тема мультикультурализма как возможного варианта решения этнонациональных и религиозных проблем современной России все чаще звучит в выступлениях и исследованиях отечественных социологов, политологов и культурологов. Но противники практики мультикультурализма, рассматривают его как чужеродное явление и разрушительную идею, грозящую расколоть единое культурное пространство страны на мозаичные, не связанные друг с другом фрагменты. Еще одним аргументом против распространения теории и практики мультикультурализма является констатация того факта, что положение с межнациональными и межконфессиональными отношениями в Российской Федерации вовсе не является удручающим, а значит, не требует срочной смены стратегии развития. Мультикультуризм, по мнению отдельных аналитиков, предлагается использовать в России и для формирования единого евразийского пространства, на котором воздвигнется геополитическая общность, противостоящая как «атлантизму», так и «европеизму». Это государство будет базироваться на многообразии этнических сообществ, а инициативу создания новой модели общества должны взять на себя русские.

Мультикультурная форма существования полиэтнического общества в нашей стране, по мнению ее сторонников, является объективной необходимостью также в связи с таким относительно новым вызовом, как рост потоков иммиграции. В России издавна проживают представители разных этнических и конфессиональных групп, которые пользуются одинаковыми гражданскими правами и свободами, в том числе правом сохранять и развивать собственную культуру, исповедовать религию или оставаться вне религии (атеисты и агностики). По действующей Конституции, Россия строится как светская федерация, все субъекты которой равноправны и существуют в рамках единого правового пространства. Созданы и государственные институты, специально занимающиеся проблемами межэтнических и межконфессиональных отношений (соответствующие парламентские комитеты, подразделения Общественной палаты, органы при президенте и правительстве). Среди форм взаимодействия, которые на протяжении последнего десяти-

летия складывались между государственными органами федерального уровня и религиозными структурами, есть и такая, как соглашения (например, Министерства культуры с рядом мусульманских, буддистских, иудаистских организаций). Опыт подписания соглашений существует и на уровне федеральных округов. Такой базис межнациональных отношений является наследием Советского Союза, где права этнических меньшинств признавались и защищались, а многонациональность поддерживалась и в социально-экономическом, и в культурном плане. Последствием такой политики, в частности, стало формирование местных этнических элит, которые, стремясь к неограниченной власти, реально способствовали развалу Советского Союза. В 1990-е годы призывы к «заглатыванию суверенитета» большими порциями также были восприняты этими общественными кругами с энтузиазмом, грозившим разделить на этнические «квартиры» пространство самой России.

Российская Конституция фактически закрепляет основную идеологию мультикультурализма, поскольку, следуя общедемократическим установкам, запрещает пропаганду расового, национального и языкового превосходства, с одной стороны, а с другой - предусматривает для меньшинств особые права, носящие характер преференции (например, для малочисленных народов Севера). Таким образом, реализуются основные постулаты мультикультурализма - защита государством (в определенной степени) отдельных групп, культурно отличных от основной массы населения. В известной мере целям мультикультурализма отвечает и принятый в 1996 году Закон «О национально-культурной автономии», который предусматривает сохранение самобытности, языка, культуры на уровне федерации и регионов. К 2002 году учреждены 14 национально-культурных автономий федерального уровня. В 1998 году была создана Ассамблея народов России, региональная деятельность которой вполне соответствовала практике мультикультурализма. Актуальной задачей для Российского государства становится поиск новых форм отношений с прибывающим, ориентации принимающего населения на толерантное взаимодействие с мигрантами.

Мультикультурализм это идеология и политика, которые в значительной степени опираются на либеральные концепции «культурного разнообразия», проповедующие этнические, расовые и субкультурные предпочтения в экономической, политической и культурной сферах общественной жизни. Их цель – искоренение дискриминации и достижение равенства различного рода меньшинств с национальным большинством. В этом теоретическом подходе, присутствует мотив активного противодействия целенаправленной активности по искоренению

различий и неравенства абсолютно во всех сферах жизни: в экономике, политике, культуре, общественной жизни.

Чтобы только воспринять внешнюю информацию, человеческий организм проводит огромную и тончайшую работу, часть которой продельвают рецепторы. В зависимости от характера энергии *адекватного раздражителя* различают **механо-, термо-, фото-, хемо- и электрорецепторы**. Наиболее обширная группа - это рецепторы, регистрирующие механические раздражения: механорецепторы кожи, воспринимающие легкое прикосновение и давление; рецепторы кортиева органа, воспринимающие звуковые раздражения; рецепторы вестибулярного аппарата, реагирующие на ускорение и замедление вращательного и прямолинейного движения нашего тела, механорецепторы сосудов и внутренних органов. Мультикультуризм, можно сказать, является таким своеобразным нематериальным рецептором/проводником, воспринимающим информацию о событиях, новациях в культурах, хранилищем и ретранслятором достижений далее во множество культур, тем самым, сохраняя непрерывную цепочку преемственности культурных феноменов, культурную ткань цивилизации. Иначе прервётся связь времён. Как отметил академик В.А. Тишков: «Культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, т.е. культурную смерть человечества».

Этнопсихолог Н.М. Лебедева мультикультуризм характеризует как единственную идеологию и политику доминирующего общества, предполагающую «позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп и добровольную адаптацию социальных институтов общества к потребностям разных культурных групп». Взаимное приспособление, взаимная толерантность, являющиеся определяющими социально-психологическими чертами мультикультуризма, позволяют членам полиэтнических сообществ понять и принять выгоды культурного многообразия, которые заключаются в восприятии его как одной из красок жизни; в способствовании здоровой конкуренции; в повышении способности общества к адаптации.

В английских словарях мультикультуризм определяется как «сосуществование ряда различных культур внутри какой-либо группы общества» и как определенная «политическая система или государственная политика, нацеленная на гарантированное равное признание различных культур и не допускающая дискриминации по признаку принадлежности к особой группе этнических / культурных меньшинств».

В. А. Куренной. Авторы концепции мультикультуральности понимали культуру как фольклор плюс некие сугубо внешние формы проявления - одежда, кухня, бытовые пристрастия. Я предлагаю не-

много пофантазировать и представить себе общество полностью победившего мультикультурализма. Его главной структурной единицей будет не индивид, а некая культурная община. Но современная система взглядов отчаянно лицемерна: под вывеской культурной общины стыдливо маскируется община либо этническая, либо религиозная. При этом та и другая должны были бы обладать полной автономией по отношению к своим членам. А это означало бы отсутствие единого юридического пространства: в каждой общине действовали бы свои законы, не говоря уж о неписаных нормах и обычаях. Нельзя сказать, что эта модель - абсолютная дикость. Примерно так обстоит дело в Нигерии: в северных, мусульманских штатах действует система права, основанная на шариате, а на христианском юге - оставшаяся от британского колониального наследия. В свое время и в США полиция не заходила в чайнатауны, целые поколения живших там людей не знали английского, и юридическая сфера регулировалась по своим законам и понятиям. Но в современной Западной Европе законы шариата действуют лишь на страницах антиутопических романов, а, следовательно, пока Запад не стал еще подлинно мультикультуральным.

Е. В. Хлыщёва. Мультикультурализм – модель, навязанная обществу извне, продукт искусственного построения, политических решений, некий конструкт, который общество целенаправленно примеряет на себя. Здесь доминирует внешний – субъективный фактор. Такая трактовка в определенном смысле исходит из европейского понимания, где мультикультурализм (как и политика ассимиляции) представляется в качестве конкретного политического подхода, в то время как термины «культурное многообразие» и «многокультурность» обозначают эмпирический факт существования разных культур и их взаимодействия в рамках определенного пространства и социальной организации. Само понятие «мультикультурализм» трудно поддается точному определению, его используют как теоретический конструкт, как историческое явление, как политическую доктрину, уже существующую в некоторых странах, как идеологический подход. Философское понимание мультикультурализма акцентирует внимание на сохранении и росте культурного плюрализма, а в рамках политической науки мультикультурализм – это, прежде всего, идеология, провозглашающая примат культурного разнообразия над этнокультурной гомогенностью. В отечественной науке, в отличие от западной, проводится различие между понятиями «мультикультурализм» и «поликультурность»: первое указывает на то, что национальное общество, прежде относительно гомогенное, претерпело качественные изменения, в результате иммиграции в его струк-

туре возникли новые этнические меньшинства. Для регулирования общественных отношений, защиты и разделения ценностей мигрантов была предложена мультикультурная модель. Поликультурность же является своеобразным маркером исторической этнической мозаичности социальной среды или общества, которая складывалась веками и прошла проверку временем. А вот термины «мультикультурализм» и «мультикультурность», как правило, отождествляются. При отсутствии объективных стандартов, по которым можно судить о развитии культур и цивилизаций, мультикультурализм базируется на культурном и историческом понимании общества, где каждая культура имеет свою целостность, право на свою точку зрения, свой путь развития; где суверенны меньшинства, а не личности; любое меньшинство может претендовать на суверенитет в рамках нации, так как существует механизм политкорректности. Вследствие этих причин существует опасность, что мультикультурализм и его экспликации в лингвокультуре могут содействовать культурному релятивизму и даже изоляционизму.

Позиция Т.Н. Суконкиной (Мордовия). Доктрина мультикультурализма появилась после двух мировых войн. Бывшие ранее гомогенными государства стали неоднородными по национальным, культурным, социальным характеристикам. Возник кризис прежних национальных доктрин; потребовались новые способы решения проблемы мирного сосуществования различных национальных, культурных, социальных общностей в рамках одного государства. Одним из способов решения явилась концепция мультикультурализма, разработанная и внедрённая в Канаде и Австралии в 70-80-е гг. XX в. Она формировалась одновременно как социально-философская теория и практика расширения права этнических меньшинств на признание. Философским фундаментом мультикультуралистских идей послужила теория диалога культур. Теория мультикультурализма прошла в своём развитии три стадии: дискуссии 1970-х гг. о приоритете индивидуальной свободы; дискуссии 1980-х гг. о правах на «внутренние ограничения» и «внешнюю защиту»; дискуссии начала 1990-х гг. по поводу «этнокультурной нейтральности» демократических государств». Мультикультурализму должна быть положена преграда – в практике принятия чужих культур существует реальная опасность релятивизма и «размывания» национальной идентичности. Толерантности должны быть поставлены жёсткие пределы.

Мультикультурализм это - характерная для многих развитых стран внутренняя политика, направленная на предотвращение ассимиляции иммигрантов из стран «третьего мира», а также обосновываю-

щая такую политику идеология. Согласно установкам этой доктрины иммигранты имеют право и должны сохранять свою культуру и самобытность. В рамках политики мультикультурализма правительством при поддержке СМИ предпринимаются шаги, направленные на сохранение национального самосознания иммигрантов, их языковой, культурной, религиозной обособленности от коренного населения. Обязательным атрибутом политики мультикультурализма является агрессивная пропаганда толерантности и тензофобии». В сочетании с массовой иммиграцией, которой обычно сопровождается политика мультикультурализма, конечным итогом является образование в государстве больших этнических групп, не осознающих себя частью нации, и являющихся конкурентными по отношению к нации. Появилась эта доктрина в послевоенные десятилетия на волне отвращения к нацизму и колониализму в европейском общественном мнении, которая должна была снять комплекс у европейцев в отношении «иностранцев».

Мультикультурализм это идеология, которая исходит из не имеющего достаточных оснований и не подтверждаемого практикой, утопического по сути, предположения о возможности бесконфликтного сосуществования совершенно разных по своему характеру культур. Пропаганда мультикультурализма, за отсутствием рациональных доводов, старается воздействовать на эмоциональную сферу целевой аудитории, делая акцент на «культурном многообразии», призванном разнообразить недостаточно яркую и однообразную культуру коренного населения». В настоящее время политика мультикультурализма является составной частью антинациональной политики, проводимой правительством РФ, а также правительствами государств Европы и Северной Америки.

По мнению Л. В. Полякова (Высшая школа экономики), термин «мультикультурализм» недостаточно удачен для обрисовки ситуации, которая сложилась в России. «Этот термин все-таки описывает ситуацию в Западной Европе и в США, где существовала реальная проблема интеграции репрессированных меньшинств». «Мультикультурализм пришел туда как способ восстановления в этих меньшинствах человеческого достоинства через воспитание национального достоинства. То есть, мультикультурализм означает, что в противовес некой доминирующей культуре создается множество маленьких культур для того, чтобы достичь в государстве некой финальной социальной справедливости». «С этой точки зрения, если говорить о мультикультурализме в России, следует принять тезис о том, что русские изначально были господствующей культурой, которая доминировала и подавляла все остальные. И теперь нам предстоит решить ту задачу, которую в свое время решали

американцы и европейцы». Только нужно искать какие-то свои варианты для обозначения этой культурной политики, к примеру, использовать термин «интеркультурализм» вместо «мультикультурализм».

Мультикультурализм – это комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре, что ставит под сомнение существование национальной идентичности.

Мультикультурализм это феномен этнокультурной фрагментации социума, т.е. «многокультурность», в конечном счёте, направлена против культуры, как общенационального явления.

Мультикультурализм представляет собой опыт и технологию реализации структурно-организационной деятельности государства, которая направлена не на констатацию различий, а на интеграцию и внутреннюю стабильность поликультурных и полиэтничных обществ, на поиск того, что может объединять.

Реализуемая в большинстве стран теория мультикультурализма, по мнению Ф. Фукуямы, показала свою несостоятельность в Голландии и до некоторой степени в Великобритании, так как она культивирует разобщённость, порождает сопротивление и насилие. Под словом «мультикультурализм» скрывается нежелание инкорпорировать представителей меньшинств в жизнь большинства: пусть у вас будут свои школы, своя религия, своё сообщество, и мы оставим вас в покое, если вы оставите в покое нас.

Термин «мультикультурализм» не представляет какую-то одну доктрину, политическую стратегию или уже совершенное состояние дел. Напротив, он схватывает множество политических стратегий и процессов, повсюду еще незавершенных. Сколько различных мультикультурных обществ можно найти в мире – столько же и разных «мультикультурализмов» соответствуют им. Еще одной причиной множественности типологий мультикультурализма являются разные ценностные основания или исследовательские интересы тех, кто осуществляет типологизацию. Поэтому исчерпывающая и «единственно правильная» типология мультикультурализма не только отсутствует до сих пор, но и вообще невозможна. Правда, это не исключает построения различных рабочих типологий, релевантных определенному множеству мультикультурных политик и конкретной исследовательской цели. (А. Бандурка. Украина).

Учёные Принстонского университета, представленного исследованиями Ч. Тейлора и А. Янг, проблематику налаживания межгрупповых взаимоотношений из противостояния групп переводят в плоскость реализации культурной политики. На смену «гомогенизирующим по-

литикам», проводившимся национальным государством, и сталкивавшим группы, предлагаются «политики признания», обеспечиваемые мультикультурным государством, априори не предусматривающие противостояния и противопоставленности». А. Янг делает акцент на необходимости «политик различия» в противовес традиционным для наций-государств «политикам идентичности». Данные авторы делают вывод, что индивиды не могут быть «отмыслены» от той *community*, в которой родились и социализировались. Поэтому вместо бесплодных попыток удержать политическое пространство в чистоте от культурных привнесений (от мультикультурности), предлагают заняться продумыванием условий сосуществования разных идентичностей под одной политической крышей.

Мультикультурализм - идеология культурного плюрализма, которая неприемлема в российском обществе. Мультикультурализм скоро не понадобится, т.к. это завершающий цикл индустриальной модернизации. Новая постиндустриальная экономика высоких технологий и стимулируемая ею социально-политическая модернизация создадут условия для отмирания традиционных культур». (Паин Э.А.).

В поле зрения исследователей мультикультурализма в последнее время часто оказывается мнение лауреата Нобелевской премии по экономике Амартии Кумара Сены (Англия). Это единственный из экспертов, кто, по нашему мнению, употребляет термин «индивидуальный мультикультурализм». По его мнению, основой перспективной модели практики культурной политики должна стать модель «индивидуальной свободы и культурного выбора». «Культурная свобода — это предоставление индивидам права жить и существовать в соответствии с собственным выбором, имея реальную возможность оценить другие варианты». Он считает, что групповые формы идентификации постепенно ослабевают и общества ориентируются на индивидуальный выбор. А. К. Сена считает, что этнические, религиозные и другие групповые культурные традиции по большей части не добровольны, они аскриптивны, поэтому, основной целью политики поощрения культурной свободы является ослабление этой предопределенности, развитие индивидуального мультикультурализма.

Либеральная критика мультикультурализма утверждает, что мультикультурализм проводит политику обеспечения государственной поддержки не столько культурам, сколько общинам и группам, которые необоснованно берут на себя миссию представительства интересов всего этноса или социокультурной группы. При государственной поддержке общин мультикультурализм стимулирует коммунитарную идентичность, подавляя индивидуальную. Такая политика закрепляет

власть общины над индивидом, лишенным возможности выбора, тем самым способствуя его закреплению. То есть, речь идёт о неверно выбранной государственными деятелями стратегии. (Орешкин Д.Б.).

Представления, в которых явственно выражена эссенциалистская точка зрения, являются допущением, что сама по себе этническая принадлежность означает принадлежность некоторой определённой культуре. Этническая идентичность мыслится не как результат (само)идентификации индивидов, а как атрибут их онтологического свойства, поэтому нет необходимости рассуждать о мультикультурализме. Маркеры различия понимаются как их источник, и такое отождествление считается характерной чертой мультикультурализма. Авторы данной трактовки (их много) не допускают мысли, что этнически различные индивиды могут принадлежать одной культуре.

Либертарианцы-анархисты трактуют мультикультурализм как полный запрет вмешательства государства в дела общин. Следование призыву анархистов привело бы к тем же негативным последствиям: человек передается в рабство общине, без возможности обращения к государству за защитой; консервированию традиционно-общинных отношений; опасность реализации притязаний молодёжи на самоутверждение через обоснование своей принадлежности к той или иной общине, т.е. через добровольную сегрегацию.

В ряду обвинений мультикультурализма имеется и такое: «тенденции политкорректности и мультикультурализма уравнивают нормы цивилизации и дикость, как равноправные проявления национальной специфики». Но следует помнить, что человеческие общества выработали культурные институты, которые корректируют подобные искажения: от общественного порицания, до юридических норм.

Свое понимание мультикультурализма у междисциплинарной области исследований (англо-американской) под названием «Cultural Studies» («культурные исследования»): мультикультурализм - это теория, связанная с английской интеллектуальной традицией и подчиненная вопросам национальной, расовой, этнической и культурной идентичности. Она основывается на представлении о том, что современный мир - это тотальная множественность: классовая, расовая, этническая, культурная. Это направление вовлекло в свою орбиту множество ранее не изучавшихся, маргинальных объектов и феноменов, например, различные музыкальные течения, телевизионные передачи, различные типы сексуального поведения и идентичности, семиотика современных торговых центров, комиксы, фильмы ужасов, реклама, урбанистическая утопия Диснейленда, «феномен Барби» и др. (А. Р. Усманова).

Мультикультурализм это политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология. Важным отличием от политического либерализма является признание прав за коллективными субъектами. Такие права могут выражаться в предоставлении возможности этническим и культурным общинам управлять обучением своих членов, выражать политическую оценку и так далее. Данное определение слишком широко толкует права «этнических» и «культурных» общин.

Мультикультурализм является одной из составляющих процесса глобализации и отражает постмодернистские тенденции современности.

Мультикультурализм возник как «политика для иммигрантов» и на уровне обыденного сознания так трактуется и поныне (широко распространённое в российском дискурсе мнение).

В рамках политической науки мультикультурализм - это идеология, провозглашающая примат культурного разнообразия над этнокультурной гомогенностью, когда идеалы нации-государства подвергаются сомнению. (Сударкина Х. В.).

Мультикультурализм это политический проект, который родился из осознания непродуктивности ассимиляторских усилий со стороны государства. Сегодня на общество смотрят не как на культурное единство, а как на совокупность равноправных этнокультурных и этноконфессиональных сообществ.

В Законе о мультикультурализме Канады (1982) записано, что «мультикультурализм нельзя рассматривать как лоббирование и защиту интересов меньшинств и этнокультурных различий». Напротив, данная политика должна вести к «нейтрализации» или деполитизации этнических различий, уменьшая потенциал угрозы стабильности и внутреннему порядку общества. В Канаде и Австралии этнические различия поощряются до того момента, пока они не противоречат интересам национального государства. В такой понимании мультикультурализм – это «не политика сохранения в «первозданной чистоте» этнических культурных групп. Мультикультурное общество – это не ансамбль фольклорных объединений, не экзотическая любовь к «чужому». Мультикультурализм – это, прежде всего, «практическая толерантность, компетентность в культурном и ином достоянии живущих рядом людей».

Концепция мультикультурализма отказывается от идеи гражданской интеграции и направлена на поощрение группового культурного разнообразия и простого соседства общин в рамках единого государства.

Мультикультурализм, стимулируя повышенный интерес к куль-

турам этнических меньшинств, абсолютизирует их специфику и устойчивость к изменениям. Это провоцирует шовинистически настроенных представителей этнического большинства на аналогичные действия. В результате культурные различия искусственно гипертрофируются обеими сторонами вплоть до того, что они объявляются непреодолимыми, и это создает почву для межкультурных конфликтов.

Концепция мультикультурализма прямо не ориентирована на политическое действие, скорее она имеет целью понимание действительности, чем ее преобразование. Но, вместе с тем, эта концепция не всегда полностью свободна от идеологии.

История мультикультурализма как социокультурной реальности, как отчетливой идеологии достаточно давняя: ей несколько тысячелетий. Историю её научного изучения необходимо начинать со знаменитой лекции французского историка Э. Ренана «Что такое нация?», прочитанной в Сорбонне в 1882 году. (В.В. Коротева).

Пытаясь удовлетворить спрос на дешевую рабочую силу, ведущие государства Западной Европы одновременно приняли такое количество культурно и этнически отличных от автохтонного населения мигрантов, интегрировать которое оказались просто неспособными. Одной из теорий, которой начали описывать такое разнообразие современного социума, стала теория мультикультурализма.

Есть мультикультурализм «государств иммигрантов» и «государств наций», имеющий следующие модели: «интеграция без ассимиляции» (модель Канады), «обратная дискриминация» (модель США), «функциональная толерантность» (модель Германии), «размен» (модель Австралии) (В.В. Никитаев).

Существует перечень типов мультикультурализмов (семь разновидностей), приведенный норвежским исследователем Т. Эриксоном со ссылкой на С. Холла и Т. Тернер: «консервативный», «либеральный», «плюралистический», «коммерческий», «корпоративный», «критический-революционный», а также «мультикультурализм различий». Эти типы относятся к двум более широким категориям: инклюзивный мультикультурализм (или «мультикультурализм включения») и неинклюзивный мультикультурализм (или «мультикультурализм исключения»). При этой градации «консервативный мультикультурализм» или «ассимиляционизм» считается скрытым проявлением «мультикультурализма – исключения». «Мультикультурализм – исключение» может существовать и в совершенно открытой форме, когда гомогенное сообщество сопротивляется включению инородцев, например, путем непредоставления гражданства мигрантам первого поколения или даже их потомкам.

Немецкий философ Ф. - О. Радтке называет четыре типа мультикультурализма, выделенных на основании получения определённых предпочтений: «социально-педагогический», «кулинарно-циничный», «хозяйственно-прагматический» и «реактивный».

Мультикультурализм – это признание культурного плюрализма и содействие ему. Мультикультурализм стремится защищать культурное разнообразие (например, языки меньшинств), одновременно сосредотачиваясь на часто неравных отношениях меньшинства к главенствующим культурам. (Большой толковый социологический словарь. 1999, с. 445).

Социологический энциклопедический словарь (2000), (издан на 4-х языках) не содержит подобного термина, но позволяет подразумевать «мультикультурализм» (очень узко) в характеристике сосуществования двух групп - «доминирующее большинство» и «миноритарии». Разъясняется, что «меньшинство» (minority) – это «менее половины какой-либо совокупности»; «социально значимая часть населения, отличающаяся по национальности, религиозным и другим признакам от доминирующего большинства»; «часть населения, которая независимо от ее численности подвергается дискриминации».

Как отмечает отечественный социолог В.К. Антонова, характеристика города Монреаля с его разнородным населением как «мульти-культурное, мульти-язычное общество», данная в газете «Montreal Times» (июнь 1959), стала широко использоваться и как обозначение социокультурного феномена «многокультурности», и как исследовательский термин, и как наименование стратегии государственной культурной политики. Использование дефисов указывает на новизну двусоставных понятий. Согласно данным организации стран европейского развития, впервые термин «мультикультурализм» уже без дефиса был употреблен в докладе Канадского правительства «Промежуточный отчет Королевской комиссии по вопросам двуязычия и бикультурализма» (1965). В нём предлагается официально признать существование различных этнических групп в границах государства, а «мультикультурализм» взять за основу политики правительства по вопросам равенства и ущемления прав, ответственности государства перед своими гражданами за выстраивание этой политики. Термин «мультикультурный подход» используется, в широком смысле, чтобы описать большое число «не-этнических» социальных групп, которые были по разным причинам исключены из основного общества. «Мультикультурный» подход видится именно в защите подобных «исключенных» групп. Речь идёт о таких социальных группах, как инвалиды, люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, женщины, атеисты (в США). Мы стал-

квиваемся здесь со своеобразным (узко локализованным) применением термина «культура»; оно соответствует определению, данному OED (Организацией Европейского Развития), где культура определяется как «привычки» или «цивилизации» групп или людей. С одной стороны, если соотносить культуру и «привычки» группы, то группы с различными стилями жизни, социальные движения и добровольные ассоциации, которые в великом множестве присутствуют в любом современном обществе, все обладают каждая своей собственной субкультурой. Если придерживаться такого определения понятия «культура», то даже наиболее этнически гомогенное государство, такое как Исландия, будет казаться не меньше, чем «мультикультурным», поскольку оно состоит из целого ряда различных групп, основанием для существования которых является класс, гендер, сексуальная ориентация, религия, моральные установки и верования, политическая идеология.

Социокультурная, этническая и иная неоднородность общества нередко порождают разного рода напряженности и конфликты, которые разрушают социальное единство общества и угрожают самому его существованию. Поэтому все общества искали пути, способы и модели максимальной однородности. **Первой** такой моделью является **ассимиляция**. Она предполагает полное или близкое к тому поглощение меньшинств доминирующей культурной и этнической общностью. **Вторая** модель основана на **интеграции**, предполагающей сохранение каждой этнокультурной общностью своей идентичности. В то же время она опирается на строгое разделение между общественно-политической (равенство между всеми членами общества как гражданами) и частной (культурные, этнические, религиозные и другие измерения, - частное дело отдельного человека). Однако, и в этом случае, как правило, проводится политика, направленная на стирание культурных, этнических и языковых различий, хотя делается это не всегда открыто. Придерживающиеся второй модели государства называются «этническими нациями». Превращение мультикультурализма в третью модель, английский философ Б. Парех считает следствием заката традиционного морального консенсуса, роста индивидуализма, существования этнических и религиозных различий, миграции и глобализации мира.

Для российских реалий мультикультурализм это особая форма интегративной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни. (А.И. Куропятник).

Мультикультурализм это разновидность социокультурного по-

ведения и соответствующая политическая стратегия. Он выступает в качестве реакции на феномен культурного многообразия и своей исходной точкой имеет принцип всеобщего равенства.

В либеральных доктринах мультикультурализма базовой ценностью считается свобода индивида и его интересы. Группа рассматривается как производная от входящих в неё индивидов, она – не субстанциональна. Любая группа существует, пока её ценности поддерживаются входящими в неё индивидами. Соответственно, культурная политика выстраивается на идее защиты индивида, его интересов, его свободы.

Коммунитаристские доктрины мультикультурализма основаны на противоположном тезисе: индивид не самостоятелен, он встроен в социальные структуры, социальные отношения. Участвуя в социокультурной деятельности, он приобретает социальный статус, занимает определённую социальную позицию и включается в систему социальных ролей. Групповые интересы определяют поведение индивида, в то время как групповые практики несводимы к деятельности отдельных индивидов. Групповые интересы не испытывают влияния личности и не могут быть изменены ею. В коммунитаристских концепциях нет примата индивидуальной свободы. Задачей коммунитаристской доктрины мультикультурализма не является защита группы, соответственно, позиция государственной культурной политики видится где-то посередине: поддержание баланса личностных и индивидуальных интересов.

Среди либеральных концепций есть очень узко понимаемая трактовка мультикультурализма: как собирательное обозначение позиции разнообразных социокультурных групп, требующих установления реального равенства прав и возможностей (У. Кимлика).

Теорию и политику либерального мультикультурализма современные французские философы Э. Балибар, П.А. Тагиефф и социолог М. Вивьорка рассматривают в контексте исследований расизма. Они считают, что в современном политическом и научном дискурсе происходит подмена расовой дискриминации дискриминацией культурной. Политические философы указывают на содержание в «политике признания» тенденции переноса внимания с проблемы социально-экономического перераспределения исключительно на проблему культурного признания. Эти авторы называют либеральный мультикультурализм политикой «культурного нео-расизма». Они полагают, что современная форма либерального мультикультурализма, проводящая политику различий, ведет не к преодолению дискриминации групп меньшинств, а наоборот, содержит опасность двойной дискриминации: как культурной, так и расовой.

Сергей Дацюк, философ. Это может показаться странным, но мультикультурализм не имеет своей истории и возник он из ниоткуда. Примерно так выглядит представление о мультикультурализме в Википедии. Однако, если вчитаться в сами статьи на разных языках, то можно многое понять. Мультикультурализм возникает в Европе как попытка в 50-е годы XX века заложить основания Единой Европы. Одним из первых мультикультурных программ-проектов было Евровидение. Однако четкое размежевание и понимание мультикультурализм приобретает во второй половине XX века, и происходит это постепенно: 1) по мере становления единого европейского политического сознания; 2) по мере понимания различия культурных политик соседних государств (наиболее показательны различия США и Канады, России и Украины, распада Чехословакии и Югославии); 3) по мере усиления процесса глобализации; 4) по мере усиления мирового кризиса идентичности. Мультикультурализм нужно понимать в двух принципиально разных содержаниях: 1) как политику; 2) как способ идентичности, то есть как психологию. Эти содержания связаны, но у них совершенно разные носители и способы изучения. Мультикультурализм как психология означает сложную идентичность, в которой переплетены различные установки мышления, образцы и нормы, которые относятся к разным культурам. Мультикультурализм как политика означает несколько взаимосвязанных между собой содержаний: 1) наличие совместно проживающих и взаимодействующих сообществ, относящихся к разным культурам; 2) наличие субъекта (чаще всего государства), которое пытается обеспечить компенсаторно-равные права этих культур; 3) признание за коллективными субъектами прав на культурное самоопределение, образование и выбор языка общения. Мультикультурализм есть среднее звено в переходе между национализмом-интернационализмом и космополитизмом. Национализм есть политика, признающая у наций право на самоопределение на территории их проживания. Интернационализм есть политика сотрудничества наций, которые остаются на территориях своего проживания. Мультикультурализм понадобился для тех ситуаций, когда разные нации и даже этнические общности, иногда даже не обладающие своими государствами, как носители разных культур, проживают по соседству – в одном государстве или в соседних государствах. Классическим для понимания мультикультурализма является различение политик США и Канады. В США культурная политика имеет название «плавильный котел», то есть постепенное сведение всех наций и культур к единству. В Канаде культурная политика является именно мультикультурной, то

есть она основана на том, что государственное или любое неправительственное давление на «ассимиляцию» отсутствует (официальные языки – английский и французский, государственного министерства образования нет по факту, а государственную образовательную политику проводят провинции и территории). С политикой мультикультурализма связана мультикультурная идентичность. Это новый тип идентичности современного глобального общества, когда на вопрос, «кто ты?» не отвечают одним словом. Моноидентичность доглобального мира сменилась полиидентичностью глобального мира. И эта полиидентичность, является, прежде всего, мультикультурной. В последние годы националистические настроения в Европе и даже в многонациональной РФ стали куда более заметными. На фоне «официального» признания Британией и Германией, что концепция мультикультурализма провалилась, широкое распространение получают крайне правые с их националистической риторикой. Так называемый «провал мультикультурализма» возник из принципиально неверно понимаемого подхода к мультикультурности. Культура не является последней инстанцией идентичности. Последней инстанцией идентичности является цивилизация. Мультикультурализм наиболее эффективен для мирного сосуществования разных культур одной и той же цивилизации, как это происходит, например, в Канаде. Для Германии, где немцы (христиане) соседствуют с турками (мусульманами) и православными жителями бывшего СССР, а христиане разделены на католиков и протестантов (лютеран), мы имеем столкновение цивилизационного характера. В Великобритании ситуация еще более пестрая – белое население соседствует с индийским, пакистанским и афро-американским – здесь смешалось еще больше разных цивилизаций. Культурный кризис, в результате которого обнаружился провал политики мультикультурализма, является следствием общецивилизационного кризиса. В этом смысле искать решение проблем культурного характера на уровне культуры нельзя, его нужно искать на цивилизационном уровне.

Настаивая на цикличности культурно-исторического процесса и критикуя современные ему линейно-поступательные схемы всемирной истории, Н.Я. Данилевский в России впервые сформулировал идею множественности культур и предложил их типологию. Можно сказать, он говорил о мультикультурализме, не употребляя данного термина. Данилевский Н.Я. считает, что «прогресс состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человека, во всех направлениях». Взамен общепринятого взгляда

на культурно-исторический процесс как на движение всех народов по одной стезе (есть лидеры и отстающие), Н.Я. Данилевский представил видение истории как жизни множества различных обществ, идущих по разным дорогам. На своем пути каждое общество обретает свой опыт, и тем самым вносит свой вклад в историю. Эту концепцию понимания культуры назвали полилинейной, затем стали называть плюралистической моделью развития культуры. О. Шпенглер - самый яркий сторонник. По теории О. Шпенглера, нет единой мировой культуры, а есть различные, независимые друг от друга культуры, каждая из которых имеет обособленную судьбу. Плюралистическая модель подчеркивала самоценность и равенство культур, полилинейность исторического развития.

Отечественный писатель, литературовед и педагог С. П. Толкачев, исследуя современный литературный процесс, в частности, британскую литературу, оперирует терминами «кросс-культурная литература» и «мультикультурная литература». Он считает, что сам термин «мультикультурализм» получил в последнее десятилетие достаточно обширное и, в то же время, обстоятельное толкование в работах многих исследователей (упомянет он только авторов, пишущих на английском языке) и в настоящее время используется в следующих значениях: 1) «мультикультурализм» как результат исторического процесса, создавший в той или иной стране уникальное, многонациональное общество (страны Карибского бассейна, «вест-индские сообщества», как их до сих пор называют по-английски); 2) как специфическая внутренняя политика тех или иных стран, которые, испытывая влияние так называемого «реактивного империализма», когда эти страны, оказавшиеся перенаселенными выходцами из бывших колоний, вынуждены изыскивать новые законы внутреннего общежития, связанные, в первую очередь, с кодексом политкорректности и стремлением совместить культурные и этические потребности огромного числа народностей (США, Великобритания, многие европейские государства); 3) как феномен внутрисемейных отношений людей, связанных брачными родственными отношениями, но принадлежащих к различным культурным традициям; 3) как полиэтничный контекст жизни той или иной страны (мы будем говорить, главным образом, о мультикультурном контексте литературных явлений). Рассматривая генезис мультикультурализма как социокультурного феномена сквозь призму западноевропейской специфики современного литературного творчества, он делает вывод, что в этом культурном тексте, действительно, мультикультурализм (условно- «писательский мультикультурализм»), возник в новое время. Причиной возникновения этого нового пласта литературы, отражаю-

шего взаимовлияние нескольких культурных традиций, С. П. Толкачев считает ряд взаимосвязанных событий: распад колониальной системы и образование постколониального пространства, последовавшее за этим заселение бывшей метрополии гражданами бывшей империи (феномен «реактивной колонизации»), формирование у населения этих стран новых характеристик самосознания («самотождественности»), появление ощущения принадлежности к новой («гибридной») нации и на этом фоне формирование «...гибридного мировидения у пишущих на английском языке писателей неанглийского происхождения». С. П. Толкачев приводит наблюдение вест-индского специалиста Брэтуэйта Эдварда Камау, который считает, что в период после получения колониями независимости, характерной особенностью («драматическим сюжетом») становится «разъятость культурного сознания» бывших покоренных народов и колонизаторов, то есть разрушение истолкования времени в духе темпоральной последовательности «прошлое-настоящее-будущее». Целям выживания послужило приспособление населения к этой новой социокультурной реальности, которое выразилось в впитывании ценностей другой культуры (креолизация), использовании смешанного по лексике и грамматике языка, появление приспособляющейся, «мимикрирующей личности». С. П. Толкачев говорит об образовании на этом фоне новых идентичностей в общественной и личной жизни, реформировании ими своей идеологии, о мультикультурности художественного мира писателей. Литература мультикультурных писателей, творящих в кросс-культурных зонах, оставляет пространство для рефлексивного дистанцирования, необходимого для осмысления новой эпохи пост-биполярного мира. Мультикультурное мировидение и соответствующий ему художественный язык, жанровая специфика произведений этих писателей становятся маркерами новых культурных традиций на пространстве доминирующей культуры. В свою очередь, это служит целям переосмысления сложных и множественных мультикультурных реалий, лежащих в основе опыта тех людей, которые не в состоянии быстро идентифицироваться через ценности доминирующей культуры, но они стремятся инкорпорироваться. Э. Брэтуэйт предпочитает использовать терминологию самих представителей этого нового слоя писателей, говоря, что они признают свою собственную «гибридность» как новую данность, и ищут пути превращения своего сообщества в культурно значимый слой английского общества. «Процесс превращения в «английское», идет параллельно с процессом рождения нового, «гибридного». Западные эксперты видят значение творчества мультикультурных авторов,

или как говорит Р. Бромли «авторов «диаспорных сообществ» в том, что из-под их пера выходят тексты, написанные «с позиции края» (экстремальной ситуации «эмоционального опыта социальной маргинальности»). Они представляют иное мировидение и мышление, и, тем самым, активируют нарративы плюрализма и революционных перемен. По мнению западной писательской общественности, чьё мнение представлено С.П. Толкачёвым в анализе современной английской литературы, становится очевидной связь колониального аспекта истории английской литературы с современностью, с постколониальной теорией и мультикультурализмом, как механизмом, синкретизирующим различные исторические, культурные и литературные аспекты многослойной жизни современного Запада, при существенном влиянии на него восточной культуры. Появляется возможность через призму мультикультурного контекста освоить новый, более диалектический взгляд на феномены, связанные с репрезентацией гетерогенной культурной идентичности.

Существуют три стратегически возможных направления национальной политики России. Первое из таких направлений - политика государственного патернализма, второе - мультикультурализм, или этнический плюрализм. Третье основывается на идеологии ассимиляции, получившее наиболее яркое воплощение в концепции «плавильного котла». Под государственным патернализмом подразумевается такой вариант национальной политики, когда с помощью государственных ресурсов осуществляется целенаправленное воздействие на развитие тех или иных народов. В политике мультикультурализма главным становится не столько стимулирование экономических или социальных аспектов развития народов, сколько создание равных условий для такой самореализации каждого, к которой он более склонен. Благодаря подобному подходу сохраняется и поддерживается этническая самобытность (непохожесть) народов, а значит – этническое многообразие страны. Унификаторская политика выражается в политике государства, направленной на размывание этнических и культурных различий между разными группами граждан. Вариантом унификаторской политики можно считать ликвидацию графы «национальность» в паспорте гражданина России. В этом же унификаторском русле лежит и вестернизация, то есть массивное (по сути беспрепятственное) внедрение в культуру, сознание и быт российских народов безнациональной (значит, бездуховной) западной масс-культуры. (А.Е. Жарников).

Существует «моралистическая форма» мультикультурализма, - теоретическое обоснование мирного сосуществования различных этнических и религиозных сообществ, каждое из которых мыслится как

носителем особой культуры. Механизмом упорядочивания этого взаимодействия выступает отрицание культурных иерархий, деления на центр и периферию, примата горизонтальных связей над вертикальными. При этом он исходит из необходимости преодоления человеком жестких рамок своей идентичности ради признания ценности чужих культур. Моральность мультикультурализма заключается в требованиях уважения ко всем иным культурам. Есть «постмодернистская форма мультикультуралистского дискурса», допускающая возможность сосуществования различий без диффузии, без изменения существующего порядка, согласно формуле: «насладимся праздником разнообразия в китайских ресторанах и на фольклорных фестивалях». И «фундаменталистская форма» мультикультурализма (мультикультурализм «этнических меньшинств») предусматривает инверсию властной иерархии, реванш этнических меньшинств, предлагает порвать с ценностями и нормами, сложившимися в рамках современной западной либеральной демократии, так как они являют собой завуалированное насилие, прикрытие господства одной группы над всеми остальными.

Мультикультуризм в значительной мере лишь риторическое обновление старых проблем, переименование процессов, которые, начиная с 60-х гг., осмыслились в терминах «этнического возрождения». Дело в том, что категория «культура» пришла на смену категории «этничность», потому что предлагала более широкую, более мягкую и более расплывчатую формулу для описания конфликтогенного фактора. Одной из характерных черт мультикультурного дискурса является культурализация социального, попытка свести социально-экономические проблемы и противоречия к противоречиям ментальностей, этнизации общественного дискурса, конфликту цивилизаций. При этом дискурс различия все чаще трактуется как источник различия. Этнические маркеры различия принимаются за источник различий. Чем больше говорят о столкновении цивилизаций, диалоге, тем глубже участники дискуссий начинают верить в определяющую роль «культурных» факторов собственного поведения. Дискурс различия далее влечет за собой соответствующую политическую практику. Это практика управления различием - так называемая национальная политика, при которой отправным пунктом выступает вера в субстанциональность этничности. В связи с этим, управление различием часто оказывается инструментом его организации. Таким образом, идеология мультикультурализма становится скорее препятствием на пути формирования мультикультурного общества, чем средством такого формирования. Именно поэтому европейские лидеры один за другим отвергают политику мультикультурализма.

«Слово «мультикультурализм» провоцирует недоразумения. Мы, как исследователи, разумеется, не в силах закрепить за этим термином какое-то одно значение и запретить его употребление в других значениях. Что мы в силах сделать - это провести элементарное различие между двумя уровнями проблематики: социальной реальностью и дискурсом по поводу этой реальности». (В.С. Малахов).

Исчерпывающая и «единственно правильная» типология мультикультурализма не только отсутствует до сих пор, но и вообще невозможна. Правда, это не исключает построения различных рабочих типологий, релевантных определенному множеству мультикультурных политик и конкретной исследовательской цели.

Понятие «мультикультурализм» появилось в научной литературе в 70-е годы прошлого века в ответ на необходимость теоретического осмысления вопроса сосуществования национальных культур в рамках единого многонационального пространства. Кроме того, задачей мультикультурализма было «дойти до каждого человека». Защитить его как от давления чужого этнического большинства, так и своего этнического меньшинства. Для выполнения этой задачи было необходимо обратиться к идее свободы и смыслу существования человека, которые существовали в различных американских философских системах. Проведённое исследование американской философской антропологии, подходов в современной американской философии позволяет сделать следующие выводы. Явление мультикультурализма стало одним атрибутов современной культуры США и представляет собой кульминацию длительного процесса эрозии американской национальной идентичности в американском образовании, главным требованием которого выступает взаимное уважение представителей различных культур, терпимость и хорошие отношения между индивидами различных групп. Понятие «мультикультурализм» - это осмысление данного явления, его сущности и основных характеристик. (С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова, В.В. Платошина).

Позиция отечественного культуролога Кудрявцевой Т.В. Плюрализм лежит в основе самой природы вещей. Культурный архетип также плюралистичен, как плюралистичен электрон. Вся история человечества от Адама и Евы свидетельствует о бинарном характере живой природы. Дух и материя, положительное и отрицательное, мужское и женское – два полюса единой сущности и этот закон пронизывает все – от атома до планет. Мультиплетный (бинарный по меньшей мере) характер природы и культуры охватывает все уровни: от микроструктур до макросфер, от электрона до галактики, от слова до текста. Бинарные оппозиции лежат в основе бессознательных структур. Уже первобыт-

ный человек пытался упорядочить мир с помощью бинарных оппозиций: жизнь-смерть, день-ночь, небо-земля, добро-зло и т.д. Ядро атома имеет положительный заряд, вокруг ядра двигаются отрицательные электроны. Земля обладает минусовым зарядом, а окружающий ее воздух – плюсовым. В древнекитайской философии существует утверждение, что изменения в живой и неживой природе вызываются действием двух полярных космических начал, которые взаимно фундированы: «Янь» – носитель всего светлого, мужского, твердого, горячего, активного, положительного и «Инь» – носитель пассивного, темного, женского, мягкого, холодного, отрицательного. В античности метафоризация бинарности была запечатлена в образах Аполлона и Диониса. И. Г. Гердер, изучая разнообразие культур, развивая свои воззрения в рамках просветительской парадигмы, утверждавшей линейное, поступательное, прогрессивное развитие человеческой культуры, следуя историческим взглядам итальянского просветителя Дж. Вико, приходит к выводу о том, что история – не однотипный и однонаправленный процесс развития народов, как это утверждали в эпоху Просвещения, а многовариантный процесс культурного развития. Подчеркивая преемственный характер развития культур, Г. Гердер резко выступает против европоцентризма, утвердившегося в эпоху Просвещения. Английский историк А. Тойнби не рассматривает отдельную культуру (цивилизацию) как обособленный организм. В отличие от О. Шпенглера для него каждая культура – одна из множества ступеней на пути реализации человечеством своего божественного предназначения. В своей концепции «Вызова и Ответа» А. Тойнби подчеркивает диалогическую сущность культуры, развитие которой происходит как серия «Ответов», даваемых творческим духом человечества на те «Вызовы», которые бросает ему природа, общество и внутренняя бесконечность самого человека. При этом всегда возможны варианты развития, ибо возможны разные «Ответы» на один и тот же «Вызов», и потому всегда есть альтернативность в развитии цивилизации. При этом А. Тойнби отмечает ту объединяющую для цивилизации роль, которую играют мировые проповеднические религии, выступающие как высшие ценности. Сам термин «поликультурное общество» все чаще заменяется понятием «мультикультурное общество». Кудрявцева Т.В. считает, что понятием «мультикультурное общество» подчеркивается, «в большей мере не множество сосуществующих культур, сложившихся в своеобразное поликультурное пространство, а многократность повторения, тиражирования культурных различий». Вывод Кудрявцевой Т.В.: идеология мультикультурализма становится скорее препятствием на пути форми-

рования мультикультурного общества, чем средством такого формирования, так как дискурс различия влечет за собой соответствующую политическую практику (так называемая национальная политика), при которой отправным пунктом выступает вера в субстанциональность этничности. В связи с этим, управление различием часто оказывается инструментом его организации. Именно поэтому европейские лидеры один за другим отвергают политику мультикультурализма.

Мультикультурализм можно считать социокультурной парадигмой глобализации, идеологией, сформированной после второй мировой войны «новыми левыми» как реакция на европейский нацизм и фашизм. Будучи продуктом теоретиков неомарксизма из Франкфуртской школы, произведенным «под заказ» атлантических элит и спущенным к массам решением «сверху», мультикультурализм стал «другой крайностью фашизма». Эту точку зрения разделяют американские исследователи М. Берлинер и Г. Халл, утверждающие, что «сторонники «разнообразия» и «мультикультурализма» видят мир через цветные линзы и разделяют людей по признаку расы и пола, претворяя в жизнь принципы подлинного расизма». Учёные констатируют: «раса для мультикультурализма - детерминанта мышления и человеческой идентичности в целом», «возводящая непреодолимую пропасть между людьми, якобы не имеющими ничего общего, кроме кровных уз». С точки зрения немецких специалистов (Франкфуртская школа), мультикультурализм явился одним из всеобъемлющих факторов или атрибутов современной культуры США, определить который однозначно, как, впрочем, и понятие мультикультуры - его предмет и, в определенной мере, идеал, достаточно сложно. Это и социокультурная утопия, и академическая «мода», и художественная практика, и отражение новой формирующейся (пост)национальной идеологии. В сферу интересов мультикультурализма в самых различных его проявлениях попадает прежде всего проблема единства и разнообразия, взаимоотношения «я» и «другого» или «других», как и шире - субъектно-объектная проблематика, вопросы релевантности познания, истины, полемика по поводу релятивизма и универсализма, политика и структура власти, наконец, проблемы репрезентации и идентификации.

В.А. Куренной. Авторы концепции мультикультуральности (очевидно, речь идёт о Г.Маркузе и И. Берлине) понимали культуру как фольклор плюс некие сугубо внешние формы проявления — одежда, кухня, бытовые пристрастия... Я предлагаю немного пофантазировать и представить себе общество полностью победившего мультикультурализма. Его главной структурной единицей будет не индивид, а некая культурная община. Но современная система взглядов отчаянно лице-

мерна: под вывеской культурной общины стыдливо маскируется община либо этническая, либо религиозная. При этом та и другая должны были бы обладать полной автономией по отношению к своим членам. А это означало бы отсутствие единого юридического пространства: в каждой общине действовали бы свои законы, не говоря уж о неписаных нормах и обычаях. Нельзя сказать, что эта модель — абсолютная дикость. Примерно так обстоит дело в Нигерии: в северных, мусульманских штатах действует система права, основанная на шариате, а на христианском юге — оставшаяся от британского колониального наследия. В свое время и в США полиция не заходила в чайнатауны, целые поколения живших там людей не знали английского, и юридическая сфера регулировалась по своим законам и понятиям. Но в современной Западной Европе законы шариата действуют лишь на страницах антиутопических романов, а следовательно, пока Запад не стал еще подлинно мультикультуральным.

Понятием мультикультурализм пытаются подменить множество других понятий. Голландцы, к примеру, «ради соблюдения мультикультурализма» предлагают изъять из обращения слова «муж» и «жена», вместо них употреблять слова «супруги», «партнёры», так как существует социкультурный феномен однополых браков. А люди размышляя над этим, задаются вопросом, как же быть со словами «мама»-«папа», «бабушка»-«дедушка» и т.д. Вопрос не праздный и подмены далеко как не безобидные: все люди в жизни имеют социальный статус: сёстры-братья, тёти-дяди, прабабушки и прадедушки, взрослые – дети и т.д. Это всё тоже рушится? В Великобритании «ради мультикультурализма» пытаются запретить ношение крестиков, чтобы не оскорблять чувств других верующих, и потом, - «негигиенично». На что священнослужители отвечают: сколько тысяч лет носили! Даже в короне королевы английской – крест, кресты на маковках церквей. Структурирование общества, упорядоченность человеческого сожительства по множеству культурных (то есть человеческих) параметров сложилась за многие тысячелетия, сегодня она нуждается в поддержании, в эмпирической верификации, а иначе – содомия - разрушение человеческого сожительства.

Под мультикультурализмом понимается такое отношение страны-реципиента к миграционным потокам, которое признаёт право на культивирование и сохранение этнокультурных различий меньшинств, образуемых эмигрантами.

По мнению заместителя декана факультета политологии ВШЭ Леонида Полякова, термин «мультикультурализм» недостаточно удачен для обрисовки ситуации, которая сложилась в России. «Этот термин все-таки описывает ситуацию в Западной Европе и в США, где суще-

ствовала реальная проблема интеграции репрессированных меньшинств», - сказал Поляков в интервью «Актуальным комментариям». «Мультикультуризм пришел туда как способ восстановления в этих меньшинствах человеческого достоинства через воспитание национального достоинства. То есть, мультикультуризм означает, что в противовес некой доминирующей культуре создается множество маленьких культур для того, чтобы достичь в государстве некой финальной социальной справедливости». «С этой точки зрения, если говорить о мультикультуризме в России, следует принять тезис о том, что русские изначально были господствующей культурой, которая доминировала и подавляла все остальные. И теперь нам предстоит решить ту задачу, которую в свое время решали американцы и европейцы».

Мы не рассматриваем в своём исследовании вопросы интеграции мигрантов в инокультурные среды. Вместе с тем, полагаем, настало время и в отечественном дискурсе отнестись к этому вопросу как самостоятельному нарративу, условно выделив его в специальное научное направление - «мигрантологию». В российском научном дискурсе оно может входить в блок прикладных задач научно-исследовательских институтов и государственных учреждений, таких как: институт этнологии и антропологии, Федеральная миграционная служба, Россотрудничество и другие устоявшиеся структуры, модерлирующие правовое пространство на подступах к базовому правовому полю конституции, которая не может меняться, адаптируясь к прибытию/отбытию рабочих («гостевых» или иных). Для этого приняты и активно применяются в различных сферах жизни общества концепции, стратегии, государственные доктрины Российской Федерации.

После появления работ философа Ю. Кристевой можно говорить, что обнаружен ещё один из источников мультикультуральности – это *интертекстуальность*. А также то, что преемственность культур, связь цивилизаций сохраняется, в том числе, и благодаря существованию этого свойства человеческого мышления, интеллекта. Маркёрами новой философской категории «интертекстуальность» (можно сказать и культурологической категории) служат цитаты, цитации, аллюзии. В этот ряд можно включить и другой лингвистический феномен - интерференцию, т.е. последствие влияния одного языка на другой. Термин интертекстуальность был впервые введен Ю. Кристевой в 1967 году (“Бахтин, слово, диалог и роман”) для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или имплицитно ссылаться друг на друга. У Ю. Кристевой

интертекстуальность - это маркированная определенными языковыми сигналами «переключки текстов», их диалог. Текст впитывает разные дискурсы сознательно, что порождает цитату, либо бессознательно, что порождает, в свою очередь, цитацию. Таким образом, любой текст является одновременно и авторским произведением и интертекстом. Сама культура с этой точки зрения представляется как переплетение разнородных смыслов и дискурсов и может быть определена как текст, в ткань которого, вплетается каждое новое произведение - высказывание. Маркёры интертекстуальности порой могут быть лишь психологически артикулированы и невидимы невооружённому взгляду, не вооружённому специальными знаниями (архитектора, писателя, художника, медика, культуролога др.), и по этой причине не идентифицируемы.

Есть определения мультикультурализма, отражающие достаточно поверхностное рассмотрение темы миграции, в которых исходят из примитивной посылки, будто иммигранты, населяющие большие города индустриально развитых стран, образуют особые этнические и культурные группы или «меньшинства». В эти условные «меньшинства» экспертами произвольно объединяются люди, даже не говорящие на одном языке, и лишь номинально этнокультурно могущие быть родственными по отнесённости к одним географическим широтам. Противоречия между такими мигрантами и местными жителями именуются «этническими» или «культурными», хотя это могут быть противоречия социального свойства, связанные с племенными междуусобицами в местах их первичного пребывания, с борьбой за рабочие места в зоне иммиграции, за достойное и приемлемое по цене жилье, за доступ к образованию и т.д. Кроме того, сегрегационные акции, осуществляемые по отношению к мигрантам, подталкивают их к консолидации. Предлагаемый путь сохранения многообразия культур, вроде бы, простой на первый взгляд, – их консервация, также подвергается критике со стороны традиционалистов ввиду имплицитно содержащейся в этой акции сегрегации, прикрытой декларациями о мультикультурализме как политике «сохранения, поддержания и развития».

Мы не рассматриваем в своей работе вопросы интеграции мигрантов в инокультурные среды. Вместе с тем, полагаем, настало время и в отечественном дискурсе отнестись к этому вопросу как самостоятельному нарративу, условно выделив его в специальное научное направление - «мигрантологию». В российском научном дискурсе оно может входить в блок прикладных задач научно-исследовательских институтов и государственных учреждений, таких как: институт этнологии и антропологии, Федеральная миграционная служба, Россотрудничество и дру-

гие устоявшиеся структуры, модерлирующие правовое пространство на подступах к базовому правовому полю- конституции, которая не может меняться, адаптируясь к прибытию/отбытию рабочих («гостевых» или иных). Для этого приняты и активно применяются в различных сферах жизни общества государственные доктрины, стратегии, концепции.

2.5. Мультикультурализм как объяснительный принцип культурной политики

Для большинства современных государств характерно культурное многообразие, оказывающее фундаментальное влияние на жизнь общества, на его организацию и регулирование. Это обусловлено тем, что генетические различия сегодня не столь сильно отличают человеческие общества, как культурные. Объединяет общества не столько единство «по крови», по месту рождения, сколько единство «по культуре», которое также уже не безусловно. Как считают некоторые специалисты (Е.А. Левшина), термин «культурная политика» возник вместе с осознанной системой действий по поддержке культуры и представляет «способ согласования интересов участников культурного процесса: художника, публики, общества и государства, где интересы могут совпадать, а могут и носить прямо противоположный характер». Более развернутое определение культурной политики дают другие авторы [131; 132]. В их представлении культурная политика — это специфический вид деятельности по регулированию культурной жизни, цель которой — стремление сохранить или изменить картину мира людей таким образом, чтобы она соответствовала интересам субъекта культурной политики.

Уже во времена Французской революции интеллектуальная элита усиленно работала над созданием «культуры» как области управления людьми, гражданами, сообществами и населением. Активно разрабатывались: языковая политика, национальный курс государства, концепция национальных и публичных музеев и библиотек, введен новый календарь, новые символы, знаки и памятники республики. Шла работа по созданию материальной базы новых типов идентичности, образа жизни, способов индивидуального и общественного поведения. Разнообразные концепции культурной политики и управленческие стратегии в сфере культуры закреплены в национальных законодательствах многих государств. После второй мировой войны широкое распространение получила идея культурной демократии или равного доступа всех к культуре. Ф. Матарассо и Ч. Лэндри, проводя анализ этапов становления культурной политики, отмечают, что до 60-х годов XX века усиление влияния государства любой политической окраски в области культуры объяснялось «старым добрым» представлением о цивилизи-

рующей, облагораживающей роли искусства и о демократизации доступа к нему как к общественному благу. Отсюда приоритетом культурной политики того времени становится широчайший доступ населения к культурным ценностям через специальные образовательные программы, бесплатный доступ в музеи, популяризация культуры на государственных теле- и радиоканалах. С начала 1970-х годов многие страны приступили к поиску современного формата культурной политики. В основе новой политики лежала идея демократизации культуры. На смену лозунгу «культура для всех» («культурная демократия») пришел лозунг демократизации культуры - «культура для каждого».

Длительное время в рамках российского государства сфера культуры существовала по моделям, ориентированным на *социальное равенство*, что предопределяло круг его прав и обязательств в отношении воспроизводства культуры, развития инфраструктуры сферы культуры и искусства, нормирования и распределения общественных благ и услуг. Культурную политику молодой советской республики иногда называли новаторской, по революционному смелой, соответствующей активному приобщению народа к художественному творчеству. Некоторые авторы считали, что «октябрьская революция в страшной кровопролитной борьбе разрушила и отечественную культуру». Д. Волкогонов считает: «... всё бесконечное многообразие социальной и духовной жизни, многострунность культуры, исторических традиций... было сведено к жесткой парадигме ленинизма... В обществе на десятилетия прочно обосновались догматическое однодумство, тотальная бюрократия, иррациональный страх». Такие высказывания создавали новый стереотип, укладывающийся в схему жесткого негативизма. Лишь в последние несколько лет появились работы, в которых делается попытка отойти от предвзятости и объективно оценить взаимодействие власти и творческой интеллигенции в советский период. [66].

Структура культурной политики, как правило, включает три параметра: **концептуальную, экономическую и законодательную**. Первая составляющая, по сути дела, выделяет философско-содержательный, ценностный аспект культурной политики. Именно здесь определяются стратегические цели государства в отношении культуры, формулируются основные ценностные установки, выявляются приоритеты, которые впоследствии транслируются всему обществу. Декларировав свою позицию, государство выступает гарантом ее реализации, определяя принципы финансирования культуры (полное или частичное), государство берет на себя ответственность за последовательное проведение их в жизнь. Третьей важной составляющей культурной политики становятся

законы. Они напрямую регламентируют организационно-творческую деятельность. В этом случае важны не только законы, непосредственно связанные со сферой культуры, но и смежные. Это целая система законодательных актов. Культурная политика тесно связана с методами управления в культуре. Эти методы разнятся, прежде всего, в зависимости от господствующей формы власти. Они могут быть жесткими, административно-командными или более мягкими, гибко регулируемые, а в иных случаях и саморегулируемыми. Очевидна необходимость и в современных менеджерских кадрах. Необходима поддержка не только государства, но и бизнеса, а также различных общественных организаций.

В разных странах сегодня действуют разные модели культурной политики, отражающие разную степень участия государства в ее формировании и финансировании. В европейских странах существует несколько моделей решения этого вопроса, но, несмотря на их разнообразие, вопрос внебюджетной финансовой поддержки культуры и там остается весьма актуальным. В зарубежной практике выделяют целевой, институциональный и ресурсный подходы, а когда они совмещаются, тогда используется комплексный подход (управленческий).

Россия, в утверждённой указом Президента в 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года», декларирует одним из приоритетных направлений государственной национальной политики обеспечение равных возможностей доступа к ценностям культуры и культурной деятельности. Подготовка Стратегии, со всей очевидностью, потребовала от государственных институтов проработку множества институциональных, социально-экономических, идеологических и культурных позиций. Со своей стороны учёными также проведён ряд исследований, представляющих концептуальный анализ культурной политики как философской, социологической, политической, культурологической категории, и модель культурной политики, отвечающая современным российским реалиям, обретает существенную составляющую - теоретико-методологическую базу. Наша культура многие десятилетия функционировала в определённых рамках, под контролем административной системы. Сегодня, в эпоху интенсивной глобализации мира, система управления культурой не стала проще, но имеет множество новых особенностей, связанных с изменением общей ситуацией в мире и стране, появлением множества новых субъектов культурной политики. Вопросы финансирования для отечественной культуры обрели новые контуры, хотя и не перестали быть важными, так как в период увлечения идеями, что «рынок расставит всё по местам», государством уже не всё тотально финансировалось. В силу этих пере-

мен начались поиски источников внебюджетного финансирования.

Методологической основой отечественной культурной политики также является представление о том, что национальные концепции культурной политики не являются раз и навсегда определенными и статичными. Фокус ее приоритетов и интересов зависит от принятой в данном обществе политической идеологии и от господствующих представлений о природе культурных процессов, приоритетности решения проблем культуры для государства. В определении, предложенном известными французскими исследователями в области культурной политики А. Жераром и Ж. Гентил, особо подчеркивается определение «культурной политики» с точки зрения не только поставленных целей, но и состояния институтов и ресурсов: «Политика представляет собой систему взаимосвязанных целей, практических задач и средств, выбранных экспертом и направленных на определенную группу в обществе. Культурная политика может осуществляться в рамках объединения, партии, образовательного движения, организации, предприятия, города, правительства. Но независимо от субъекта политики, она предполагает существование долгосрочных целей, средне-срочных и измеряемых задач и средств (человеческих ресурсов, финансов и законодательной базы), объединенных в чрезвычайно сложную систему». Французские исследователи, подчеркивают сложность культурной политики как объекта управления, ее комплексность и не сводимость к составляющим её элементам, но не затрагивают вопросов управления учреждениями культуры со стороны государственных институтов.

Тактические функции и цели оперативного регулирования в культурной политике рассматриваются в подходе итальянских исследователей Марио ди Анджело и Пола Весперини, которые выделяют пять ее основных характеристик: цели деятельности центрального правительства должны сочетаться с интересами региональных и местных органов управления, а также интересами основных субъектов в сфере культуры; цели государства должны соотноситься с реальными возможностями акторов, вовлеченных в процессы культурной политики; реализация культурной политики предполагает действия по её материально-техническому и творческому обеспечению; культурная политика предусматривает распределение административных, финансовых и структурных ресурсов; культурная политика предполагает обязательное планирование с участием государственных институтов. Такое понимание природы культурной политики послужило основой большинства европейских моделей государственного управления в XX веке. Оно не выходит за рамки концепции «формальной рациональности» и «бю-

рократии» М. Вебера, в котором, отводя «государству» роль главного субъекта культурной политики, исследователи отводят творцам и институтам культуры второстепенную роль «объекта управления».

Известные эксперты по культурному развитию из Калифорнии Д. Адамс и А.Голдбард особо выделяли действия, необходимые для осознанной культурной политики: определение культурных ценностей, целей и приоритетов; выбор инициатив и составление программы расходов, соответствующих целям культурной политики; мониторинг политики, который позволит оценить культурное влияние и вес каждого социального действия в свете установленных стандартов, которые и являются средством достижения установленной культурной политики. Указывая на то, что государство должно участвовать в формировании культурной политики, исследователи выделяют шесть основных направлений, на которые собственно и должен быть направлен её вектор: сохранение наследия (музейные коллекции, исторические здания, живопись, музыкальная литература, фольклор, народные промыслы); пропаганда культурного наследия, предусматривающая финансирование спектаклей, гастролей, субсидий билетов, трансляций, издательской деятельности, специальных акции, направленные на расширение аудитории; поддержка собственно творчества, куда включается как работа творца, так и вспомогательного персонала, участвующего в производстве; научно-исследовательское сопровождение деятельности в сфере культуры, верификация - проверка соответствия проводимой культурной политики поставленным целям и задачам; подготовка персонала (творческих специалистов, администраторов и работников смежных областей); подключение сферы образования в область культурной политики. Как указывают исследователи, элементом культурной политики может быть и анимация, служа стимулом к участию в культурной деятельности. в концепции Д. Адамса и А. Голдбард особое внимание уделяется инструментам культурной политики, к которым они относят: распределение грантов и премий; занятость и создание рабочих мест; создание культурной инфраструктуры – помещений, оборудования и др.; формирование законодательной и нормативной базы для деятельности учреждений культуры и искусства.

На основе эмпирических данных учёными сделаны выводы, относительно уровня концептуальной разработанности понятия «культурная политика». Во-первых, существует принципиальное различие между тем, как культурная политика определяется в теоретико-методологическом дискурсе, и тем, как она определяется на уровне конкретных управленческих решений. Это не только разные понятийные, но даже разные

предметные области. Во-вторых, в общепринятых определениях культурной политики недостаточно рельефно обозначен субъект культурной политики, в то время, как субъектное поле культурной политики всё больше расширяется, всё более значительную роль в ней играют акторы. Тем самым, необходимость выработки такого понимания культурной политики, где субъектная составляющая была бы представлена более развернуто, становится насущной. Для реализации этого нового требования существует эпистемологическое пространство - в таких сферах научного знания как философия, психология, социология, политология и др., разработка категории субъекта идет весьма интенсивно и успешно.

Культурная политика многих передовых в экономическом отношении стран на этапе становления носила централизованный характер, при котором ведущая роль отводилась государству. Она состояла в расширении сети учреждений культуры, которые создавались и направлялись центральной властью. В её основе было потребление «культурного продукта». Методологические предпосылки культурной политики 70-х были новыми. Изменилось понятие развития, оно уже не подразумевает только количественное приращение, которое создавалось и регулировалось центральными властями. Основное внимание перенаправлено на развитие человеческих качеств в тесной связи с историческими, социальными, т.е. культурными факторами. Главной целью является сохранение этноидентичности и включённости в культурную жизнь на местном уровне. Более широко стали понимать свои цели отраслевые концепции культуры. Это выразилось в концентрации внимания не столько на потреблении культурного продукта, сколько на личной деятельности. Стало очевидным, что в стремительно меняющейся среде управление из центра «не успевает». Появилась необходимость более активного включения ресурсов регионального и местного уровней. Стало очевидным, что при интенсивно происходящем информационном обмене и быстро меняющихся условиях культурного процесса, менеджмент из центра «не успевает». Соответственно, 1980-е годы стали десятилетием реализации новой модели общественного администрирования, основанном на принципе децентрализации: децентрализация культурной деятельности и децентрализация полномочий для принятия решения. В странах части Европы децентрализация культуры осуществлялась по первому типу. Для обеспечения доступа к высокой культуре на всей территории и всем социальным слоям были созданы специальные национальные учреждения по организации гастролей в сфере театра и музыки, обмену художественными выставками. Эта политика имела небольшой успех. В Западной Европе большой упор был сделан

на децентрализации полномочий принятия решений. В реальной практике разных стран различия в большой степени зависели от политических и административных традиций. Во Франции децентрализация подразумевала сокращение в центре, но сохранение «представителей» на региональном уровне. Для этого на местах учреждались региональные дирекции по делам культуры, подчиненные центру. В Швеции, Финляндии, Дании и других европейских странах децентрализация означала передачу полномочий принятия решений региональным или местным выборным органам. При этом государство сохраняло ответственность за основное развитие культурной политики и за некоторые особо важные сферы: содержало национальные институты культуры; следило за положением творческих работников; осуществляло международную культурную политику; обеспечивало сохранение историко-культурного наследия. Основная цель такой децентрализации состояла в том, чтобы четко распределить обязанности между различными административными уровнями. В Германии, Бельгии, Австрии, Швейцарии – в странах с федеративным административным устройством – право принятия решений в области региональной культурной политики полностью принадлежит региональной администрации. Государственная власть осуществляет вспомогательные или незначительные координирующие функции.

В культурной политике конца 1980 – начала 90-х гг. зарождается инструментальный подход. [253]. Политики и деятели искусства заинтересовались перспективами инвестиций в сферу культуры. Оживление культурной деятельности, оказалось, способствует социальному и экономическому развитию, в том числе и на местах. Это было отмечено в докладах ЮНЕСКО и Совета Европы (1996 - 1997 гг.) по результатам исследования целого ряда стран. Основные рекомендации, сделанные в этих документах, позволили рассматривать концепции культуры как инструмента развития общества. То есть, возможность применения культурной политики для достижения целей, напрямую к ней не относящихся, например, использование театральных постановок и вечеров для взрослых для пропаганды здорового образа жизни. Это - суть «инструментального» подхода, когда в его рамках «принципиальная ценность культуры определяется её способностью служить различным политическим целям и стратегиям, направленным на общественное развитие или решение социальных проблем». Дальнейшее изучение вопроса подтвердило то, что любая культурная деятельность и, соответственно, любые инвестиции в культуру имеют неизбежный социально-экономический эффект и идут на благо общества. Инструментальная культурная политика и децентрализация открыли дорогу

новым участникам деятельности на пространстве культурной политики. Интерес к этой деятельности стали проявлять партнеры из других сфер, бизнесмены или же «новые» акторы из государственного управления, напрямую не связанного с культурой. На смену традиционной концепции экономического развития, согласно которой экономический рост рассматривается как улучшение материальных условий жизни населения, в этот же период пришла более широкая концепция развития, где культуре отводится одно из центральных мест. Как отмечают М. Пахтер и Ч. Лэндри, многие считают, что сейчас происходит «поворот к культуре», она выходит на передний план, и даже экономика и политика испытывают её многообразные влияния. Мировой банк на встрече 1999 года во Флоренции провозгласил, что будет выделять займы развивающимся странам в том случае, если в их программах будут учитываться культурные факторы. Переход культурной политики в центр человеческого развития обеспечивается только политическими заявлениями, а сопровождается разработкой новых концепций управления сферой культуры. На смену представлению о том, что культурная политика является компетенцией в первую очередь тех, кто принимает решения на национальном уровне, в настоящее время приходит концепция «креативного управления». Согласно определению Р. Митчел, «на языке менеджмента это означает, что управление осуществляется через сетевые структуры, форумы, институты и административные системы, что не обязательно означает «бюрократический» стиль, а подразумевает гибкость и открытость культурной политики дальнейшим инновациям». Вместе с тем, развитие инструментальной концепции культуры привело к проявлению в обществе опасений, что культура и искусство превратятся в утилитарные инструменты, поставленные на службу чисто политическим целям.

Существующая типология моделей политики в сфере культуры основана на разных подходах к определению ее целей, механизмов реализации и результатов. Так, А. Моль различал четыре различные группы культурной политики, предлагая в качестве основания для классификации социостатические и социодинамические характеристики. [262]. *Социостатическая* модель описывает устойчивые цели культурной политики и ее институты: а) «популистская», или «демагогическая», целью которой является наибольшее удовлетворение культурных потребностей как можно большего числа людей; б) «патерналистская», или «догматическая», когда право и основные каналы распространения культурных ценностей принадлежат «административному совету». Культурная политика в этом случае служит целям

определенной политической партии, религиозного течения или государства в целом; в) «эклектическая», задачей которой является оснащение каждого человека индивидуальной культурой, представляющей собой неискаженное отражение общей гуманитарной и гуманистической культуры. Социодинамическая политика в сфере культуры, в противовес социостатической, соответствует непрерывным изменениям и отражает новое содержание культуры в каждую эпоху. Имеет, по А. Молю, два направления: «прогрессивное» и «консервативное». В первом случае субъект такой политики стремится ускорить, во втором, наоборот, замедлить ход эволюции культуры.

Другую модель предлагает М. Драгичевич-Шешич. [118]. В качестве критерия для классификации моделей она выделяет, с одной стороны, характер политического устройства государства, с другой – место государства и других акторов в реализации культурной политики. Вводя эти два базовых критерия, автор получает четыре принципиально различающиеся между собой модели культурной политики. Обязательной характеристикой модели *либеральной* культурной политики является рынок культурных товаров и услуг, который играет здесь решающую роль. Неотъемлемой чертой модели *государственной бюрократической, или просветительской* культурной политики являлось доминирование государства, которое с помощью аппарата (законодательного, политического, идеологического) и финансов контролирует сферу культуры. Такая модель была типичной для социалистических стран, и, по мнению М. Драгичевич-Шешич, присуща Франции и Швеции. В этой модели, при обнаруживаемых недостатках, есть позитивная сторона, в частности, финансовая защита государством культурной сферы.

Модель *национально-освободительной* культурной политики наиболее типична для бывших колоний, но сегодня она отличает государства Восточной Европы. Основной чертой ее является развитие или утверждение оригинальных культурных традиций, подавлявшихся в колониальный или в социалистический период, что нередко ведет к таким последствиям, как «закрытая культура», национализм и даже шовинизм. Часто это сопровождается неприятием художественных работ, выполненных в предыдущие периоды, отрицанием культуры национальных меньшинств, альтернативного и экспериментального искусства. Особый интерес представляет предложенная автором модель культурной *политики переходного периода*. Отличительной чертой такой политики является то, что она даже демократические ориентиры реализует через структуры государства, не способные в одночасье отказаться от командно-бюрократических методов. Это приводит к

достаточно противоречивым последствиям, которые чаще всего смещают культурную политику к националистическому фокусу. Еще одну классификацию, состоящую из двух основных моделей развития культурной политики, предложил руководитель исследовательского Института культурной политики А. Визанд (Бонн). Первая основывается на традиционной идее *общественной* поддержки искусства и культуры, а вторая – на *рыночной* модели. Основные характеристики культурной политики общественной поддержки, по мнению А. Визанда, состоят в том, что: интерес власти сфокусирован на традиционно главных институтах культуры, таких, как музеи, театры, библиотеки и культурные центры, которые и получают финансирование. Творческие деятели часто выполняют роль миссионеров, несущих «истину», а экспериментальная культура считается малозначительной; главной целью является институциональный баланс в культуре и искусстве, который поддерживается течениями, получившими признание; поскольку государственный бюджет считается основным источником финансирования, необходимы инструменты государственного регулирования, каковыми являются планирование и составление программ; политика в основном осуществляется на общенациональном уровне, культурные связи международного уровня происходят только в рамках дипломатических отношений; власть создает всякого рода художественные советы для контроля. При этом перечисляются и возникающие проблемы: минимальны условия для внедрения инноваций, часто отвергаются образцы художественной и культурной деятельности, представленные новым поколением; ответственные за разработку политики и её воплощение в жизнь недостаточно компетентны в культурных инновациях, поэтому инструменты для гибкого планирования вырабатываются с трудом, предпочтение отдается традиционным формам. Доминирует административное принятие решений, роль художников очень ограничена.

Рыночно ориентированная модель культурной политики, по мнению немецкого аналитика, характеризуется следующими подходами: политика, в основном, ориентирована на экономическое развитие; культура, как и другие сферы общественной жизни, регулируется рынком; становятся несущественными традиционные различия между высокой и массовой культурой; на передний план выдвигается «менеджмент культуры», основывающийся на идеях «смешанной культурной экономики» и коммерческого спонсорства, который считается мало продуктивным; особое внимание уделяется развитию культуры на региональном уровне, хотя транснациональная политика, фактически, усиливается; важную роль в формировании политики играет культурная элита.

Анализ содержания и перспектив роли государства в модели культурной политики рыночного типа указывает на мультикультурализацию политики в области культуры, так как рынки все более заменяют государство в деле финансирования культуры, усиливая процесс общей интернационализации культуры. Вопрос о роли государства важен не только концептуально. За последние пятьдесят лет, по мнению экспертов, в использованных культурных стратегиях европейских стран можно выделить три типа участия государства в культурной политике. 1) Харизматическая политика. Поддержка со стороны государства, прежде всего, организаций и отдельных персоналий, имеющих общенациональное значение и известных за пределами данного государства. 2) Политика доступности. Обеспечение равного доступа различных категорий населения к образцам и артефактам, признанным классическими вершинами культуры. 3) Политика культурного самовыражения. Ценной признается любая попытка культурной самоидентификации (местного или же профессионального сообщества, диаспоры, социальной группы или любого другого «меньшинства»). В этом случае исчезает классическая культурная иерархия, а главенствующее место эстетических категорий оказывается занятым ценностями культурной коммуникации и самовыражения.

Широкое распространение в сфере культуры в последнее время получают такие методы государственного регулирования, как правовые, организационные, финансовые, экспертные, профессионализация деятельности. Особо популярны экспертная оценка и система подробных отчетов о деятельности муниципалитетов, регионов и отдельных учреждений культуры. Во многом это связано с расширением использования системы поддержки культурных проектов. Подобная тенденция постепенно становится международной. Несмотря на исключительную важность инструментов негосударственного регулирования культурной политики, наиболее значимыми для культуры остаются модели финансирования её государством. Англо-американскую и германскую модели финансирования культуры в странах с развитой рыночной экономикой предложила различать германская исследовательница Э. Валь-Зигер. [496]. В первом случае – в условиях развитого коммерческого сектора культуры и достаточно устойчивых традиций частного благотворительства, бюджет организаций культуры формируется посредством как собственных доходов от основной деятельности (сборов от продажи билетов), так и частных вкладов. В странах «германского» типа доходы от основной деятельности соседствуют с государственными ассигнованиями. Недостаток такой типологии, на который одним из первых указал российский

экономист Андрей Глаголев, в том, что она не даёт ответа на вопрос о долях разных источников финансирования в общей структуре бюджета американских, английских и немецких учреждений искусства. [83].

Сам А. Глаголев, опираясь на концепцию Э. Валь-Зигер и собственные расчеты, предложил выделять три типа финансирования культуры: романский, германский и англо-американский. В странах романского типа субсидируемые организации более чем наполовину получают помощь от центральных государственных властей. В странах с германским типом субсидирования ассигнования на 80—84% поступают от местных властей. И, наконец, в странах с англо-американским типом субсидирования лишь 5% бюджета организаций культуры пополняются за счет государства, от 35 до 40% - за счет частных вкладов.

В США государство стимулирует общество заниматься «донорством» - вкладывать средства в некоммерческие отрасли и организации культуры; инструментом «вдохновения» на поддержку культуры служит налоговая политика, предусматривающая донорам соответствующие налоговые льготы. Вместе с тем, эту политику отличает нестабильность, финансирование зачастую зависти от изменения вкуса частных доноров и их финансового положения.

Одним из наиболее совершенных среди всех, используемых в международном сообществе, считается метод управления культурной политикой по принципу «на расстоянии вытянутой руки» («the arms-length principle»). Здесь предусматривается лишь выделение соответствующих финансовых средств; их распределением между конкретными организациями занимаются независимые от правительства посреднические организации, являющиеся своеобразным «буфером» между правительством и сферой культуры.

Модели финансирования государством сферы культуры предложили исследователи Канады Гарри Х. Шартран и Клэр Мак-Кафи и дали им такие условные названия: «государство-вдохновитель», «государство-патрон», «государство-архитектор» и «государство-инженер». Классическим примером государства-«патрона» считается Великобритания. По нашему мнению, аналогичные очертания (патроната государства) имеет и политика России в сфере культуры. Это усиливает позицию экспертов, позволяет более гибко реагировать на изменения в искусстве, оказывая поддержку культурным инновациям. В группе стран, определенных этими авторами как государства-«архитекторы» (их ещё называют «культурными монархиями») решение о поддержке культуры, размерах и адресности финансирования принимают государственные органы, чаще всего – Министерства культуры. Сильной

стороной политики «архитектора», по мнению авторов, является стабильное положение деятелей культуры. С другой стороны, их экономическое положение зависит от членства в официальных творческих союзах, переводящего их в разряд государственных служащих. Гарантия долгосрочного финансирования в свою очередь может стать причиной творческой стагнации. К государствам «архитекторам» обычно относят Францию, хотя, как полагают канадские исследователи, в эту группу с полным основанием можно включить и СССР в ранний период его истории. Практика свидетельствует об устойчивом дрейфе многих государств, ранее входивших в эту группу, в сторону политики государства-«патрона». Группа стран, где, поддерживая культуру, государство выступает в роли «инженера», относительно невелика. Ранее к ней относили все страны Восточной Европы. Как и «архитектор», государство-«инженер» принимает решение о распределении финансовых ресурсов, их получателях и контролирует целесообразность расходования посредством специальных государственных органов. Однако, творческая энергия творца подчинена в данном случае целям государственной идеологии. Ответом на тотальное огосударствление культуры стало широкое распространение культуры «андеграунда». [449; 450].

Одна и та же страна одновременно может использовать взаимодополняющие модели, поэтому предложенная классификация не является взаимоисключающей. Оптимальная модель может быть разработана только в соответствии с политической, экономической и культурной традицией того государства, для которого она создается. Более того, не существует неизменно эффективной модели на все времена, поэтому шаги, предпринимаемые государством в сфере культуры, и те концептуальные идеи, которые лежат в их основе, пересматриваются. В частности, насущной необходимостью становится освоение современного менеджмента в сфере культуры. Именно поэтому на повестке дня стоит вопрос о профессионализации менеджмента. Менеджмент радикально отличается от такого вида управленческой деятельности, как руководство, которое было довольно успешным в условиях, когда государство «ясно осознавало, что делать», когда всё было жестко определено, требовалось только жестко контролировать работников, направлять их на выполнение поставленных вышестоящими органами задач. В течение последних двадцати лет происходят изменения в характеристике и самого профессионального менеджмента. Он становится транспрофессиональным, т.е. позволяет работать не по стандартам, действовать одновременно в самых разных сферах, предусматривает деятельность в сетях. Методы управления, - это в первую очередь партнерство, т.е., в

определенных ситуациях они действуют вместе для собственной и обоюдной пользы, не командуют друг другом, не обмениваются услугами или их денежными эквивалентами. Важнейшим трендом становится необходимость изменения самой «управленческой философии» в культуре, перенесения центра внимания на заботу о посетителе, клиенте, более активного участия учреждений культуры в социальной жизни.

Выбор модели культурной политики сегодня также актуален для России. Обычно массовое сознание делает свой выбор в пользу стратегии патернализма, считая надёжной широкую государственную поддержку культуры, власть же склоняется к концепции партнерства. Для нашей страны это инновационный подход, - впервые культурная политика рассматривается не только как затратная сфера, предполагается, что культура может перейти с позиции «просителя» денег у государства на позицию самокупаемости, развития за счет собственных ресурсов. Остаётся открытой возможность выбора третьего пути - совмещения политического курса и социальных программ, относящихся к разным концепциям. Совмещение возможно, так как существуют различные по экономическим возможностям регионы, некоторые могут действовать в рамках концепции патернализма, другие – в рамках концепции партнерства. К тому же, регионам предоставляется возможность самим выбирать платформу той или иной концепции культурной политики. Понятно, что конструирование концептуальной модели культурной политики для России осуществляется под наблюдением государственных институтов, в целях сохранения тех социальных завоеваний, которые были достигнуты ранее, которые были апробированы на протяжении десятилетий.

Наиболее сильным субъектом культурной политики является государство, которое располагает не только наибольшим объемом ресурсов, но и разнообразными управленческими структурами, способными влиять на различные сферы культурной жизни. Советское государство длительное время осуществляло культурную политику в формате, ориентированном на *социальное равенство*. Это предопределяло круг его прав и обязательств в отношении воспроизводства культуры, развития инфраструктуры сферы культуры и искусства, нормирования и распределения общественных благ и услуг. В советский период целенаправленно пропагандировалось сотворчество культур, сохранение культур малых народов, укреплялась мультикультурная основа практики, известная как «советская культурная политика». Именно эту модель сейчас предлагают на Западе учёные, говоря, что «индивиды не могут быть «отмыслены» от той community, в которой родились и социализировались, поэтому вместо бесплодных попыток удержать политическое

пространство в чистоте от культурных привнесений, лучше заняться продумыванием условий сосуществования разных идентичностей под одной политической крышей» [497]. Именно это декларировалось и составляло реальную сущность идеологии государственной национальной политики в СССР. Советское государство, собственно, и было «мультикультурным государством».

Среди отечественных специалистов есть те, кто считает, что мультикультуральность заложена в основании всей русской цивилизации. Причина в том, что античное культурное наследие русская цивилизация восприняла не непосредственно через Римскую империю, а через Византию. В результате она изначально развивалась как мультиплекс и как трансцивилизация, т.е. на перекрестке двух зрелых и во многом полярных цивилизационных образований, риторически обозначаемых как Запад и Восток. Будучи трансцивилизацией, она существенно отличается как от восточных, так и от западных цивилизаций. Согласно А.С. Ахиезеру, российская цивилизация находится в промежуточном состоянии между «традиционной» и «либеральной» суперцивилизациями. [14]. Причем, выйдя за рамки традиционализма, Россия, оказалась не в состоянии перейти к «либеральной» цивилизации. А.А. Кара-Мурза, считает, что «корпоративно-распределительная доминанта русской традиционности («русская азиатчина») постоянно «облучается» продуктивно-индивидуалистической культурой Запада, испытывает искушение слиться с Европой и в результате подвержена периодической атомизации, развалу. «Атомизированные индивиды» не связываются продуктивной – вещной и гражданской – связью, а превращаются в люмпенов, «перекасти-поле», и остаются, по сути, элементами прежней распределительной (но уже не корпоративно-распределительной, а хаотизированной) системы. В итоге Россия, постоянно, вроде бы выбирая между Западом и Востоком, грозит превратиться, по Гоголю, в «ни то, ни се, а черт знает что!». Вслед за русскими философами-евразийцами А.С. Панарин в своих работах развивал положение об особой, «евразийской» природе российской цивилизации. Подчеркивая специфику России, он, отмечал: «Ведь речь идет о специфическом типе цивилизации, раскинувшейся на просторах Евразии и не являющейся ни собственно славянской, ни исключительно православной, ни европейской или азиатской. Отмеченная Ф. Достоевским «широта» и «универсальность» русского национального духа, готовность русской культуры перевоплощаться, осваивать иные культурные модели, деля их своими, по мнению А. С. Панарина, связана с промежуточным цивилизационным положением России. «Промежуточное цивилизационное положение между Востоком и Западом, Севером и Югом» он отно-

сил к слабости цивилизационных оснований в России. Русскому народу приходилось решать задачи, требующие особой стратегии - универсалистской восприимчивости, нередко предельной мобилизации духа, чтобы справиться и с вызовами сурового климата, и с вызовами воинственных соседей». Это свойство русской культуры, ее готовность, соседствуя с разными цивилизациями, воплощать и примирять гетерогенные культурные начала, подводило к тому, что приходилось быть открытыми: нельзя одновременно сохранять ортодоксальность и герметичность духа. Обратной стороной этой открытости является хрупкость и проблематичность норм, часто готовность сменить их на противоположные.

Поликультурную специфику российской цивилизации отмечает Б.Г. Капустин, который говорит, что «в народно-государственном теле России имеются островки и оазисы и Европы, и Азии», существующие не в качестве «колониальных придатков», но как «живые члены единого тела». Он видит истоки ее разнородности, наличие в ее составе различных нормативных систем, пришедших с Запада и Востока не в «мистике» русской души, не в генотипе нашей общины, не в догматике, обрядности, византийском происхождении русской православной церкви, а в конкретных исторических обстоятельствах формирования российской цивилизации, сложившихся в ходе ее развития. Эти обстоятельства состоят в том, что та социальная ткань, то многообразие народов, из которого она сформировалась, заключали в себе различные нормативные системы, не способные к самопроизвольному сращиванию, конвергенции, синтезу в универсальном для евразийского ареала единстве».

В советский (этнографический) период изучения культуры множества научных школ не сложилось, хотя этническое и культурное многообразие априори существовало и существует поныне. Одной из причин могла послужить идеологическая заданность направления исследований, которая определялась декларацией о предстоящем скоро радикальном сближении культур, и потому малым культурам не уделялось специального внимания. Но вперед продвигалась психология, появилась социальная психология, достижения которых служили основой научной трактовки социокультурных феноменов и закономерностей смены мировоззренческих схем.

С точки зрения отечественных психологов [70], у человека есть две линии развития: натуральная, детерминированная преимущественно генетическими факторами. К натуральным психическим функциям он относит ощущения, восприятие, детское мышление, непровольную память; и «культурная» (историческая), где собственно «культурные» психические явления «надстраиваются над первыми», которая

возникает при появлении общения с окружающим миром. Возникающие при этом сложные формы сознательной психической деятельности или «высшие психические функции»- память, мышление, восприятие, речь (коротко – ВПФ), имеют четыре основных признака – опосредованность, произвольность, системность и социальность. Это означает, что они осуществляются на основе соответствующих мотивов, целей, программ, и подчиняются всем закономерностям психической деятельности. Применение знака, слова перестраивает ВПФ: механическая память становится логической («произвольная память»); ассоциативное течение представлений – продуктивным мышлением и творческим воображением («абстрактное мышление»); импульсивные действия – действиями произвольными («произвольное внимание», «произвольное воображение»). Чем более мощно развитие знаков в поколениях, тем более развиты ВПФ. Общепринятый реестр знаков и знаковых систем, с помощью которых человек овладевал культурным опытом, содержит такие типы знаков: естественные, функциональные, иконические, конвенциональные, вербальные, системы записи, сигналы, индексы, символы. К знакам относятся жесты, речь, ноты, живопись. В рассматриваемом нами контексте система естественных знаков (естественный язык), можно рассматривать как социокультурные рецепторы мультикультурализма, служащие инструментом для транскультурной преемственности и цивилизационной непрерывности. Будучи открытой знаковой системой, естественный язык, даже при частичной утрате базисной лингвокультурной основы, способен к сохранению и неограниченному развитию через заимствования и новообразования, используемые для обозначения результатов научных открытий и других инновационных социокультурных явлений. В первобытных обществах развитие культуры шло именно через понимание естественных знаков, умение извлекать содержащуюся в знаках информацию и способность транслировать её в процессе социализации. Другого пути не существовало, так как массив естественных знаков обыденного опыта не подвергался систематизации, структурированию и формализации. С развитием цивилизации умение понимать и использовать естественные знаки, являвшееся существенным компонентом первобытной культуры, постепенно деградирует, так как вытесняется высокотехнологичными способами получения и ретрансляции знаний. Заменяя первобытные (линейные) способы трансляции знаний высокотехнологичными приёмами, цивилизация, способствует прогрессу. В целом, будучи благом, это может повлечь за собой утрату цепочек естественных линейных межкультурных связей, что служит плохой службой сохранению информации для последующих поколений, - часть знаний утрачивается безвозвратно. Есть области

культуры, в которых донаучные знания и способы ориентации благодаря феномену мультикультурализма сохраняются даже в неблагоприятных для этого ситуациях, например, в области медицины. Английский профессор Ховард Броди, очевидно, высоко оценивая значение древних методов лечения, выдвинул инновационную идею. Он предложил общепринятую врачебную практику ведения лечащим врачом истории болезни сопрячь с рассказом пациента о своём заболевании, с его пониманием причин заболевания, с тем, как оно объясняется в семье пациента, обществе, культуре, которой он принадлежит. Тем самым, через ауто-психоаналитическую экспликацию содержания воспоминаний активировать глубокие пласты архетипических знаний, принадлежащих не только самому пациенту (мультикультурных знаний). Благодаря подобной стратегии архивации мультикультурных знаний, сохраняется цивилизационная преемственность в медицине, повышающая общую эффективность лечебного процесса. [51; 464].

Мультикультурализм обнаруживается и в практиках самоидентификации. Индивид может быть сегодня обладателем нескольких идентичностей: этнокультурных, лингвокультурных, гражданских, региональной, религиозной, и даже вновь заговорили о «классовой» идентичности. При такой множественности идентичностей они могут в ситуациях интеракций вызывать напряжённости. Согласно психоаналитической трактовке, образуя невытесненный набор взаимосвязанных идей, несущих эмоциональную нагрузку, те или иные констелляции идентичностей могут служить причиной внутренних личностных и межличностных конфликтов. Но при любой констелляции идентичностей, регулирующее воздействие на принятие того или иного решения, выстраивание приоритетов оказывает не только сам индивид, но и культурная среда, которую можно назвать «культурная экология».

Опыт реализации некоторых известных моделей «политики мультикультурализма» нашёл отражение в дискуссиях о плюрализме, толерантности, этноцентризме и основаниях либеральной демократии, имевших место в 80-90-е гг. XX в.. В ходе этих дискуссий стало очевидным, что позитивные и конструктивные основополагающие идеи мультикультурных проектов в ходе их воплощения могут подвергнуться профанации, идеологизации и мифологизации. «Выхолащивание» идей мультикультурализма может выразиться в акцентировании различий или, как выразился Славой Жижек, происходит «коммерциализация и сентиментализация мультикультуралистских проектов». [134; 135; 498]. Иногда вопросы мультикультурализма связывают не только с выхолащиванием «критического запала первоначального мультикультурализма», но и с внутренней противоречивостью самого концепта

культуры в том виде, в каком он сложился к середине XX в. Опора на «гердеровское» представление о культуре как индивидуальности, делает исследователей нечувствительными к реальной культурной диверсификации, не дает возможности обнаружения случайных элементов в культуре, межкультурных заимствований, эволюции культурных идей или различных их интерпретаций в зависимости от культурного контекста. [80]. Для характеристики взаимодействия культур (мультикультурности современного мира) используется известный концепт «транскультурности», нацеленный на подчеркивание взаимозависимости и взаимосвязи типологически сходных между собой культур, указывающий на то, что различные способы жизни не «заканчиваются» на национальных границах. [58]. По мысли В. Вельша, в ситуации глобализации и вторичной модернизации национальные культуры очевидным образом превращаются в открытые гибридизированные образования. Расширяя горизонты мира, глобализация даёт людям новые возможности в выборе жизненного пути, увеличивая пространство для самореализации. Мультимедиа, расширяя пространство символического, позволяют локальным культурам оторваться от собственного локуса и перешагивать границы, трансцендировать и возвращаться на свою орбиту, обогащаясь новыми содержаниями. Это и есть невидимая функция мультикультурализма. Сейчас уже многие специалисты, характеризуя современный мир, говорят о том, что он представляет собой «сеть нарративов» [34], для описания которого взамен понятия «сфера» предлагается употреблять понятие «сеть» и не употреблять понятие «интегральное сознание». В другом случае «сеть культур» представляется переплетением различных нитей, в уплотнении образующих культурный «кокон» «Кокон» не являются однообразными, поэтому вводится понятие «новой разнородности». Каждый «кокон» уникален в своих переплетениях, но соткан иногда практически из тех же нитей, что и соседний. Подобные «коконы» незамкнуты, имеют нечеткие, размытые границы и способны оторваться от собственного локуса. [58]. Термин мультикультурализм уже не ассоциируется с прежними националистическими и этноцентристскими дискурсами, не воспринимается как «новая форма национализма», как нечто, «отрицающее единый стандарт», у него своя методологическая линия на расширение мировидения. [483].

2.6. Культурная политика в мультикультурном обществе.

Концепция культурной политики не может быть раз и навсегда определённой, оставаться статичной, потому что фокус ее приоритетов и интересов зависит от принятой в обществе политической идеологии, от господствующих в обществе представлений о природе культурных процессов,

их роли в развитии общества, приоритетности для государства решения тех или иных вопросов культуры, от взаимных обязательствах субъектов культурной политики. Культурная политика предполагает сознательное регулирование процессов в области культуры в ситуациях принятия необходимых решений по всем вопросам, относящимся к культурному развитию многокультурного общества в целом. Исходное условие разработки политики для российских реалий в этом случае - не только достижение согласия между официальными, творческими, общественными силами в отношении приоритетности целей культурного развития, но также и достижение этнокультурного, политического и гражданского согласия в обществе.

При изучении практик культурной политики в разные периоды в нашей стране сделан вывод, что в результате политических событий и последующего отказа от «марксизма-ленинизма» как официальной идеологии, образовался переходный период в области методологических оснований регуляции социокультурной сферы жизни российского общества. За время образовавшегося перерыва обществоведами определены первоочередные задачи. Наряду с анализом тенденций в формирующемся новом мышлении, изучением общественных интенций, разработкой программ социально-экономического развития государства, предпринимаются попытки терминологического переоснащения языка для новой идеологии через мониторинг использования нового формата символики, специфику новых ритуализированных мероприятий и другие маркеры. Попытки модернизировать официальную идеологию начинались с предложений заменить власть КПСС и её традиционную риторику властью Советов. В субъектах федерации разрабатывались свои регионально-специфические проекты, предпринимались попытки пересмотра истории России под новым углом зрения, рассматривались идеи «ускорения», «демократического социализма». Апробировались аппликации с использованием фрагментов прежних моделей, приспособлялись другие идеологические парадигмы, которые могли бы цементировать фрагментирующееся постсоветское российское пространство. Были сделаны выводы, что идеологией может стать та программа, которая будет изложена без опоры на архаические символы и которая получит большее количество сторонников, если она не будет конфессионально пристрастна, если её основные положения будут доступны массовому сознанию и приняты широкой общественностью. Определились три идеологических потока: социалистический, либеральный, национальный (националистический).

Провозглашенная в России либеральная программа модернизации позволила формировать политическую систему, предполагающую мно-

гопартийность, использовать широкие возможности участия граждан в политической жизни государства через общественные организации и новую избирательную систему; предпринять шаги по созданию среднего класса на основе частной собственности через процедуру приватизации.

Рассматривался либерализм, который диктует политику деидеологизации, стремление руководствоваться в решении важнейших проблем прагматически понятыми интересами, который исходит из принципа индивидуальной свободы, отстаивает необходимость приоритета частной собственности, строится на последовательном осуществлении принципа толерантности. Либерализм предполагает наличие развитых институтов гражданского общества. В области национальных отношений предполагает предоставление нациям широкой культурной автономии. Вместе с тем обнаружилось нежелательные и неожиданные для общества последствия в виде снижения социальной защищённости граждан, противоречий республиканских законов федеральным. Казалось, согласно логике либерализма, необходимость повышения потребительских стандартов была вызвана необходимостью повышения жизненного уровня граждан. Однако оказалось, что рост благосостояния обеспечивается не только высокой производительностью труда, но и эффективной эксплуатацией населения. Логика либерализма оправдывает укрепление олигархии, к тому же либеральная модель существования предусматривает возможность проведения колониальной или неоколониальной политики. Наивные ожидания «справедливого дележа советского государственного богатства» не оправдались. Запросы по широкой национальной автономии, почему-то, в некоторых случаях заменили этнонационализмом, стремлением к сепаратизму, и это привело к исходу «неудобных» (в зависимости от региона и его руководства) этносов из тех или иных регионов. В средствах массовой информации развернулась глобальная кампания навязывания потребительских стандартов; ничем не ограниченная свобода трансляции в общество морали, построенной на пошлости и откровенной порнографии, подрывающей нравственные устои молодого поколения.

Развернулись к опыту реального социализма. Социализм исходит из принципа коллективизма, необходимости государственного управления всей жизнью общества и предоставления государством социальных гарантий гражданину. Основой национальных отношений при социализме признаётся интернационализм. Но мы также помним, что внутренняя логика этой идеологии диктует ограничения свобод, «крепкую руку» власти, централизованное регулирование экономики, регламентирование потребления. Общественные объединения не являются полностью самостоятельными, они контролируются государством, для

того, чтобы не стали окном, распахнутым для всех ветров в мир, охраняемый этим государством. Некоторые относят к парадоксам нового времени тот факт, что КПРФ, организованная оппозиция, «сила, призванная обеспечивать реальность демократии в России», в содружестве с представительной властью занимается законотворческой деятельностью, а не мёрзнет на баррикадах, с «оружием пролетариата» за пазухой. Сегодняшние российские социалисты в большинстве своем социал-демократичны, т.е. вполне вписываются в либеральную модель парламентаризма.

Появился симбиоз «национал-социализм», представители которого озаботились идеей необходимости социальной защиты, гарантии работы и образования лишь для представителей своей отдельно взятой этнической группы. Национализм стал рассматриваться на роль идеологии общегосударственного масштаба. Это неизбежно породило напряженности в межэтнических отношениях, обозначились серьёзные опасности структурного характера, угрожающие распадом страны. Однако мир сильно изменился, изменились общественные реалии постсоветского российского общества. Национализм не обрёл у нас полноценного развития и расцвета. Сосуществование в течение многих веков множества этносов и различных конфессиональных пристрастий определило специфические особенности советской/российской нации, которые не позволяют сделать национализм государственной идеологией: расставить по полочкам отдельные этнические составляющие российской нации и тем более отделить их от самого крупного русского этноса, не удаётся. Исторически все они стали компонентами российской нации. Все «нерусские» народы страны говорят, в основном, на русском языке, социо-культурная жизнь всех этносов протекает на основе использования русского языка, даже самоидентификация происходит уже на этой общей основе. Образовалась, не только современная российская нация (русскоязычная), существует целый Русский мир, в который входит сама пространная Россия; выехавшие из страны в разные эпохи пласты русского – советского народа; жители постсоветских государств; пользователи русскоязычного интернета. А феодальный по своей сути национализм должен реанимировать архаичные родовые отношения, которые никак не сопрягаются с реалиями и ценностями современной жизни. Из глубин феодального прошлого взять и модернизировать рабство или другие способы угнетения личности сейчас не удаётся, а предпринимаемые попытки, известные по публикациям в сми, дают уродливые, отталкивающие образцы. И национальное сознание русского этноса, самого многочисленного в стране, не оформилось в русский национализм (и это хорошо!), хотя иногда

можно видеть подмену прямолинейного национализма нелогичным подчёркиванием признаков этнографически понимаемой «русскости», или идеями панславизма, державности, православия. Если рассмотреть социо-культурные особенности поведения и притязаний казаков, наиболее ярких представителей подобного рода идеологом, увидим, что они не покрывают всего комплекса атрибутов, необходимых даже для обрамления этнографические трактуемой «русскости». К тому же, и остальной Русский мир посматривает насторожённо на бешметы под черкесской, папаху, чекмень, нагайку и газыри, какими бы декоративными они уже ни казались, так как они реанимируют ассоциативную цепочку: империя, царь, жестокие методы покорения «иностранцев» и длительная война.

Появляются и идеологические симбиозы, которые, по мнению наблюдателей, «выводят на политическую арену сюрреалистические персонажи: византийствующих демократов, христианствующих коммунистов, «демократически» избранных национальных не то президентов, не то ханов». Некоторые либерально ориентированные политики пытаются использовать язык архаичных символов (кресты, орлы, церковные ритуалы и др.) для демонстрации приверженности русским традициям, но это воспринимается как явный анахронизм или юмореска, а то, что вызывает снисходительную улыбку, демонстрирует латентную несостоятельность. То есть, все они (если воспользоваться ассоциацией с фармацевтическими «дженериками») не могут служить основой для идеологической стратегии - в них нет базового компонента – веры народа. Общество нуждается в ценностях всех выше перечисленных направлений (свобода, социальная защита, реализация потребности в этнокультурном самовыражении, сохранении целостности государства). Особо необходимо отметить, что в идеологических изысканиях, предпринятых в современной России, обнаружилась некоторая универсальная константа - безусловным императивом государственной политики и устремлений общественности признаётся укрепление единства российской нации.

И во многих других странах мира отказались от национализма как государственной идеологии. В цивилизованных сообществах всё отчётливее понимают, что «на глазок» или методом гемотрансфузиологии определить, что за индивид в каждом отдельном случае претендует на звание «свой», уже не представляется возможным. Однако в случаях «специальной необходимости» находятся всё-таки те или иные маркёры. Американцы, к примеру, используют вероисповедание. Религию мы относим к одному из глубочайших заблуждений человечества, тем самым, исключая её из рассмотрения в качестве идеологии государства. Самая же главная причина политической неоперациональности этой парадигмы для нашей страны

(личные предпочтения игнорируются), заключается в конфликтности самого этого основания. Существование множества религиозных предпочтений в многоконфессиональном российском обществе делает невозможным рассмотрение какой-то одной из них в качестве единственной. Проблема эта исследуется, обсуждается не только на государственном уровне, но также и на уровне общественных объединений, самих конфессий.

Во всём мире в настоящее время ни одно государство, ни одна из влиятельных политических сил, общественных движений и других социальных институтов не могут позволить себе обойти стороной такую ключевую тему, как значение интеграции для обеспечения процесса стабильного развития (в некоторых случаях и сохранения) стран с многокультурным гражданским обществом. В различных «публичных сферах», то есть в среде образованной, читающей и пишущей публики, обсуждаются, формулируются политические, социокультурные концепции. Из «публики» эти идеи транслируются в «народ» по мере того, как они становятся доступны для пропаганды через сми. На пространстве Российской Федерации несколько таких «публичных сфер»: московская научная школа; санкт-петербургские писательские, художественные школы; казанская, поволжская, сибирская, южная региональные общественные организации; национально-культурные автономии и др. Эти различающиеся, хотя и не изолированные друг от друга «публичные сферы» и есть пространство функционирования дискурсов и, соответственно, различающихся дискурсивных практик. В этих сферах протекает мониторинг общественных процессов и осуществляется обратная связь. Одной из отмечаемых в последнее время новаций на этом пространстве является стремление части российских народов глубже изучить или восстановить собственную этническую историю. В возрождении интереса к своим корням мы видим веху в развитии социума от истоков до современности. Ничего неожиданного или нежелательного в этом факте нет, – это элемент развития. Логика подобного подхода диктует необходимость обозначения (предвосхищения) контуров социума в ближайшей перспективе. Задача эта, на наш взгляд, первоочередная для Российской Федерации, и в определённой мере непростая, так как феноменом российского общества является наличие более ста шестидесяти государствообразующих народов, следовательно - более ста шестидесяти, образно выражаясь, «несущих конструкций», стрержневым среди них является русский народ. Для нашего государства важно контролировать баланс межэтнических взаимоотношений, так как они являются в неменьшей степени значимыми, чем обеспечение финансово-экономической безопасности государства, тем более, что в России

имеются весьма специфические особенности, характеризующие структуру российской нации. Российские народы (более ста народов по последней переписи 2010 г.) не являются «пришлыми» – они все коренные, и по идентичности – «россияне». [3; 16; 117; 130; 217; 271; 320; 354; 409].

Идентичности придает особенное значение «глобальный» мультикультурализм. В философии, логике и математике эквивалентом идентичности выступает тождество. В психологии и социологии подход к идентичности представляется более сложным. Американский психолог Э. Эриксон, который разработал и ввел в научный оборот понятие идентичности, определяет его как устойчивое равенство с собой («самотождественность»). По своей природе любая идентичность является прежде всего «культурной». Именно культура составляет фундамент идентичности, определяет главные ее качества и особенности, Она может быть индивидуальной или коллективной (расовая, этническая, национальная). [426]. Применительно к индивиду идентичность означает то, благодаря чему он остается самим собой в различные моменты своей жизни. Она составляет ядро, стержень личности, ее уникальность и неповторимость. Благодаря идентичности человек ощущает, чувствует и сознает себя в качестве состоявшейся личности, испытывает чувство самоутверждения, самодостаточности, самоудовлетворенности, самотождественности, целостности. Коллективная идентичность это не только и не столько принадлежность индивида к узко трактуемому комьюнити, принадлежность к какой-либо группе или сообществу, оно может быть тесно или чуждо индивиду. В более широком плане коллективная идентичность выражает чувство принадлежности эпохе, времени, человечеству.

Проблемы противоречий в межэтнических взаимоотношениях, деление на «своих» и «чужих» сопровождают жизнь людей с глубокой древности. Александр Македонский, к примеру, для придания большей устойчивости своей власти в завоёванных владениях, помимо введения единой валюты и объединения рынков Европы, Азии и Африки, поощрял заключение браков между персами и греками. Америка убедила свою нацию в том, что предложенная ею «универсальная» модель человеческого сосуществования - их государство «есть последняя форма человеческого общества». Английский историк А. Тойнби назвал это «миражом бессмертия». [357]. Под влиянием этой идеи бессмертия находилась Римская империя, феодальное государство - халифат Аббасидов, Монгольская империя, Османская (Оттоманская) и Британская империи. Граждане подобных универсальных государств, «совершенно пренебрегая очевидными фактами: склонны считать его не пристанищем на

ночь в пустыне, а землей обетованной, целью человеческих стремлений».

Очевидным выводом из ознакомления с опытом апробации множества вариантов устройства многокультурных, многоэтнических обществ может быть один – нацию должна объединять ясная общепринятая идея. Она не обязательно выражена в форме манифеста или доктрины. Документы общего характера, конституции, отдельные концепции, доктрины, отраслевые кодексы могут содержать все необходимые идеологические принципы. Задачей культурной политики является их формулирование и дальнейшее продвижение как объединяющей нацию идеологии, не навязывая её как догму.

Например, состоящее из иммигрантов американское государство первоначально сделало ставку на систему образования в деле воспитания американцев в духе патриотизма. Школы специально покупали флаг США, на котором ученики давали клятву верности государству. Она ещё называется «клятва верности американскому флагу»; написана к 400-летию открытия Америки (1892), впервые произнесена в октябре 1892 г. школьниками государственных школ на юбилейных торжествах в День Колумба во время церемонии поднятия государственного флага. Таков её первоначальный текст: «Я клянусь в верности моему флагу и республике, которую он символизирует: единой неделимой нации со свободой и справедливостью для всех». Существует также присяга как обязательный элемент принятия гражданства США и отказа под присягой от прежнего гражданства. Введена Конгрессом США в 1802 г. Присягающий вслед за секретарем суда повторяет текст: «Настоящим я клятвенно заверяю, что я абсолютно и полностью отрекаюсь от верности и преданности любому иностранному монарху, властителю, государству или суверенной власти, подданным или гражданином которого я являлся до этого дня; что я буду поддерживать и защищать Конституцию и законы Соединённых Штатов Америки от всех врагов, внешних и внутренних; что я буду верой и правдой служить Соединённым Штатам; что я возьму в руки оружие и буду сражаться на стороне Соединённых Штатов, когда я буду обязан сделать это по закону; что я буду нести нестроевую службу в вооружённых силах США, когда я буду обязан делать это по закону; что я буду выполнять гражданскую работу, когда я буду обязан делать это по закону; и что я произношу эту присягу открыто, без задних мыслей или намерения уклониться от её исполнения. Да поможет мне Бог».

Американская присяга одна из самых жестких и обязывающих; у других стран тоже есть присяги, но они более простые и менее требовательные; есть также страны, где натурализация более трудна и менее

распространена. Иммиграция и натурализация потребовали именно такого типа присяги, поскольку натурализация означала принятие не только новой государственной идентичности, но также и нового национального самосознания, новой национальной принадлежности. Термин натурализация подразумевает создание природных, естественных (natural) отношений с государством. Столкновение с обязанностями гражданина действует весьма отрезвляюще.

«Тихая революция» неомарксистов в середине XX в. также началась именно с ситемы образования. По поводу интеграции европейских волн мигрантов президент США (1825-1829 гг.) Дж. К. Адамс говорил, что приезжие должны сбросить европейские одежды и никогда больше к ним не притрагиваться [403]. В дальнейшем эту политику жёсткой ассимиляции мигрантов Соёдинённых Штатов (равно как и Канады), сменила политика культурной ассимиляции через городскую культуру развлечений, получившую название «массовой культурой». Однако вопрос этнической принадлежности по-прежнему, оставался краеугольным камнем в построении общественных отношений и формировании американской культурной идентичности. С годами он становился всё более острым и противоречивым: политическая нестабильность Старого Света, вызвавшая массовую иммиграцию из стран Южной и Восточной Европы в 1880 гг., захлестнувшая Америку, достигла своего пика в 1914 г., вынудив Конгресс установить (в 1921 г.) «потолок» в 150 тысяч иммигрантов ежегодно. На рубеже XIX-XX веков волна расового и антииммигрантского насилия стимулирует возникновение концепции «плавильного котла», превратившейся позже в стержень культурной политики США. Несмотря на то, что впервые идея была выдвинута ещё в 1780-х гг. Эктором Сент-Джоном де Кревекером, констатирующим, что «представители всех народов словно сплавляются в новую расу», на современные очертания теории повлиял показ в 1908 г. пьесы «Плавильный котел» («The melting pot»), написанной британцем Израелем Зангвилем. Плавильный котел явился наиболее неоднозначным символом американского общества, из всех, которые когда-либо существовали. С одной стороны, он указывает на основную особенность современной американской культуры: на её внутреннее разнообразие и многоликость, что можно сказать и об американском обществе в целом. А с другой, - этот термин воплощает в себе направляющее течение в истории формирования мультикультурного социума США, отрыв от этнических корней и погружение в огромный унифицирующий мультинациональный плавильный котел. В 1915 г. Х. Коллэн (Kallen) разрабатывает концепцию «салата», кото-

рую впоследствии именует теорией «культурного плюрализма»[403]. Согласно теории общественные группы объединяются происхождением, а не культурой. В настоящее время среди ученых всё больше распространяется мнение, согласно которому современное американское общество и, соответственно его культура, представляет собой скорее салат, нежели плавильный котел. Это иллюстрация того, что различные культуры Америки не плавятся, превращаясь единую унифицированную гомогенную культуру, а вступают в кросскультурный диалог, сохраняют свои историко-культурные особенности, не синтезируясь друг с другом. Существует и другая модель американской идентичности - «томатный суп», фокусирующаяся на культурной ассимиляции и «основанная на допущении, что иммигранты и их потомки адекватно адаптируются к англо-саксонским культурным паттернам»[403; 407]. Более точная, нежели остальные модели, она прекрасно работала с волнами иммиграции до 1960-х гг. Эти концепции, как и многие другие, стали порождением своего времени и были призваны обслужить определенную политическую доктрину, после чего спрос на них снижался. Несмотря на адаптацию и ассимиляцию с доминирующей ценностной парадигмой, историко-культурные традиции внутри этнических сообществ сохранялись настолько тщательно, что «пришлые» культуры не могли раствориться до конца, становясь своеобразными очагами культурного наследия народов.

Иной вариант культурной политики рассматривается представителями Франкфуртской школы. Американские политики анализируют теорию франкфуртцев, породившую, на их взгляд, «культурный пессимизм», безнадежность и отчаяние по отношению к собственной стране. Эта теория, по их мнению, подвергает критике все без исключения элементы западной культуры, а также институт семьи и другие традиционные ценности, искусственно «криминализирует» средний класс. Отмечается, что индустрия развлечений полностью поглотила идеологию марксистской культуры и проповедует ее не только напрямую, но и иносказаниями: сильные женщины побеждают слабых мужчин, дети оказываются мудрее родителей, честные прихожане разоблачают вороватых священников, черные аристократы справляются с насилием в районах белой бедноты, гомосексуалистов принимают в лучших домах. Это все сказки, извращения реальности, однако масс-медиа делают из сказок быль, превращают их в реальность». [52]. Но такого рода выводы - большая редкость в аналитической литературе.

Выражением диалектического принципа развития может служить отмечаемая в ряде развитых стран тенденция к унификации культурных традиций и на этом фоне – стремление людей сохранить остатки

своей социокультурной самости. В самих же современных США отмечается тенденция к «консервации», самоизоляции и замыканию внутри этнических сообществ. Некоторые наблюдатели, из числа жителей американских штатов, сами удивляясь, говорят: «Такое впечатление, что в Америке культура остановилась». Приоритетом становится диаспоральность и этничность, нежели наднациональные мировоззренческие категории и политические установки. Стремление к сохранению уникальных традиций, социокультурных и этноконфессиональных особенностей народов, а также государственного суверенитета рождается как естественная реакция общества на многоуровневую унификацию, глобализационное «размывание» границ. Эти факты свидетельствуют о диалектической противоречивости реакции обществ на глобализацию мира – непротивление монокультурализации и стремление сохранить своё культурное ядро. Почти 2 миллиона лет глобализация мира сопровождалась мультикультурализацией человеческих обществ, а сегодня глобализация мира унифицирует культурное пространство. - и культура совершает новый виток в своём развитии.

Диалектический метод это метод аргументации в философии, а также форма и способ рефлексивного теоретического мышления, имеющего своим предметом противоречие мыслимого содержания этого мышления.[259]. Начиная с Гегеля, диалектика противопоставляется метафизике - такому способу мышления, который рассматривает вещи и явления как неизменные и независимые друг от друга. Считается, что с прогрессом науки содержание диалектики меняется. Диалектические принципы, первоначально сформулированные Ф.Энгельсом в 1878, в интерпретации философов XXI века (Ж.- М. Бром) излагаются несколько иначе и применительно лишь к человеческой деятельности. 1. Движение и изменение. 2. Взаимодействие (или взаимозависимость) 3. Противоречие как сила созидания 4. Переход от количества к качеству (цепи и разрывы). 5. Отрицание отрицания: тезис, антитезис и синтез (принцип развития по спирали). Материалистическая диалектика нашла ряд подтверждений в биологии: живые организмы подчинены бесконечным изменениям в своем метаболизме и эволюции. В этом смысле, концепция диалектики природы, предложенная Энгельсом, может быть использована и в современности. В XXI веке имеются работы, в которых диалектика вводится в науку, наряду с диалектическим материализмом Маркса и Энгельса. Так, согласно Э.Санчес-Паленсия, диалектика позволяет разрешать парадоксальные и необычные противоречия во всех видах знаний, в науке. По его мнению, диалектика, по сути, не логика со своими точными законами, а общий каркас, обрамляющий эволюционные явления. [300].

Глава III

Культурная политика в современной мультикультурной России

3.7. Российский мультикультурализм как культурно-политическая проблема.

В отличие от европейского мировидения, согласно которому количество этносов в нации больше трёх-пяти и наличие перманентной прослойки мигрантов это уже социально-политическая и культурологическая проблема, в России, с представленностью в нации более ста коренных этносов, социокультурные проблемы не связываются с количеством этносов. Осторожное оперирование современным термином «мультикультурализм», которым описывается во многих странах состояние взаимодействия этносов, является подтверждением сложности российской политико-социо-культурной ситуации на этапе смены парадигмы, а не показателем способности/неспособности массового сознания и отдельных индивидов к сложным формам и скорости рефлексии. В нашей лингвокультуре для обозначения нынешней констелляции этнокультур и государственной стратегии в регуляции их взаимодействия, взамен «пролеткульту», «государственной национальной политике», «дружбе народов» пока общепринятого термина не сложилось. Компактный, постмодернистский термин «мультикультурализм», казалось, призванный отразить отечественную социокультурную реальность, трактуется не однозначно, не всеми однозначно принят, им подменяется множество родственных понятий. Вопрос проблематизировался, когда мультикультурализм стал позиционироваться в качестве теоретико-методологической основы культурной политики в постсоветском российском обществе. Сложно балансировать культурную политику в обществе, которое и после «перестройки» не стало монокультурным, моноконфессиональным, но в то же время многое в нём изменилось. Более двух десятилетий (до 2012 года) стратегия государственной внутренней политики (как это было принято и привычно) не была оформлена в виде манифеста или доктрины. Это можно объяснить сложностью политического переходного периода, подвижностью терминологии, сложностью проблемы. Известно, чем сложнее и разнообразнее совокупность понятий для одного явления, тем оно более значимо и весомо в данной культуре. И, чем явление менее значимо, тем грубее языковая дифференциация. Так, например, раньше в классическом арабском языке было более 6000 слов, которые относились к верблюду. В настоящее время многие из них исчезли из языка, поскольку значение верблюда в повседневной арабской культуре уменьшилось. В языке эскимосов существует более двадцати слов, описываю-

щих снег в разных состояниях - важнейшая часть природы, на которой базируется большинство элементов их культуры. Для других же снег - это просто погодное явление, snow (снег) и slush (слякоть). [237]. Показательна судьба другого термина - «постмодернизм», который «к большому замешательству историков литературы, стал ходячим выражением даже раньше, чем возникла потребность в установлении его смысла». [210].

То есть, культурная политика - явление социально-государственное, а потому конкретно-историческое. В разных государствах не может быть идентичной культурной политики, если типы или модели культурной политики могут совпадать или быть родственными, то конкретное наполнение будет разным. Но осознание того, что императивом нашего времени является необходимость приспособления к мультикультуральности мира, характеризует большинство обществ. К мультикультурализму, как к социокультурной реальности, как к культурологической категории, как к методологической теории культурной политики, как к идеологии, к практике культурной политики и т.д., можно относиться по-разному, но мультикультурализм есть - даже в модусе его отрицания, и рефлексия должна совершаться беспристрастно над этой реальностью. В российском дискурсе мультикультурализм имеет своё звучание. В культурной политике нашего государства мультикультурализм имплицитно присутствовал всегда, как политика, главной целью которой была гармонизация отношений между многочисленными «нациями и народностями» (как было принято говорить в советский период). Мы считаем, что эта линия, являющаяся надёжным фундаментом для укрепления многоэтнического российского народа, сохранена и в новой стратегии государственной внутренней политики. В ней нашли отражение все важные для государства и общества вопросы: как должна строиться современная российская культурная политика, какие приоритеты и культурные ценности должны быть положены в ее основание, насколько эта политика должна быть уникально российской или формироваться с учётом глобальных тенденций и многие другие. [1; 2; 7; 13; 68; 87; 109; 128; 131; 132; 159; 160; 161; 162; 185; 192; 204; 206; 242; 260; 266; 272; 292; 297; 316; 320; 331; 401].

Сегодня множество субъектов пытаются все более самостоятельно действовать на поле культурной политики, ориентируясь, прежде всего, на собственный экономический и культурный потенциал. Свою концепцию имеет и действующая в стране Русская православная церковь. В данном параграфе мы рассматриваем мультикультурализм как российскую культурно-политическую проблему, связанную с влиянием религии и религиозных институтов, действующих в качестве субъектов культурной политики.

Генезис культуры изначально связан с рождением суеверий, страхов, с языческими верованиями, мифами и традициями народов, т.е. – с развитием религии. Именно религия, исторически во всём мире имеющая большое влияние на формирование мировосприятия, сформировала архетип непримиримости во взаимоотношениях между различными конфессиональными группами. Конфессиональная непримиримость, пройдя сквозь века, согласно закономерностям протекания психических процессов (закон «переноса» и др.), расширившись, стала апробированной практикой неприятия *иного*. Как показывает многовековой опыт, межконфессиональное согласие остаётся всё ещё не достигнутым. Современному государству в решении своих светских проблем искать опору в церкви не приходится. Церковь верна своей извечной задаче – властвовать над умами людей единолично. В этом убеждает опыт многовековой практики рассогласования позиции как внутри христианской религии, так и между православной церковью и экуменизмом, которые формируют в массовом сознании стереотипы неприятия «иного», на которые, в свою очередь, ориентируется власть, выстраивая стратегию государственной внутренней политики, и другие субъекты культурной политики.

В отличие от конфессиональной идентичности, культурная идентичность индивидов подвижна, межкультурные переходы допустимы, культурная отнесённость произвольно изменяется и происходит без принуждения. Для религиозной диффузии не существовало (и всё ещё не существует) пространства: ты - либо православный, либо католик, протестант и т.д. По словам К. Уилбера, в прошлые времена, если вы, скажем, рождались китайцем, то, скорее всего, вам суждено было просуществовать всю свою жизнь в одной культуре, нередко – в одной провинции, иногда в одном доме, живя, любя и умирая на нескольких пядях земли. Сегодня глобализация мира втягивает в орбиту взаимодействия не только развитые культуры, но и находящиеся на стадии приручения огня, люди мобильны, информационно оснащены для диалога. Как говорят исследователи, за последние тридцать лет мы стали свидетелями не имеющей исторических прецедентов ситуации: теперь нам доступны все культуры мира. В глобальной деревне все культуры обнажены перед остальными [417], мы привыкаем к непривычным формам культуры, рассматривая их как разнообразие форм культуры, сформировавшееся исторически без нашего участия, независимо от наших эмоциональных оценок: мультикультурализм это социокультурная реальность сопровождающая жизнь человеческих обществ на всех этапах с самого раннего и по сей день. Феномен контркультуры

демонстрирует существование мультикультурных практик взаимодействия. Контркультура это не отдельная субкультура, а конгломерат различных идеологий: утопические и раннехристианские традиции, леворадикальная философия, экзистенциализм, неотрейдизм, романтизм, восточная мистика, эзотерика, авангард двадцатых годов, практика ранних хиппи и др. Такая констелляция теоретических конструктов не мешает культуре, ей всё равно, сколько в ней и каких течений и теоретических конструкций, это важно для людей и государств, выбирающих вектор культурной политики и её стратегических целей. Толерантность общества и индивидов к многокультурности является базовой характеристикой для культурной политики, позволяющей выстраивать конструктивное взаимодействие внутри государства. Мультикультурализм, который основан на толерантности, позиционируется как наиболее приемлемый вариант теоретико-методологической основы культурной политики в многокультурных обществах, однако в целом ряде обществ с большим числом верующих, стереотипы религиозных традиций неприятия *иного* сковывают индивидуальное и массовое сознание.

Неприятие мультикультурализма, трактуемого как толерантность к иным религиозным традициям, восходит к девятому веку (864 г.), периоду Римской империи, и связан с экуменизмом. Понятие «экуменизм» происходит от греческого слова «ойкумена» («обитаемая вселенная»). Позже оно обрело второе значение - обозначение либерального диалога религий, относительное признание истинности и иных верований, иных духовных путей, помимо христианского. Сторонники православной Церкви считают экуменизм общим названием всех видов псевдохристианства и всех псевдоцерквей Западной Европы, «...общее евангельское название которому: ересь». [304; 305]. Между тем, согласно историческим фактам, вся религиозная жизнь Римской Империи была *экуменической*. После распада Римской империи в 395 году на Западную и Восточную, последняя стала именоваться Византией. Такое название ей дали европейские мыслители Нового времени, отделив Византию от греко-римской культуры и приписав ее к восточному типу культур. Однако сами византийцы себя называли ромеями, а свою столицу Константинополь – вторым Римом. Во 2-й половине 9 в. возросло влияние церкви. Византийская церковь, обычно покорная императорам, при патриархе Фотии (858—867 гг.) стала отстаивать идею равноправия духовной и светской власти, призывала к активному осуществлению христианизации соседних народов с помощью церковных миссий; пыталась ввести православие в Моравии; используя миссию Кирилла и Мефодия, провела христианизацию Болгарии (около 865 г.). Разногласия между

константинопольским патриархатом и папским престолом, привели в 1054 г. к официальному разрыву (схизме) между восточными и западными церквами [с этого времени восточная церковь стала называться грекокафолической (православной), а западная - римско-католической]. Однако окончательное разделение церквей произошло после 1204 г.

Христианские служители утверждают, что распад Византии начался именно из-за попыток либерализации церковных установлений - с Церковной Унии. Уния объединяла православную и католическую церкви, провозгласив «необходимость объединения всех вероисповеданий, именующих себя христианами, вне зависимости от истинности или ошибочности любого из них». Объединение Восточной (православной или древневосточной) и Западной (Римско-католической) церквей состоялось на условиях признания Восточную церковь католической эkkлезиологии и догматики (включая папский примат), но при сохранении ею восточного литургического обряда. Церкви, образовавшиеся в результате унии, именуются Восточно-католическими. Восточно-католические церкви византийского обряда называются грекокатолическими (в православных источниках также именуются униатскими). [304; 305].

Добивались заключения церковной унии начиная с XIII века не только римские папы, но и прагматичные византийские императоры, которые рассчитывали на помощь папства в объединении усилий против многочисленных врагов Византии, прежде всего против турков-сельджуков. Несмотря на сопротивление большей части православного духовенства, в 1274 г. была заключена Лионская уния, в 1439 г. - Флорентийская. Однако сторонники Православной Церкви упорно продолжают считать **экуменизм** лжеучением, особенно за следующие пять деклараций. 1) Церковь, которую основал Христос, по историческим причинам с течением времени разделилась на три основные ветви: православие, католицизм, протестантизм и его многочисленные разновидности, которые все вполне равноправны. Они являются результатом человеческой деятельности, следствием политических и национальных разногласий, и потому все одинаково несовершенны. Необходимо устранить эти искусственные разногласия и воссоединить различные религиозные конфессии, вернувшись к первохристианскому единству. Противники экуменизма считают лукавством эти рассуждения, утверждая, что никакого разделения церквей никогда не происходило. «Церковь эта неповрежденно существует и поныне, приняв наименование Православной, то есть правильно славящей Бога». 2) Каждая из разделившихся церквей хранит свою часть Божественной Истины, и никто не может претендовать

на обладание её полнотой. 3) Нравственным основанием экуменизма является любовь, повинаясь зову которой, экуменисты стараются уничтожить в религиозной области все разногласия и разделения, утвердить повсюду мир и единение. 4) Заявление о «внеполитическом» характере экуменизма. 5) Стремление убедить верующих в том, что в рамках экуменического движения они остаются лишь для того, чтобы «свидетельствовать инославным об истинах Православия». Православная церковь возражает: таким свидетельством является вся жизнь Православной Церкви. Из века в век спасительная церковная благодать привлекала к себе сотни миллионов людей, жаждавших спасти свою душу и обрести высший смысл жизни. Никаких дополнительных «свидетельств» истины откровения божия не требуют. Для их усвоения от человека требуется лишь раскаяние в грехах и добрая воля. И более – ничего.

В России широкое соборное обсуждение проблемы экуменизма было проведено единственный раз в 1948 г. в Москве на Конференции Православных Поместных Церквей. В итоговой резолюции отмечалось, что «целеустремления экуменического движения не соответствуют идеалу «христианства», что «создание Экуменической церкви как влиятельной международной силы есть падение перед искушением земной власти и уклонение на нехристианский путь», что «экуменическое движение не обеспечивает дела воссоединения церковей благодатными средствами». Резолюция постановляла: «Отказаться от экуменического движения». До настоящего времени никто даже не пытался оспорить значимость этого документа и его каноническое достоинство. Но сегодня вопрос об отношении к экуменизму вновь актуализировался. Состоявшийся в 1994 г. Архиерейский Собор констатировал «необходимость подвергнуть все вопросы, беспокоящие духовенство и мирян нашей Церкви в связи с ее участием в экуменическом движении, тщательному богословскому, пастырскому и историческому анализу и переосмыслению». Православные христианские церковные власти, по-прежнему, отвергают экуменизм и напоминают верующим исторические факты, согласно которым первые попытки насаждения экуменизма сопровождались насилием. Первым мученикам - христианам предлагался экуменизм как раз в его нынешнем значении – как мультикультурализм. В камерах пыток от древних христиан именем Римской Империи требовали не отказаться от Христа, а признать, что все религии - более или менее равноправны. Ведь, в представлении римского гражданина Империя стоит выше любых частных интересов, она объединяет не только народы и их культуры, но и веры всех ее народов. И христианству предлагалось войти наряду и на равных условиях

с языческими религиями. А для христиан это абсолютно неприемлемо, так как Священное Писание гласит, «все бози язык бесови» (Псалом 95: 5), то есть, «все боги языческих народов – бесы». Искаженными они считали и представления империи о самом Божестве.

Современная Православная церковь по-прежнему считает, что экуменизм разлагает понимаемую ими культуру, которая есть «не только стремление к красоте, не только некие идеалы, но и очень строгий набор запретов. Экуменизм же далёк от тех идеалов, что проповедует христианство». Попытки создания «универсальной» религии оцениваются с христианской точки зрения как подготовка к воцарению Антихриста, так как стирание любых границ и граней - религиозных, национальных, идеологических - приводит к утрате самобытности, чувства национального достоинства, ощущения истории родной страны. А Русская Зарубежная Православная Церковь (РПЗЦ) вполне официально внесла в богослужебный чин анафематствование экуменистам следующего содержания: «Нападающим на Церковь Христову и учащим, что она разделилась на ветви, и тем, кто имеет общение с такими еретиками, или способствует им, или защищает ересь экуменизма, полагая ее проявлением братской любви и единения разрозненных христиан, - Анафема!». Таким образом, по сути, оказался преданным анафеме и светский мультикультурализм, как теория, признающая равноценность культур и традиций, не противоречащих гуманистическим законам человеческого общежития. Например, в Православии принять на равных англиканство считается невозможным из-за «вырождения в англиканстве истинной веры». Осуждающие экуменизм российские православные священники, побывавшие в Англии, где государственной религией является англиканство, свидетельствуют, что «*православие* хранит всё утраченное ими». В Англии, по их мнению, где разграбление храмов, отрицание святых и уничтожение их мощей произошло еще при короле Георге УШ в шестнадцатом веке, сегодня церковь от государства не отделена, священники исправно получают государственное содержание, но англикане не хотят идти в храмы. В Англии - храмы пустые. Протоиерей Александр Ильяшенко говорит, что «...англикане утратили полноту жизни во Христе, впали в ересь. И нас при этом призывают с ними объединиться? Это просто смешно!».

В настоящее время изменой Христу считается и деятельность таких официальных экуменических организаций, как Всемирный Совет Церквей (ВСЦ). Осуждая проводимые ими экуменические ассамблеи, ряд православных церквей из ВСЦ уже вышли, обсуждается вопрос о выходе из него и Русской Православной Церкви (РПЦ), т.к. это сня-

ло бы и ряд противоречий, препятствующих воссоединению с Русской православной церковью за рубежом (РПЦЗ). Взгляды на возможность сотрудничества всё-таки за эти столетия немного изменились, и в 2014 г. частично это воссоединение произошло. Как разъясняют отечественные эксперты, участие РПЦ в работе ВСЦ не является препятствием для восстановления евхаристического общения между РПЦ и РПЦЗ, так как вопрос работы в ВСЦ - это вопрос внешней политики церкви, но никак не вопрос вероучения.

В то же время, религиозные служители сетуют, что современная цивилизация способствует экуменизму, который проповедует, что Бог является в разных своих образах, в различных воплощениях во всех религиях, размывая тем самым не только нравственные границы, но и границы религиозного вероисповедания. Этим принимается индуистская философия, берется на вооружение не христианское вероучение, а «страшное по своей духовной сути» языческое вероисповедание. Если мы утверждаем, что Бог - един во всех религиях, то эта вторая часть фразы опрокинет первую. Потому что, какое единство может быть у нас, православных христиан, с теми религиями, в которых, например, совершается ритуальный блуд, - в так называемых фаллических культурах, ритуальные убийства. Или когда используются наркотики, психотропные, пусть и природные вещества, чтобы прийти в возбужденное духовное состояние, и приходящий в иступленное состояние человек начинает нечто вещать, а присутствующие должны воспринимать это как откровение некоего божества. [305]. Русская Православная Церковь, позиционирующая себя как хранительница нравственности, чистоты веры, возмущена необходимостью, подчиняясь велению времени, «требованиям» глобализирующегося мира способствовать экуменизму: стереть границы стран и континентов, жить единым человечеством, объединить мир - через единую валюту, прозрачную экономику. Стирание любых границ и граней - религиозных, национальных, идеологических - приводит к утрате самобытности, чувства национального достоинства, ощущения истории родной страны. [304; 305].

Ни одна из церквей не считает возможным поступиться своими догматами. Каждая из церквей почитает себя «единой святой, кафолической (соборной) и апостольской Церковью. Православная церковь считает, она - от апостолов, неизменная, а католики постоянно модернизировались, и эти, не от апостолов изменения, принять православные не могут. Католичество считает себя естественным и логичным направлением в христианстве, т. к. первый папа был из 12-ти апостолов, лично видевший Христа. Православие появилось, по их мнению, в результате

ссоры двух претендентов на папский престол, которые после произошедшего раскола на Западную (Католическую) и Восточную (Православную) церкви взаимно прокляли друг друга. Православная церковь призывает верующих быть настороже, т.к. «...история помнит крестовые походы, инициированные католичеством против православия, а официальное раскаяние в этом Папы в современности, говорит об ослаблении позиций католицизма в Европе, о том, что они гораздо больше нуждаются в поддержке православия». Сегодня католичество готово к примирению, православие - нет. Так, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II назвал «Вторжением на Русь» и попыткой насильственного насаждения католичества в России состоявшийся в марте 2002 г. в римско-католическом кафедральном соборе Непорочного Зачатия в Москве телемост «Ватикан-Москва», с последующим прямым общением в молитве: Рим-Афины-Москва-Будапешт-Страсбург-Валенсия. [352]. А выглядело это «вторжение» следующим образом. Верующими молитвы читались попеременно с папой. Затем следовало совместное чтение «Розария» - традиционной католической молитвы, представляющее собою чередование молитвы господней «Отче наш» и латинского, несколько усеченного, варианта молитвы «Богородице Дево, радуйся», известную по первым словам «Ave, Maria» - «Радуйся, Мария».

Существуют и другие нарративы неприятия экуменизма, такие как «внутрихристианский», речь идёт об отношениях между католиками и протестантами; и прозелитизм - о возможности/невозможности взаимного обращения в веру. Православными приводится хрестоматийный пример возвышения своей веры, добровольного обращения в свою веру. В христианстве почитается святой Апостол Павел (именованный «апостолом язычников»), не входивший в число двенадцати апостолов, и участвовавший в юности в преследовании христиан (Рим. 11:13). Он пережил опыт встречи с воскресшим Иисусом Христом, это привело его к обращению и стало основанием для апостольской миссии. Ему приписываются слова: «никто не может называть Иисуса Господом, только как Духом Святым» (1-е Послание к Коринфянам 12: 3). То есть, богочитание Иисуса Христа возможно для человека только при помощи благодати Святого Духа. Но и протестант называет Христа Богом, исповедует Его Сыном Божиим, одним из Лиц Пресвятой Троицы». На вопрос, «значит ли, он делает это «Духом Святым», священнослужители, как правило, испытывают затруднения с ответом и обращаются к художественной литературе, чаще - к выражению Ф.М. Достоевского о том, что «красота спасёт мир». Они предлагают вникнуть в православное вероучение, которое «представляет собой огромный пласт

человеческого знания и опыта, глубоких религиозных и философских исканий», тогда обнаружится, что все это как раз и «можно объединить в одном понятии – красота, и эта красота, как мы твердо верим, лишней раз свидетельствует об его истинности». Приводится и «научный» довод: «...даже современное естествознание пришло к мысли, что любая новая научная теория, пытающаяся объяснить некие природные явления, должна обладать некоторыми определенными качествами - в том числе и интеллектуальной (порой математической) красотой. Это - одно из требований к теории. Православное вероучение обладает этой потрясающей внутренне самосогласованной красотой». Православные священники считают, что католичество и «тем более» протестантизм резко нарушили эту красоту и гармонию; в этих вероучениях множество нестыковок - грубых или малозаметных. В них присутствует тонкая ложь и некоторое снижение идеала, всегда есть приспособление к текущим нуждам живущего в конкретную историческую эпоху человека, который «не понимает подлинного вечного христианского идеала».

Новые веяния, всё же, затронули и эту консервативную сферу: появились случаи совместной молитвы с представителями других исповеданий или предоставление своих храмов иноверующим. Конечно, это, прежде всего, происходит на форумах ВСЦ и других экуменических организаций, вроде известного случая, когда статуя Будды была установлена для молитвы на престоле католического храма в городе Ассизи. Общие экуменические моления могут совершаться и индивидуально. Но прецедентов немного, известен поступок современного иконописца архимандрита Зинова (Теодора), который причастился во время католической мессы, решив на личном уровне преодолеть разделение Востока и Запада. Правящим местным архиереем он был запрещён в служении, запрет не снят до сих пор. Приход и служители посчитали это недопустимой ошибкой и личной трагедией отца Зенона. Проблема состоит в том, что причастие составлено как мистический акт предельного единства человека с религией, признание истинности и верности той церкви, в которой он причащается. Если кто-то причащается у католиков, тем самым он утверждает, что католическое вероучение истинно. Совершив этот поступок, человек тем самым отрекается от православия. Этот пример может, по мнению не христиан, служить показателем оправданности того обвинения, что, называя католиков или протестантов «еретиками», православные крайне нетерпимы, излишне резки. Православные оправдываются тем, что не могут поступиться чистотой своей веры, т.к. вера - это сокровище, которое ценой огромных мученических страданий, молитвенных воздыханий, постнических подвигов досталась им

от предков. Это дар, который они должны хранить и которым не имеют права распоряжаться по своему усмотрению, ибо все это принадлежит не только им одним и заслужено не ими. И потому, когда посягают на их веру, они должны быть нетерпимы. Что касается грубого слова, употребляемого по отношению к тому или иному исповеданию, и здесь находится объяснение. «Еретик» происходит от слова «ересь», означающего в переводе с древнерусского «выбор». Значит, эти люди в свое время сделали свой выбор - и выбор неправильный. Назвать их «еретиками» - значит просто констатировать факт: «вы выбрали то, что мы, православные, по совести выбрать не можем, и мы это констатируем».

В отношении того, что жизнь идёт вперёд, и церковь должна развиваться, модернизировать как-то церковные догматы, ответ тоже имеется, даже два ответа. На Западе существует богословская теория, согласно которой бог на протяжении веков открывает церкви все новые и новые догматы, отчего она все более и более совершенствуется, достигает все большего знания о боге. Православие это учение отрицает, утверждая, что Господь уже открыл полноту истины в Священном Писании и Священном Предании - явившись на землю и сам живя с людьми. Своим крестным страданием, смертью, воскресением, вознесением господь открыл людям эту полноту истины. Церковь хранит эту полноту. Догматы, как и христианский нравственный закон, открыты Церкви раз и навсегда. В то же время они признают что, конечно нельзя сказать, что богословская наука должна стоять на месте. Богословие учитывает изменения в мире, обществе и вносит некие изменения свои методы, иначе современная молодёжь не приходила бы в церковь. В стране ежегодно открывается по три церкви. Светская же общественность считает, что сегодняшнее обращение населения к церкви необходимо оценивать с иных позиций, с позиций морали, с которых оно видится безрелигиозным, бездуховным, модным явлением.

В психологии научения выделен механизм «переноса» (англ. *transfer*), означающий влияние ранее сформированного навыка (стереотипного действия) на овладение новым действием. Перенос обнаруживается в том, что при оперировании материалом, более или менее схожим с предыдущим, овладение новым действием (материальным и умственным) происходит легче и быстрее. Человеку требуется тем меньшие усилия для освоения нового действия, чем ближе эти действия друг к другу по своей структуре. Перенос может происходить и неосознанно. Переносу могут подвергаться любые компоненты действия, и даже та ситуация, в которой происходит освоение или применение этого действия. Усвоенные умения и навыки могут переноситься

на широкий круг научных и житейских проблем. П.Я.Гальперин. Можно говорить о том, что через перенос и множество других психологических механизмов, неприятие, выработанное по отношению к экуменизму, сохранилось в массовом сознании как неприятие толерантности в целом. Таким образом, мы считаем верифицируемым тот факт, что церковь не способствует установлению принципа толерантного отношения к многокультурности в обществе.

Дальнейшее изучение вопроса показывает, что стремление экуменического движения добиться своей цели, упрочить свои позиции, всё же сохранилось. Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), сформированный на базе межхристианского движения «Вера и церковное устройство» в 1910 г. по инициативе Епископальной Церкви в США и «Жизнь и деятельность» является флагманом экуменизма. Основатель движения, глава церкви Швеции архиепископ Н. Сёдерблом тогда предложил создать международный экуменический совет. Первая конференция состоялась в 1925 г. в Стокгольме. В 1937 г. представители движений встретились в Лондоне и приняли решение объединиться во всемирную межхристианскую Ассамблею. Представитель США С. Мак-Кри Каверт предложил дать Ассамблее название «Всемирный Совет Церквей» (ВСЦ). На созванной в Утрехте (Нидерланды) 1938 г. конференции было принято решение о создании Комитета ВСЦ, избрании председателя и генерального секретаря этого нового комитета. Комитет занялся разработкой устава и структуры будущего ВСЦ, направил приглашения войти в состав ВСЦ 196 христианским церквям, в том числе и Римско-католической церкви (государственному секретарю Ватикана). Высшим руководящим органом ВСЦ объявляется Ассамблея, которая собирается один раз в семь лет. Ассамблея избирает 8 президентов ВСЦ, которые составляют Президиум ВСЦ, и 150 (максимум) членов ЦК (пропорционально численности, конфессиональной принадлежности и географическому положению церквей). Центральный комитет избирает Генерального секретаря ВСЦ, который является главой исполнительного комитета и руководителем всех административных сотрудников ВСЦ. В Уставе ВСЦ есть определение «Базиса» - общей богословской основы для Церквей-членов. Первый «Базис» был разработан в Утрехте (1938) и принят на Ассамблее в Амстердаме (1948 г.).

В 1998 г. на Ассамблее в Хараре была представлена обновлённая декларация. В ней признается, что ВСЦ - это содружество церквей, а не организация, «всемирная Церковь», или какой-либо церковный институт стоящий над всеми другими. На каждой из последующих ассамблей количество делегатов всё время увеличивалось. ВСЦ принял в

свои ряды православные церкви из Восточной Европы: Русская Православная Церковь, Болгарская Православная Церковь, Польская Православная Церковь, Румынская Православная Церковь.

В 1968 г. в Уппсале (Швеция), Ассамблея отметила, что в деле примирения и консолидации светские институты бывают более эффективны, чем церковные, поэтому церкви должны приобрести «новую открытость миру». На ассамблее было заявлено о возможности вступления Римско-католической Церкви во ВСЦ, но это не состоялось. На 6-й ассамблее (1983, Канада, 847 делегатов от 301 церкви) был принят окончательный вариант документа «Крещение, Евхаристия, служение». Этот документ явился попыткой согласовать учения о таинствах разных христианских церквей. Утверждалось, что церкви, собираясь вместе в рамках ВСЦ, обогащают традиции друг друга, это рассматривалось как «экуменическое действие Святого Духа», направленное на создание новой «экуменической традиции».

8-я Ассамблея ВСЦ состоялась в 1998 г. в Хараре (Зимбабве). В ней приняли участие 966 делегатов от 336 церквей. В ходе ассамблеи стало ясно, что экуменическое движение за годы существования так и не достигло единства своих членов по отношению к таким вопросам, как Евхаристия, Священство и природа Церкви.

В декабре 1959 г. в Москву прибыла первая официальная делегация ВСЦ для переговоров, а в 1961 г. на Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели Русская православная церковь стала его членом.

В 1997 г. Архиерейский Собор РПЦ снова рассматривал вопрос об экуменизме и о том, может ли РПЦ оставаться членом ВСЦ. Было решено обсудить проблему современного экуменического движения на всеправославном уровне, а «в настоящее же время продолжить участие представителей РПЦ в работе международных христианских организаций, отмечая особую важность в переживаемый момент православного свидетельства в разделенном грехами христианском мире» (Там же. С. 485).

Всеправославное совещание было созвано весной 1998 г. в Фессалонике (Греция) по инициативе Русской и Сербской Православных Церквей. Участники совещания засвидетельствовали, что за все годы существования ВСЦ вероучительный и нравственный разрыв между православными и инославными *не только не уменьшился, но даже увеличился*. Было заявлено, что нынешняя структура ВСЦ, механизм принятия решений, организация совместных молитв являются неприемлемыми для православных Церквей. Представители православных Церквей заявили, что или они уйдут из ВСЦ, или ВСЦ должен быть радикально реформирован. Со стороны РПЦ была предложена новая

модель межхристианского сотрудничества: Всемирный Христианский Форум, не предполагающий формального членства Церквей и открывающий возможности для равноправного сотрудничества. Было рекомендовано полностью отказаться от использования термина «экуменическое богослужение». У ВСЦ нет и не может быть своей экклесиологии, а значит, не может быть и собственного богослужения. Таким образом, был введен новый механизм принятия решений на основе консенсуса, предполагающего полное согласие участников; голосование невозможно по вопросам, затрагивающим экклесиологию Церквей-членов ВСЦ. Для обеспечения действия новых правил ЦК учредил постоянный Комитет по консенсусу и сотрудничеству. [342].

С 1993 г. у наших верующих существует российский общественный форум «Всемирный Русский Народный Собор» (ВРНС), который «стремится внести свой вклад в формирование гражданского общества». По Уставу главой Собора является Святейший Патриарх Московский и всея Руси, под председательством которого проводятся ежегодные соборные заседания. В Президиум и Совет ВРНС входят известные российские политики и общественные деятели, представители мира науки, культуры и образования, военачальники, соотечественники из ближнего и дальнего зарубежья. В 2005 г. ВРНС был предоставлен специальный консультативный статус при Организации Объединенных Наций. Тогда же было создано Представительство ВРНС при ООН. Традиционно в конце работы Собор обращается к согражданам и соотечественникам с Соборным словом. В частности, в Соборном слове семнадцатого Собора (2014 г.) говорилось о ценностях, принципах, идеалах, определивших российскую модель общественного развития, они же суть базовые ценности Российской цивилизации. Это - принцип равноправия народов и культур, идеал - солидарное общество, в основе которого лежат взаимопомощь и сотрудничество всех его членов, разных социальных, этнических, религиозных и политических групп, согласие большинства о фундаментальных ценностях, лежащих в основе человеческого бытия. Собор готов стать инициатором диалога между основными этнокультурными группами, выступая в нем от лица русских. Собор призывает представителей власти, научного сообщества, деловых кругов, средств массовой информации приложить все усилия для широкого и массового распространения идей *российской цивилизационной идентичности* в нашем народе. Государствообразующим назван «русский народ, к которому принадлежит четыре пятых населения России». Актуальной задачей определено сбережение национальной субъектности всех народов нашей страны, и прежде всего

русского народа. «Упадок русского национального самосознания будет иметь катастрофические последствия, в историческом плане сравнимые с крахом Римской империи и гибелью Византии: это будет конец России как государства и как особого культурно-исторического мира. Всемирное же укрепление национального самосознания русских, сбережение этнокультурной идентичности всех народов России, формирование многонациональной цивилизационной общности - это триединая задача отечественной национальной политики». Как мы видим, РНЦ старается взять полностью на себя роль представителя интересов русского народа на пространстве публичной сферы. В доктрине «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятой на Архиерейском Соборе в 2000 г., декларируется право на собственную политику, тогда как Конституция Российской Федерации декларирует запрет на какую бы то ни было идеологическую доктрину. В церковной доктрине есть специальный пункт, говорящий: «...если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении». Государство имеет множество механизмов, необходимых для реализации определённой внутренней политики, которые позволяют также контролировать и подключение тех или иных субъектов в процесс влияния на массовое сознание. Одним из субъектов, наиболее продуктивно действующих на этом поле, исторически является система образования. Благодаря условиям нынешнего этапа глобализации мира, ускорившим обмен информацией, на поле отечественного публичного пространства действуют международные организации, распространяются документы общего характера, адресованные всему человечеству. Они также находят отклик у наших граждан.

3.8. Мультикультурализм как ориентир и детерминанта современной российской культурной политики.

Философы высказывают убеждение, что любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменение культуры. Верифицируют эту мысль множество событий последнего столетия. Так, в 1987 г. появилась идея Хартии Земли, когда Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию ООН призвала создать новый документ, который бы сформулировал фундаментальные принципы устойчивого развития. В 1992 г. на необходимости Хартии настоял Генеральный Секретарь ООН в те годы Бутрос Бутрос-Гали на Саммите Земли Рио-де-Жанейро, но время для подобной декларации посчитали не подходящим. В 1994 г. при участии правительства Нидерландов Морис Стронг (Председатель Саммита Земли) и Михаил Горбачёв, че-

рез организации, которые каждый из них основал (Совет Земли и Международный Зелёный Крест), повторно запустили Хартию Земли как инициативу гражданского общества. Откликом на этот призыв явилась созданная в процессе широкого многокультурного обсуждения, новая Хартия Земли. Она стала декларацией основополагающих принципов и ценностей для создания справедливого, устойчивого и мирного глобального общества в XXI веке. [Приложение №1]. Для продвижения Хартии существует организация Инициатива Хартия Земли. Она направлена на пробуждение нового чувства взаимозависимости и общей ответственности за благополучие всех людей, призывает человечество установить всеобщее сотрудничество в критический момент нашей истории. Официальным представителем Международной инициативы «Хартия Земли» в России является Общероссийская общественная организация «Центр экологической политики и культуры». Хартия Земли направлена на то, чтобы пробудить в каждом человеке новое чувство взаимозависимости и всеобщей ответственности за процветание людей и всего живого сообщества. В ней выражены надежды и призыв о помощи в создании глобального сообщества на переходном этапе нашей истории.

Стабильность жизни современного многокультурного общества недостижима без реализации того или иного вида культурной политики. Во многих странах нет формального документа для национальной культурной политики. Вместо этого правительство определяет общие направления внутренней политики, которые служат основой реализации культурных целей, которые непрерывно обновляются. В Российской Федерации действует множество документов, регулирующих жизнь государства и общества, к имеющимся документам общего характера принята «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года». Стратегию можно считать имплементацией Хартии Мира в российском дискурсе. В Стратегии отмечено, что в современности формируются новые ориентиры, и при этом очевиден недостаток универсальных определений ряда новых доктринальных понятий, таких как «поликультурное образование», «многосоставная идентичность», «кросс-культурная идентичность», «мультикультурализм» и др. [Приложение №2]. Россия исконно была многоконфессиональной, многокультурной. То, что именуется мультикультуральностью, ставшей откровением для Запада и концептуализировано как мультикультурализм, для нашей истории – онтологическая реальность, универсалия нашей культуры (то есть, пронизывает все сферы культурной деятельности). Мультикультуральность имплицитно присутствует даже в негативной характеристике, данной

В. И. Лениным царской России, как «тюрьмы народов» («тюрьмы даже для малороссов»). Эта характеристика российской нации, как много-составной или многонациональной общности- невольницы стала методологической основой и политической установкой партии большевиков, а затем КПСС и Советской власти в решении национального вопроса, как задачи освобождения «несвободных» народов. [217; 250].

Как пишут российские учёные, «хотя с начала 1930-х годов на приведенное высказывание стали ссылаться реже, в целом его содержание сохранило свое значение едва ли не до конца советского периода отечественной истории». [260]. Многосоставность российской нации, является фигурой умолчания в нашей общественной жизни. По мнению некоторых отечественных исследователей, это нашло своё выражение и в обновлённой Конституции Российской Федерации, в которой без специальных деклараций закреплена основная идея мультикультурализма, - запрещена, с одной стороны, пропаганда расового, национального и языкового превосходства, с другой - предусматриваются «особые права для малочисленных народов, носящих характер преференций. Тем самым, реализуется основной постулат мультикультурализма – защита государством отдельных сообществ, культурно отличных от основной массы населения». [345]. Помимо Основного закона, в России принято множество сопутствующих законов, регулирующих внутреннюю жизнь государства, отражающих эволюцию теоретико-методологических оснований нашей культурной политики. Со времени принятия Закона «О национально-культурной автономии» (1996 г.), в России зарегистрировано более семисот национально-культурных автономий (НКА) по шестидесяти национальностям. Появились крупные общероссийские общественные организации и объединения, такие как: Общероссийская общественная организация «Ассамблея народов России» (АНР, 1998 г.), «Российский Конгресс народов Кавказа» (РКНК), «Азербайджанцы России»(АзерРосс), Чувашский национальный Конгресс (ЧНК), Ассамблея народов Татарстана. [1; 2; 3; 106; 144; 159; 160; 345].

Всё выше перечисленное отражает этапы эволюции нашей культурной политики: от политики царской России в отношении «туземных народов» - к советской «государственной национальной политике», - и к культурной политике российского государства нового времени, получившей опору в российском законодательстве. Каждый этап имеет свои отличительные черты и один общий компонент - все они с необходимостью учитывают многокультурность, многоэтничность российской нации.

В нашей стране в результате принятия Стратегии (2012 г.) не оста-

ётся законодательного пространства для создания локальных идеологических доктрин отдельными субъектами федерации (63 субъекта) и необходимости их локального воплощения в социокультурных практиках, что исключает возникновение пластов населения с непересекающимися интересами, и на этой основе – опасности последующего расслоения общества. Эту нишу заполнила содержательная доктрина внутренней политики государства. В результате у нации сохраняется понимание и ощущение публичного пространства как общего. Впервые после распада СССР отчётливо обозначен вектор государственной внутренней политики. Это - сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности; обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств; создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе; поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией. В Стратегии сказано, что «...государственная национальная политика Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах с учётом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений». С этих новых позиции задачей культурной политики становится модернизация теоретико-методологического основания и практики культурной политики, которые отныне не связаны с необходимостью ориентации на «классовый подход» и идеологию, основанную на предположении о скором слиянии народов в единую «советскую нацию». У нас уже давно есть единая нация, в Стратегии дана её характеристика, - это российская нация, которая состоит из множества народов (этнических общностей). По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан, на территории Российской Федерации проживают представители 193 национальностей, действуют 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения. Более 80% населения страны назвали русский язык родным. В Стратегии обозначена «...система современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики в Российской Федерации». В числе основных приоритетов (руководитель рабочей группы профессор В.А. Михайлов) названы: полная деполитизация этничности, смещение акцента на культуру каждого народа в составе страны, сохранение коренных

этносов и обеспечение единства народов России. Одним из основных пунктов новой стратегии является укрепление гражданского единства общества. Разработчики документа предлагают, говоря о нации и государстве, подразумевать не национальное государство, а полиэтническую государственную цивилизацию. В новой Стратегии идея восстановления «связи времен», преемственности создающих традиций нашего Отечества и гражданского примирения впервые после распада СССР получила правовое оформление. В российском научном дискурсе утверждается идея видения себя, как части мирового культурологического процесса, его особой составляющей, которая нацелена на диалог и дискуссии с другими школами и направлениями. Нация не является монокультурной общностью людей, а есть полиэтничное, многоконфессиональное образование, основанное на принадлежности к суверенному, единому государству, к единому народу, который объединен одной страной, одной родиной и, конечно, общей историей и очень мощной общей культурой.

Стратегия и Хартия это новейшие документы, содержащие взаимосвязанные задачи двух масштабов – глобального (Хартия Земли) и регионального (Россия). В структуру Хартии и Стратегии вполне логично встраиваются принципы мультикультурализма. Эти два документа созвучны друг другу в понимании взаимосвязанности человечества, у которого постепенно складывалась общая история и культура - тот фундамент, на котором строится нация. Глобализация мира делает эти параметры всеобщими, однако и локальная спецификация по-прежнему занимает важное место в различных конstellациях складывающейся культуры. Население Земли, можно сказать, складывается в мультикультурную цивилизационную нацию, которая не отменяет локальных идентификации по гражданской отнесенности.

В российской публичной сфере употребление термина «мультикультурализм» не является широко принятым, что первоначально было связано с имеющей хождение негативной характеристикой данного понятия как неудавшейся стратегии культурной политики, а затем и следствием её персеверации как «теории, требующей уравнивания мигрантов в правах с коренным населением»; концепции, «направленной на ликвидацию национальных культур»; как «способствование привлечению иностранной рабочей силы». Методологическим следствием такой точки зрения явилось провозглашение «войны «мультикультурализму», появление дискуссионных площадок на тему «ненужности нам «мультикультурализма», молодёжных акции, принимающих форму конфликтов. Но он есть, - даже в модусе его непризнания. Он не всю-

ду одинаковый: в большой степени зависит от того, каковы его несущие институты. Это требует более внимательного рассмотрения, так как российская нация, обладающая признаками «многосоставной/гибридной идентичности», в новых политико-географических условиях, часто рассматривается в ракурсе «мультикультурализма», который мы именуем «глобальным», т.е. проблематизирующим вопросы миграции и «межнационального взаимодействия» (или «взаимодействия культур»). [85; 109; 163; 164; 171; 202; 235; 257; 267; 287; 347; 354; 363; 368; 371; 397; 433].

За первичной реакцией на вопросы «мультикультурализма» следует более утончённая рефлексия. Приходит понимание того, что основания культуры лежат вне неё самой, что возникновение большей части социокультурных феноменов - процесс, не зависящий от ситуативных пожеланий, индивидуальных чувств или эмоций, что культуры рождаются и формируются на более широком социальном, политическом, экономическом историческом фоне. С тем, что для большинства современных обществ характерно культурное многообразие, все научные сообщества согласны. Но не все согласны с тем, что это достижение «коммунитарное», возникшее в результате сотрудничества многих людей, имеющее темпоральное измерение, что оно интерсубъективно: каждое новое поколение опирается на достижения предыдущего, на совокупную память человеческого рода. Эти же принципы действуют и в сфере обучения: человек не выживет, если не будет опираться на знания, полученные через систему образования и в семье, а не только на им самим выработанные. Мир взаимообусловлен, глобализация мира сделала его ещё более взаимосвязанным, взаимопроницаемым, монокультурные общества становятся культурно плюральными (или «мультикультуральными»). «Многонациональность» является термином-предшественником «мультикультуральности» и ныне параллельно действующим в русскоязычной лингвокультуре (как засушливость - характеристика географической зоны, периода, климата и т.п.). Формировавшаяся в ходе расселения через диффузию культур, параллельно с развитием прогресса и цивилизации, мультикультуральность, с нашей точки зрения, является экзистенциальной сущностью «мультикультурализма».

Сегодня в этом процессе обнаруживается неожиданное явление – движение вспять, - культуры унифицируются, вновь становятся монокультурными. Хотя эта монокультурность не та, климато-географически обусловленная первобытная примитивность, мотивированная витальными потребностями, происходящая ныне унификация обусловлена информационным этапом глобализации мира, когда культуры могут видеть и слышать, копировать друг друга, но всячески стремятся

сохранить ядро своей культурной самоидентичности/отличности. Это достижимо не только в случае принятия мультикультуралистского формата для теоретико-методологических основ культурной политики, когда, наряду с заимствованиями из иных культур, действуют и традиционные формы, но также и в отдельных отраслях жизни и науки.

Суть в том, что «мультикультурализм» и сам мультиплекс, - это и доктрина программного содержания, и философская теория человека и мира, и видение человеческой жизни в искусстве, политике, науке, и разновидность практик культурной политики, это и социокультурная реальность, и дискурс по поводу этой реальности. Во многих областях культуры, - медицина, литература, искусство и т.д., мультикультуральность/мультикультурализм находит воплощение в определениях, как рабочая, а не аналитическая характеристика того или иного предмета, параметра, явления. Например, эта характеристика относима к таким определениям: мультиваленты- объединения более чем двух конъюгировавших хромосом, изредка образующиеся при созревании половых клеток; мультиплексор- устройство в системе передачи данных, обеспечивающее независимый обмен информацией одновременно по нескольким каналам связи между ЭВМ и различными абонентскими пунктами; мультиплетность в химии - число возможных ориентаций в пространстве полного спина атома или молекулы; мультипольный – (об изобретении) относится к электровакуумным СВЧ-приборам, позволяет создавать высокоэффективное умножение сверхвысоких частот; мультиэдитный- предназначенный для создания или пользования мультимедийными книжными изданиями на лазерных дисках; мультипликатор, мультипроцессор, мультисистемный, мультивитамины, мультидискплеер, мультилатеральный, мультимедийный, мультипрограммный, мультимиллионер, мультиварка, мультиэкран и др.

В работе «Истории болезни» профессор Х. Броди говорит о нарративном повороте в области медицины: о совместном творении врачом и пациентом истории болезни; о необходимости согласования между медицинским отчетом и рассказом пациента о своем заболевании, как процедуре, обладающей лечебным потенциалом, в особенности для хронических больных. [51; 464]. Дидактически значимым он считает решение соединить безличное для студентов научное знание с индивидуальной реальностью болезни. Для достижения лечебных целей предлагается привлечь практики аутопсихоаналитического свойства, а именно – совместное создание истории болезни использовать для наделения смыслом личных архетипических переживаний пациента, соотнесения их с концепциями современной медицины, традиция-

ми семьи, культуры, общества. Автор апеллирует к филологической, философской и антропологической трактовкам сущности нарратива, описывает сложности нарратива в ситуации живой коммуникации и его связь со всем культурным контекстом, с культурными прототипами историй. То есть, эксплицируется мультикультуральность, интертекстуальность лечебных практик. Интертекстуальность (намёк, «чужое слово», к месту приведённая цитата, которой придан смысл, какого она первоначально не имела и др.), (автор термина Ю. Кристева) известна ещё с тех времён, когда доступность литературных текстов, произведений искусств, развитие образования, средств массовой коммуникации, распространение массовой культуры не достигли ещё таких масштабов.

Как известно, литературоведческая категория «текст» является и культурологическим понятием. Большинство культурных текстов мультикультурально - любой текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат - «поле пересекающихся дискурсов». Понятие «интертекстуальность» («интертекст»), служит маркером того факта, что в любом новом тексте присутствуют тексты предшествующей и окружающей культуры, паттерны старых культурных форм, идей. Это становится возможным, поскольку все они поглощены большим текстом и перемешаны в нем, а текст погружен в язык. Язык не принадлежит кому-то одному. Мозаика интертекста складывается из частей, происхождение которых не всегда известно, из автоматических, бессознательных цитаций, приводимых без кавычек. В современности сложилось понимание того, что любой текст является одновременно и авторским произведением и интертекстом, так как авторство и сознание личности интертекстом растворяется в потоке других сознаний, как сахар в чае. В лингвистике это считается последствием влияния одного языка на другой. Мультикультурность отличается и от транскультурности; тем, что транскultura творится надкультурно, на границах (на перекрёстке) национальных культур, преодолевая дисциплинарную, традиционную, гендерную, профессиональную замкнутость, и - соединяя научные, художественные, политические и религиозные составляющие, связывая разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее). Примером интертекстуальности и одновременно транскультурности в музыкальном искусстве может служить творчество Карла Орфа. [169].

Сотворённая немецким композитором/поэтом К. Орфом кантата «Кармина Бурана» (1937 г.), ещё называется «Бойренские песни» [Бойрен (Залем) – это коммуна в Германии, существует и ныне в земле Баден-Вюртенберг], является образцом интертекста, живой тканью мультикультуры, которая имеет историческую, цивилизационную цен-

ность, служа связи времён. К. Орф написал произведение по сборнику стихов/песен эпохи Возрождения, о котором сам композитор сказал: «Всё, что написано мной до этого, можете выкинуть, «Кармина Бурана» - это моё собрание сочинений». Оригинальный манускрипт 17 века, найденный в немецком монастыре в начале 19 века, содержал ноты и стихи вагантов (бродяг, поэтов-скитальцев, бардов) и странствующих монахов. Композитор выбрал двадцать четыре песни и написал к ним собственные мелодии, смешав разные стили. Либретто кантаты включает стихи на латинском и на средневерхненемецком языках. В нём представлен широкий круг светских тем, актуальных во все времена: «непостоянство удачи и богатства, быстротечность жизни, радость возвращения весны и удовольствие от пьянства, обжорства, азартных игр и плотской любви». Фрагменты этого произведения вошли в репертуар современных исполнителей (Оззи Осборн, Epigma) и стали хитами. Темы К. Орфа звучат в качестве саундтреков в кино, театральных постановках, ток-шоу и рекламных роликах. Кантату ставили на самых больших площадках Европы. А в Бразилии поставили прямо на пляже, и с побережья спектакль наблюдали более ста тысяч человек. В Москве «Кармина Бурана» исполнялась множество раз и разными коллективами, но именно как кантата для хора. В 21 веке (2013 г.) американско-китайский хореограф Шен Вей представил в Санкт-Петербурге (при участии хора и симфонического оркестра Мариинского театра) новое музыкально-хореографическое прочтение кантаты.

Такие культурные тексты, как памятники архитектуры, живописи, пластического искусства, в отличие от стихов и музыки, не нуждаются в посредничестве, - они воздействуют непосредственно. Но эта преференция оборачивается недостатком, когда речь идёт о сохранении цивилизационной преемственности, которая без посредничества человека прерывается, которая через механизм мультикультурализма могла бы сохраниться, хотя бы в рудиментарном виде, в виде намёка в какой-либо из других культур. Каменные монолитные статуи на острове Пасхи, рисунки на плато Наска и другие артефакты остаются мучающе непонятными даже при наличии визуального, физического контакта с ними, по причине отсутствия этой живой культурной, объясняющей связующей нити. Вывод очевиден, интертекстуальность служит основанием мультикультурности, а мультикультурализм – связующей нитью цивилизаций.

Изучение истории вопроса показывает, что сложились два полюса в трактовке мультикультурализма, и сегодня можно провести демаркацию между ними: 1) «глобальный мультикультурализм» (со всеми его нюансами) и 2) «русский мультикультурализм». В «глобаль-

ном мультикультурализме» из рассмотрения выключена мультикультуральность как экзистенциальная основа рассматриваемого понятия, сразу осуществляется переход к его рассмотрению как политической проблемы, так как мультикультурализм главным образом связывается с вопросами миграции и считается предикатом политики государства. Предлагаемые варианты решения возникающих проблем создаются по логике матрицы «либерального мультикультурализма» сформулированной (наиболее показательно) в Лондонской школе экономики [198], в которой предлагается решать проблемы бесконфликтного сосуществования разных культурных сообществ в рамках одного государства через «обеспечение их чёткими и устраивающими всех правилами общежития»; имеются в виду мигранты. Осознанно отчуждены вопросы «коренных народов». «Во многих странах есть и так называемые «коренные» народы, и потому там, даже без учета мигрантов, существуют культурные различия. Тем не менее, это многообразие возникло именно после прибытия первых «чужаков». Проблема мультикультурализма, по мнению лондонских специалистов, возникает именно из-за того, что многие люди хотят остаться в стране, в которую приехали [105; 172; 468; 469].

В российской науке, которая, по В.И. Ленину, «не стоит в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации», сложился «русский мультикультурализм» - продукт рефлексии над состоянием внутренних скреп российской нации и актуальным состоянием взаимодействия культур в мире. Перманентная многосоставность российской нации – это историческая реальность, и «мультикультурализм» не является чем-то новым для нашего массового сознания и нашего обществоведения. Дело в том, что срабатывает ассоциация тождества нового термина с известными –измами (социализм, коммунизм).

К институциям «русского мультикультурализма» мы относим следующие семь параметров. 1) Временем зарождения мультикультурализма, как социокультурной реальности, является начало расселения, а не время появления термина в политической лексике современности. 2) Экзистенциальной сущностью «мультикультурализма» является мультикультуральность, как характеристика культурной неоднородности общества, формировавшаяся параллельно с развитием прогресса и цивилизации. Предшественником «мультикультуральности», и ныне параллельно действующим в русскоязычной лингвокультуре, является термин «многонациональность». 3) Как набор определённых теорий и практик для осмысления культурной неоднородности обществ «мультикультурализм» (как теория) связывается не только с вопросами структуры общества и миграции, а с широким спектром

культурных феноменов: искусство, наука, философия, литература, политика, медицина, радиоэлектроника, кибернетика, etc. Эта мысль верифицируется большим количеством культурных феноменов, понятий и терминов существующих в нашей лингвокультуре: мультиваленты, мультивитамины, мультидискплеер, мультиканальный, мультилатеральный, мультимедийный, мультиплексный, мультиплетный, мультипликатор, мультипольный, мультипрограммный, мультипроцессор, мультимиллионер, мультиварка, мультисистемный, мультиэдитный, мультиэкран и др. Примером мультиплекса в медицине является высокотехнологичный диагностический прибор - томограф, производящий мультиспиральную, мультисрезовую компьютерную съёмку, позволяющую получать изображения внутренних органов без использования рентгеновских лучей и радиации, измеряя электромагнитный отклик ядер атомов водорода на возбуждение их электромагнитными волнами в магнитном поле (МСКТ). Он вошел в обиход с 1992 г., когда компанией Elscint Co. был впервые представлен новый двухсрезовый (двухспиральный) томограф с двумя рядами детекторов. В основе метода магнитно-резонансной томографии (МРТ) четыре Нобелевских премии: за открытие явления магнитного резонанса - в 1952 г. её получили Феликс Блох и Эдвард Миллс Парселл; за работы по реконструктивной томографии в 1979 г. – Алан Кормак и Годфри Хаунсфлид; премии по химии за достижения в области магнитной томографии в 1991 г. удостоен Рихард Роберт Эрнст; за исследования, открывшие томографии дорогу в медицину, - в 2003 г. Питер Мэнсфилд и Пол Лотербур. В 1998 г. появились томографы четырёхсрезовые (четырёхспиральные), с четырьмя рядами детекторов, соответственно, в восемь раз быстрее, чем обычные спиральные томографы четвертого поколения. В 2004-2005 годах были представлены 32-, 64- и 128-срезовые МСКТ томографы, в том числе - с двумя рентгеновскими трубками. Сегодня уже имеются 320-срезовые компьютерные томографы (2007 г.). За один оборот лучевой трубки они позволяют сканировать целый орган (сердце, суставы, головной мозг и т.д.), что значительно сокращает время обследования. Инженеры, медики и физики из Германии и Франции объявили (2013 г.) о том, что завершён проект по созданию самого мощного в мире магнитно-резонансного томографа INUMAC со сверхпроводящим магнитом, который способен создать магнитное поле рекордной напряженности 11,5 тесла. Это позволит достичь разрешения в 0,1 миллиметр на воксель (объемный пиксель), что, в свою очередь, даст возможность изучать работу мозга с ранее недоступным уровнем детализации и проследить за активностью групп всего из нескольких сотен нейронов.

4) Перманентная многосоставность российской нации, как историческая данность, всегда присутствовала в модусе «фигуры умолчания» в нашем обществоведении. Мы не ставим вопрос, «до какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и когда к нему можно перестать относиться терпимо», так как проблема видится совершенно в ином: в «культурализации» (автор термина К. Клакхон) социальных, экономических, политических вопросов. Американец Тим Керби повествованием о своём личном опыте «гастарбайтерства» в России продемонстрировал интернет-сообществу, как на обыденном уровне происходит *культурализация* экономических проблем в одном конкретно взятом российском мегаполисе, и как выгядит в глазах иностранца наш «мультикультурализм» (не «русский мультикультурализм», о нём он пока не знает). [170] Он описывает свои впечатления от одной из российских предвыборных кампаний. «Судя по высказываниям кандидатов, все ненавидят гастарбайтеров, они в Москве нежеланны». Сам он видит ситуацию иначе: «люди в Москве гастарбайтеров любят, и очень сильно, потому что без них Москва была бы ужасным и грязным городом. Гастарбайтеры - это, практически, рабы, и это рабство в двадцать первом веке осуществляется на наших глазах. Практически каждый встреченный вами таджик - крепостной». Т. Керби высказывает эпатажное предложение - «выгнать гастарбайтеров», но затем его нивелирует, - ему непереносимо видеть наличие рабства. «Я не хочу жить там, где существуют люди «второго сорта», приравненные по правам к коровам или курицам. Мне бы хотелось жить в городе, где есть условия для жизни действительно всех людей. Где есть собственный сильный рабочий класс, не допускающий импорта рабов». Он предлагает, как сам говорит, «этакий коммунистический ответ», для решения проблемы. «Если в России есть, как говорят либералы, гражданское общество и осуществляется гражданская активность, для начала надо бы её проявить: создавать отряды из местных ребят, которые будут ходить с палками по улицам и стучать по лбу каждому, кто намусорит; или обязать всех, кто проживает в доме, определённое количество часов в неделю убираться на улице, выбрасывать мусор и т.д.». Но считает, что заставить население делать это будет непросто, так как проблема гастарбайтеров возникла исключительно по причине их *востребованности* в качестве рабов. «Люди любят гастарбайтеров, они хотят, чтобы они были здесь, - просто не хотят, чтобы их было видно». И не нужно удивляться тому, что рабы ведут себя не так, как свободные граждане, а свободные – как рабовладельцы. Такой «мультикультурализм» нам чужд.

5) Для нового акта восприятия, для любой новой идеи всегда есть свои предпосылки. Человек, взаимодействуя с информацией, полученной от органов чувств, всегда дорабатывает ее в своем сознании. Создается некий целостный образ, не сводимый к свойствам суммы составляющих его элементов. Такое целостное восприятие в психологии называется «гештальтом», в новейшей философии – «интертекстом». Присоединился к ним и новый психологический термин, взятый из языка программирования, - «фрейм» (frame (англ.) - каркас, «рамки» ситуации, скелет, контекст, среда, метаяровень), предложенный Марвином Мински в 1979 г. как обозначение основной структурной единицы памяти, структуры данных для представления некоторой ситуации. Удаление из этой структуры любой составляющей приводит к тому, что данное явление перестаёт правильно опознаваться (классифицироваться). Согласно характеристике самого М. Мински, наличие фрейма позволяет относить объект к тому классу, который им определяется. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая - что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья - что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся. [248].

Благодаря интертекстуальности мышления, способности оперировать гештальтами, опираться на фреймы осуществляется кросс-культурный анализ поступающего массива информации. Финальный образ не является эксклюзивным – он мультикультурен. Эту психологическую закономерность верифицируют философские системы Ф.Брентано и Э. Гуссерля, особенно - развитый в них тезис об *интенциональности* сознания как выражении его целостности и внутренней активности. Схематически это выглядит просто: обнаруженное новое явление мысленно включается в старые связи и отношения путём их переструктурирования и придания им прегнантности. Прегнантность - одно из ключевых понятий гештальтпсихологии - означает приобретение гештальтом завершенности, уравновешенного состояния, хорошей формы. Согласно этому принципу, восприятие образов, идей имеет тенденцию к связанной структуре, более определенной, более симметричной, более устойчивой более простой и более значимой. [97; 278].

6) Механизмом «русского мультикультурализма» является до-страивание нового эффективного мировоззренческого гештальта на фоне элиминации прежних гештальтов - построения «коммунистического общества- «коммунизма», реализации «Кодекса строителя коммунизма» и др. Перешедший через метафизическую границу культур «глобальный мультикультурализм» эволюционирует на российской

почве, меняя модус «автор - умер» на «виват автор», так как прежние гештальты, (начиная с уваровской триады, поздних - «интенационализм», «межнациональные взаимоотношения», «дружба народов», «национализм» и др.), пройдя переоценку на релевантность новым социокультурным реалиям, служат основанием для культурологического ready-made нового текста - «русского мультикультурализма».

7) В российской культуре и лингвокультуре, благодаря сохранности исторического основания, – феномена существования более ста народов на протяжении всей истории, - сохранились и навыки совместной жизни, и диспозиция для эволюции терминов, обозначающих немонолитность нации. Поэтому термин «мультикультурализм» постсоветское массовое сознание воспринимает в преломлении через завершённые/незавершённые гештальты, имея при этом в перспективе не эклектичный (недостаточно единый), не «толерантный» (чуждый друг другу), а, сохранивший некий общий этос, единый народ (можно сказать и «мультикультуральный»). В этом новом компактном неологизме, отражается зарождение нового фрейма российской нации, основанного на утверждении солидарности по принадлежности к единому государству.

Использование нами определения «русский» для презентации инновационной трактовки «мультикультурализма» имеет свои основания. Во-первых, это делается в целях обозначения существенного отличия российского понимания мультикультурализма от его трактовок во всём остальном мире. Во-вторых, при том, что перепись (2010) показала наличие 193 этносов, 276 диалектов в Российской Федерации, рефлексия над сложными научными и иными проблемами осуществляется на основе русскоязычной лингвокультуры, так как она является базовой для 98% населения России. В-третьих, каждый гражданин России (Конституция Российской Федерации, ст.26, п.2) «имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества», при этом, русский язык назвала родным 4/5 населения Российской Федерации. И самоидентификация россиян по большей части также происходит именно на этой общей основе. (Наиболее распространенными среди других языков являются: английский, татарский, немецкий, чеченский, башкирский, украинский, чувашский). В - четвёртых, в России образование во всех кластерах строится на основе русского языка, цивилизационная роль которого не оспаривается. В-пятых, «русские» – это психологически артикулированный транскультурный фрейм российской нации, который мы лишь визуализируем. В - шестых, русский язык, русскоязычная лингвокультура, включающая всю палитру российской многокультур-

ности, это визитная карточка экспорта российских товаров и технологий, российского образования, устоявшаяся основа презентации визуального образа России в мире.

Как подтверждение рождения феномена «русского мультикультурализма» мы рассматриваем исследование, проведённое Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, в отношении восприятия понятия «толерантность», который является фундирующим для «русского мультикультурализма». Как выяснили исследователи под руководством Л.М. Дробижевой, под толерантностью некоторые эксперты подразумевали свойство не замечать национальную принадлежность индивидов, другие считали, что иноязычный термин нужно заменить каким-то русским словом, например, «терпимость». Представители духовенства предлагали говорить о «любви друг к другу». Эти и другие определения толерантности не прижились. Лучше всего воспринимется, как выяснилось, определение толерантности как готовности принять человека другой культуры, уважать эту культуру *в пределах закона*, если же элементы поведения или культуры выходят за пределы правового поля, *тогда их принять нельзя*. Сделан вывод: «говоря о толерантности, представителям разных этнических групп вовсе не обязательно любить друг друга, но уважать – обязательно». [120; 400; 415].

Изучение истории вопроса показывает, что в последнее десятилетие активно внедрялся в отечественные обществоведческие теории, методологию исследований, и, как ни парадоксально, - в практику культурной политики именно вариант «глобального мультикультурализма», точнее - его европейский нарратив. Возможно, и потому, что отечественные специалисты способствовали его ротации в российском обществоведении. Этому есть примеры. В противоположной от линии «русского мультикультурализма» плоскости располагается трактовка мультикультурализма российскими экспертами, инициировавшими дискуссию в связи с тем, что «в условиях всеобщей открытости развитые государства одновременно сталкиваются с наплывом трудовой миграции и с невозможностью ассимилировать представителей другой культуры». В центре дискуссии вопрос, который назван самым «острым и актуальным сегодня»: «Почему не работает политика мультикультурализма?» Задача поставлена весьма актуальная – как не допустить общественных взрывов, вопрос построен в логике «матрёшки»: в модусе озабоченности в нём куммулятивно содержится диспозиция к ответу на вопрос о мигрантах: «почему невозможно *ассимилировать* представителей другой культуры». В этой озабоченности психологиче-

ски артикулирована задача - «*ассимилировать*». Прямо указано главное действующее лицо – государство: «почему не работает политика?». Указана мотивация выбора ассимиляции как инструмента: «Как же иначе повышать уровень реальной толерантности»? [303].

В такой констелляции вопросов и ответов обнаруживаются теоретико-методологические погрешности, они же и наиболее распространённые. Прежде всего, дискуссия сфокусирована на теоретико-методологических возможностях «глобального мультикультурализма» в отношении проблематики миграции, сущность, инструментарий и релевантность которого для решения задач отечественной практики культурной политики не подтверждена. Второе, если тема сфокусирована на том, что «развитые государства одновременно сталкиваются с наплывом трудовой миграции и с *невозможностью ассимилировать* представителей другой культуры», а теоретико-методологическая основа априори установлена («мультикультурализм»), тогда дискуссия может касаться лишь конкретики: возможно ли *ассимилировать мигрантов*? какими методами (*ассимилировать мигрантов*)? Если «мультикультурализм» работает («само-собой-разумеется») на *ассимиляцию мигрантов*, то вопрос может касаться только пересмотра методологического основания. На Западе взаимодействие народов («взаимодействие культур»), строится на принципах морали: «живите, как хотите, только не трогайте нас». Это и есть основной тезис «глобального мультикультурализма». Надо ли вопрошать, почему этот принцип, в целом, не работает в российских реалиях?! И самое важное, кого и во что мы хотим ассимилировать?! Мигрантов ассимилировать в «тело» нации, принижая их до роли рабов, а попутно и самим уподобиться варварам?! Уже дозволено провозглашать с общественной трибуны (телевидение): «оставить мигрантам право на некоторые «санитарные нормы, и эксплуатировать их как рабов». Такой «мультикультурализм» нам, конечно, не нужен. Встречаются и более радикальные предложения, возвращающие в эпоху «резерваций» и «скальпов». По мнению отечественного политолога Л. В. Полякова, «термин «мультикультурализм» недостаточно удачен для обрисовки ситуации, которая сложилась в России, так как он описывает ситуацию в Западной Европе и в США, где существовала реальная проблема интеграции репрессированных меньшинств. Мультикультурализм пришел туда как способ восстановления в этих меньшинствах человеческого достоинства. Мультикультурализм означает, что в противовес некой доминирующей культуре *создается* (подчёркнуто нами – автор) множество маленьких культур для того, чтобы достичь в государстве некой финальной социальной

справедливости» [298]. Ключевым в этом определении является слово «создаётся», указывающее на представление автора (не только цитируемого) о «рукотворности» «множества маленьких культур», о «недавности» происхождения феномена мультикультуральности, о возможности (путём манипуляций с терминами) специально сотворить этот феномен. «Нужно искать какие-то свои замещения», - говорит автор, - и, предложив вместо «мультикультурализма» термин «интеркультурализм», вновь сомневается: «Но это опять-таки западная калька». Резюмирующая часть мнения преподавателя высшей школы изумляет: «Если говорить о мультикультурализме в России, следует *принять* тезис о том, что русские изначально были господствующей культурой, которая доминировала и подавляла все остальные. И теперь нам предстоит решить ту задачу, которую в свое время решали американцы и европейцы». [298]. Это, как можно видеть, есть «анти-русский мультикультурализм».

В теоретических кейсах нашего обществоведения и в политическом багаже имеется ресурс для выстраивания линии последовательного рассмотрения возникших проблем и решения практических задач, не меняя генерального курса развития, понимания цели, оставаясь в русле своего - «русского мультикультурализма». Только все они время от времени требуют обновления, подтверждения. История учит, как говорит П. Куртц, если дорогие нам убеждения не обретают своих социальных воплощений, не институционализируются, то они не будут иметь влияния и могут потеряться для человечества. [212]. Одной из таких цивилизационных ценностей, требующей научной и общественной поддержки в настоящее время оказывается мораль человеческого общества.

3.9. Мультикультурализм и субъекты культурной политики в современной России.

Изучение состояния и имеющихся трактовок культурной политики позволяет исследователям говорить о таких особенностях концептуализации данного понятия, как существование принципиального различия между тем, как культурная политика определяется на теоретико-методологическом уровне, и тем, как она воплощается в конкретных управленческих решениях, что это не только разные понятийные, но и разные предметные области. Уровень теоретических обобщений содержит пространство для формулирования новых стратегических целей, в то время как «управленческие» определения, содержат тактические составляющие, отвечающие на вопрос как, с кем и с помощью каких ресурсов культурная политика может быть реализована. [1; 2; 3; 7; 18; 59; 68; 79; 87; 128; 131; 132; 144; 154; 160; 161; 162; 203; 227; 255; 292; 326; 331; 350; 374].

В западных трактовках отсутствует обозначение линии субъектов/акторов культурной политики, и при этом элиминируется вопрос государственного управления учреждениями культуры, что наши специалисты расценивают как существенное упущение. В ряде из них (французские исследования) обобщённо выделяют четыре подхода в организации культурной политики: целевой, институциональный, ресурсный и совмещённый / комплексный (управленческий). При этом предлагается учитывать «состояние институтов и ресурсов», имея в виду то, что культурная политика может осуществляться в рамках программ партий, объединений, движений, организаций, предприятий, администраций городов с их человеческими, финансовыми ресурсами и законодательной базой. Подчёркивается, что независимо от субъекта политики, в программах всегда содержатся долгосрочные и среднесрочные цели, задачи, объединённые в сложную систему.

Существует классификация моделей культурной политики (итальянских специалистов), в которых непременно должны содержаться следующие пять параметров: цели деятельности федерального центра должны сочетаться с интересами региональных и местных органов управления, а также интересами основных акторов в культурной сфере; цели государства должны соотноситься с реальными возможностями выбранных субъектов культурной политики; реализация культурной политики предполагает материально-техническое обеспечение функционирования культуры; культурная политика предполагает распределение ресурсов, как финансовых, так и человеческих, творческих, структурных, административных; в культурной политике непременно предполагается планирование по всем перечисленным параметрам. В этой классификации главная роль отводится государству как главному субъекту культурной политики, и второстепенная роль «объекта управления» творцам и институтам культуры.

В американском варианте классификации принципов культурной политики, известном из литературы, максимально широко охвачены все сферы, которые имеют отношение к формированию культурной политики, а также отчётливо обозначена решающая роль государства в формировании культурной политики. Выделяются следующие три вида действий, необходимых для осознанной культурной политики. Это - определение культурных ценностей, целей и приоритетов; выбор инициативных программ и определение расходов, соответствующих этим целям; мониторинг культурной политики с обратной связью. Обозначаются шесть основных векторов этой политики: сохранение культурного наследия (музейные коллекции, архитектура, живопись,

музыка, литература, а также навыков прикладных ремесел, фольклора); распространение «культурного продукта» через финансирование гастролей, спектаклей, трансляций, субсидирование стоимости билетов, издательской и рекламной деятельности; поддержка творчества (как работу творца, так и вспомогательного персонала, участвующего в культурном производстве); научно-исследовательское сопровождение проводимой культурной политики (т.е. верификация) и контроль её результативности; образование (обучение творческих специалистов); подготовка персонала (администраторов и работников смежных областей). Элементом культурной политики, служащим в качестве стимула к творческой деятельности, исследователями указывается анимация. Инструментами культурной политики, которым уделяется особое внимание, считаются обеспечение занятости, создание рабочих мест, распределение грантов и премий, создание и сохранение культурной инфраструктуры (зданий, оборудования, пространства для осуществления культурной деятельности), формирование законодательной и нормативной базы для деятельности учреждений культуры и искусства.

Русская/российская культура, как и всякая иная, ощутила на себе влияние культур сопредельных народов, определяющим фактором в формировании которых изначально была религия, позже замещённая светской идеологией. Российской ментальности свойственно своеобразное структурирование миропорядка с опорой на сменяющие одна другую идеологические доктрины. Например, за пол-тысячелетия существования в социокультурной практике ориентации на собирание земель как общую идеологическую установку, в российском менталитете устоялось ожидание декларации этой установки. В историографии нашего государства это нашло отражение. [101; 260].

В 1036 году, когда долгая смута закончилась, и Русь снова объединилась, теперь уже надолго, под властью князя Ярослава Мудрого, при котором Русь достигла значительных успехов во всех сферах жизни, первое, что сделал князь, - укрепил систему управления страной, послал в крупные города и земли своих сыновей и потребовал от них беспрекословного выполнения его распоряжений. Стремясь установить порядок и законность в землях, он ввел в действие первый на Руси писанный свод законов «Русская Правда». Законы касались, прежде всего, вопросов общественного порядка, защиты людей от насилий, бесчинств, драк, которых было много на Руси в эти времена. Закон строго наказывал за умышленное убийство. Причем допускалась еще кровная месть, за убийство можно было мстить, даже убить. Но это могли сделать только близкие родственники (отец, сын, брат, дядя), дальним

родственникам кровная месть запрещалась. Если близкой родни не было, то убийца платил «виру» (штраф в сорок гривен), таким образом ограничивался один из обычаев племенного строя.

Свод законов «Русская Правда» демонстрирует определённую иерархию общества: за убийство приближенных к князю людей полагались очень высокие денежные штрафы, жизнь холопа оценивалась ниже (пять гривен против восьмидесяти), чем жизнь свободного «мужа». Часто встречающийся в древнерусских источниках термин «правда» означает правовые нормы, на основании которых вершился суд («судить право» или «судить в правду», то есть объективно, справедливо). Источниками кодификации являлись нормы обычного права, княжеская судебная практика, заимствованные нормы из авторитетных источников, прежде всего Священного Писания.

Есть мнение специалистов, что существовал некий Закон Русский еще до Русской Правды (на его нормы есть ссылки в тексте Договора Руси с Византией 907 года), однако нет точных данных, какие из его статей вошли в текст Русской Правды. Согласно еще одной гипотезе, бывшее первоначальным название «Правда Роськая» происходит от лексемы «рось» («русь»), что означало «дружинник». В этом случае «Правда Роськая» может пониматься как кодекс, принятый для регулирования отношений в среде княжеской дружины. Значение традиции и норм обычного права в этом кодексе было меньшим, нежели в среде общины. «Русская Правда» дошла до сегодняшнего дня в списках 15 в. и одиннадцати списках 18–19 вв. В научной литературе эти списки подразделяют на три редакции «Русской Правды»: Краткую, Пространную и Сокращенную. (Энциклопедия «Кругосвет»). «Русская Правда» сначала 14 в. стала терять свое значение как действующий источник права. Смысл многих использованных в ней терминов становился непонятен переписчикам и редакторам, что вело к искажениям текста. С начала 15 века нормы «Русской Правды» утратили свою правовую силу, их перестали включать в юридические сборники. Но текст стали включать в летописные своды, - она стала историей. Разные редакции текстов «Русской Правды» положены в основу юридических кодексов многих городов, судебных грамот и общерусского свода норм эпохи Ивана III – «Судебника» 1497 г. [49; 142; 155; 176; 177; 207; 209; 427].

Эти и другие исторические факты служат иллюстрацией происходящей с течением времени смены социокультурных норм и правил, и параллельно происходящим их воплощением в стереотипы устойчивой совокупности социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных взглядов и убеждений, то есть,

в проявления «национально-культурного менталитета». Психологами определено, что ментальность образуется вследствие взаимодействия различных факторов: природных, социально-культурных, психологических и др. Формируясь под воздействием среды обитания человека, социальных условий жизни, культур, традиций, национально-культурная ментальность в свою очередь воспроизводит и ретранслирует их через образ жизни, язык, предания, тексты, Значения, смыслы - лингвокультуру в целом.

По мнению экспертов, сегодня растёт число специальных наук, совместно изучающих познавательные процессы, тем самым мультикультурализируя (как мы скажем), поле эпистемологического анализа, микшируя философские, культурологические, социокультурные и прочие дисциплины. Появились философская антропология, философия культуры, когнитивная наука и др. В центр исследовательских проблем теории познания выдвинут субъект деятельности. С точки зрения отечественного философа В.А. Лекторского, не устарели и старые эпистемологические направления исследований, имеется в виду деятельностный подход в его современном осмыслении, культурно-историческое понимание познания и сознания, взаимоотношение объективной и относительной истины в принятом в советской науке понимании. [220]. Рассуждая о плюрализме, уважении к иным системам ценностей, о толерантности, *без которой современная цивилизация просто не выживет*, В.А. Лекторский отмечает, что в понимании того, что такое толерантность, какую роль она может играть в налаживании взаимоотношений между разными культурами и в развитии культуры в целом, существует много неясного. Сам философ выделил три типа толерантности, лишь один из которых предполагает релятивизм как эпистемологическую и ценностную установку. По определению данного автора, толерантность как практика отношения к другим культурам, сосуществующим в мире (в том числе и в пределах одного государства), на принципах невмешательства в дела друг друга, получила название «мульти-культурализма». Но эта практика провалилась, так как каждая культура пыталась распространить своё понимание мира и жизненных смыслов на других. Именно эта ситуация, по его мнению, наблюдается сегодня в мире: с одной стороны, это глобализация, которая в современном её варианте является американизацией, а с другой, противостоящий ей исламский фундаментализм. Вместо мульти-культурализма и толерантности получается конфликт цивилизаций, об опасности которого предупреждали некоторые мыслители ещё пятнадцать лет тому назад. Таким образом, мульти-культурализм (через дефис), в трактовке нашего учёного, имеет двусоставный формат: американская глобализация vs исламский фундаментализм. Второе понимание толе-

рантности, которое В.А. Лекторский считает «исторически – первым», на практике означает политику «плавильного котла», т. е. осуществление мер, которые постепенно должны привести к растворению культурных, этнических и прочих различий в рамках единого целого. Эта политика провалилась даже в США, где, как казалось, она имела хорошие перспективы. Существует ещё одно определение, в понимании нашего философа, которое определяет соответствующую социальную и культурную практику, где никакого равноправия разных взглядов и систем ценностей не существует, одним из них отдаются предпочтения перед другими. В этом случае толерантность выступает как снисхождение к слабости других, сочетающееся с некоторой долей презрения к ним. Такое понимание толерантности, как отношение к представителям других культур и носителям иных взглядов на мир и иных ценностей как к людям низшего сорта может вызвать только ненависть с их стороны. Отечественный философ предлагает такое понимание отношений между представителями разных взглядов, концепций, систем ценностей, которое предполагает не просто терпимость, а заинтересованность в этих иных способах понимания мира, желание вступить с ними во взаимодействие. Он называет это - «больше, чем толерантность», - диалогом. Когда существует не только плюрализм взглядов по философским, ценностным, принципиальным теоретическим вопросам, но и взаимодействие этих взглядов, их взаимная критика и самокритика. В результате этой взаимной критики разные познавательные и ценностные позиции могут изменяться, а в некоторых случаях даже отвергаться. Развитие взглядов отдельных людей, развитие культур, научных программ предполагает коммуникативную деятельность, диалог с представителями иных позиций. Взаимодействие с позициями, отличными от других, сопоставление аргументации одной точки зрения с аргументами в пользу иной точки зрения выступает как необходимое условие развития взглядов взаимодействующих субъектов. Диалог выражается в уважении к чужой позиции, в наличии установки на взаимное изменение тех или установок в результате принятия критики. В.А. Лекторский говорит, что в результате критического диалога некоторые позиции могут отвергаться, возможен синтез разных позиций, вместе с тем диалог означает, что ни один из его участников не может рассматриваться как заведомо непогрешимый.

«Я в своих работах пытался показать, что все противопоставления одной группы наук другим, которые совсем недавно принимались в качестве чего-то само собою разумеющегося сегодня уже не действуют. Можно сказать, что науки о человеке «натурализируются», а науки о природе «гуманитаризируются». Указывая на прогрессивность мето-

дологии микширования дисциплин для науки, В.А. Лекторский, тем самым говорит о пользе мультикультурализации «науки о человеке». Гуманитарные науки получают мощный импульс от естественных и точных наук: возникновение таких дисциплин, как компьютерная психология, нейрофилософия, биологический подход к анализу языка и др. С другой стороны, идеи и способы анализа, которые считались до недавнего времени специфичными именно для гуманитарного знания, начинают использоваться для изучения таких естественных процессов, как переработка информации на нейронном уровне. В начале XX в. было популярно мнение о том, что природа сознания не может быть предметом научного исследования: не только естественнонаучного, но даже и психологического. О сознании в то время писали только философы, особенно философы феноменологического направления. Сегодня в рамках когнитивной науки мы наблюдаем бум в области междисциплинарных исследований сознания, в которых культурология играет интегрирующую и методологическую роль. Высокий темп обновления знаний, характеризующий информационные общества, обуславливает быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникативной деятельности. Многие социальные процессы становятся быстротечными и ценностно краткосрочными. Возможности всемирной коммуникативной сети (интернет) позволяют вступать в интеракции, создавая виртуальное «Я», которое сильно отличается от реального. Граница между реальным и воображённым «Я» размывается не только в киберпространстве, но и в самоидентификации; чтобы стабилизировать представление о своём реальном «Я», вычленив чёткие границы возможного и невозможного, которые лежат в основе рационального планирования действий, индивид вынужден интенсивно рефлексировать. Вмешиваются в этот процесс выстраивания «Я» информационные технологии, обладающие возможностями для манипулирования сознанием. Выстраивание темпоральной цепочки индивидуальной биографии, выведение абриса своей идентичности становится для индивидов делом непростым. Соответствующие трансформации происходят и в технологиях культурной политики, и в этой сфере очевидно появление нового – кибер-актора. В.А. Лекторский отмечает такую особенность современной философии, как установление тесных контактов с науками о природе и обществе, с одной стороны, с социальной и политической деятельностью – с другой. Такие науки о человеке и обществе, как психология, социология, социальная и культурная антропология, филология, которые с момента их возникновения и до недавних пор

претендовали на полную независимость от философии, сегодня вступают в тесное взаимодействие с ней. Сегодня различия между английской и американской философией практически стёрлись за счёт принятия большинством английских философов американской программы анализа. Аналитическая философия начала взаимодействовать с такими направлениями «континентальной» философии, как феноменология и герменевтика, американский неопрагматизм с постструктурализмом, появились «аналитический марксизм», «аналитическое гегельянство». По выражению философа, мы вступаем в «цивилизацию знаний», в которой наука играет исключительную роль. [220; 221; 222].

Одним из ведущих субъектов культурной политики в России является система образования. Определение путей развития образования – не только в нашей стране, но и в мире – зависит от того, какие цели перед ним ставятся, применение образовательных технологий определяется тем, чему мы хотим научить, какого типа личность мы собираемся воспитать.

Сегодня задачи обучения связаны со сменой образовательной доктрины Российской Федерации. Как заявлено, главными целевыми установками государственных образовательных стандартов третьего поколения в системе высшего профессионального образования становится получение учащимся в ходе обучения необходимого набора *компетенции*. В понятие «компетенция» в качестве составных частей включаются знания, умения, навыки и личностные качества (инициативность, целеустремленность, ответственность, толерантность и т.д.). Пересмотр дидактических принципов среднего общего образования и введение стратегии поликультурного образования происходит с учётом характерных особенностей XXI века, к которым относятся: осмысление феномена культуры как явления, пронизывающего все сферы жизни; расширением делового межкультурного взаимодействия; ускорением темпов обмена информацией; увеличением объёма и номенклатуры требуемых сведений о социокультурной специфике партнёров. И наиболее остро стоит вопрос установления толерантного сосуществования различных социокультурных общностей, поскольку процесс естественной диффузии культур хотя и ускорился, но он не отменил существующих различий. Делая прозрачными границы между различными типами культур, процессы глобализации мира приводят индивидов к встрече с неожиданными для них проявлениями чужой культуры, побуждая искать различия или сходство, принимать или отвергать их каноны, вынуждает интегрироваться или конфликтовать, то есть, затрагивает глубинные слои психики. Поведенческая реакция индивидов в ситуации обнаружения культурных различий может и

должна быть подготовлена, тем самым предсказуема. Как утверждают психологи, один и тот же человек, входя в разные коллективы, может меняться – иногда в очень значительных пределах. Знания о поведенческих особенностях и другой специфике локальных культур, тогда будет работать на повышение уровня толерантности, если они будут представлены через печатное слово широким слоям населения, а учащимся представлены для изучения в качестве дидактического материала. Тем самым будет решаться задача обеспечения поликультурной компетентности учащихся.

В светском государстве искренняя, осознанно уважительная терпимость была одной из целей образования и воспитания граждан, не являясь, однако, общеобязательной идеологией. Идеология толерантности – это не есть терпимость или требование обязательной терпимости вообще ко всему. Толерантность – специфическая психологическая установка, ориентирующаяся на уважительное восприятие чужой этнической, религиозной самобытности, других культур, обычаев и образа жизни, нравственных ценностей, мировоззренческих убеждений и мнений, проявлений человеческой индивидуальности, связанная с активным психологическим процессом, направленным на внутреннее самостоятельное психологическое преодоление или ослабление нетерпимости и неприятия «чужого» на уровне собственного менталитета. Российская Федерация как светское государство, в котором признается идеологическое многообразие и никакая идеология или религия не могут устанавливаться в качестве государственной или обязательной (части 1 и 2 статьи 13, часть 1 статьи 14), следует Стратегии (2012 г.), которая не предусматривает навязывание идеологии толерантности однако, также не попустительствует анархии в программах учебно-воспитательной деятельности.

Отечественные учёные считают, что терпимость и уважение к другой культуре выражаются не в отсутствии к ней негативного отношения, а в стремлении ее познать и заимствовать все ценное и полезное. Сравнивая усилия светских акторов культурной политики с деятельностью религиозных институтов в деле налаживания толерантного взаимодействия в современном обществе необходимо признать, что ни одна из конфессий не желает признать и пропагандировать толерантность (в академическом понимании). Так, по мнению председателя Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России, раввина З.Л.Когана, навязывание еврейским детям чуждых им религиозных вероучений, принуждение их к участию в чуждых для них религиозных действиях есть скрытая форма их духовно-культурного геноцида и проявление антисемитизма. И тем более не приемлема для

автора этой сентенции другая характеристика: «Толерантность – это не когда жители города или села спокойно относятся к строительству мечети или синагоги недалеко от православного храма, а когда они все вместе помогают построить новый храм представителям другой веры». [255; 355].

В подходе к этому вопросу академика Д.С. Лихачёва эксперты из числа радикалов обнаруживают пренебрежение ценностью русской культуры, восхваление ценности культуры «малого народа» как неизмеримо более высокой, видят игнорирование конституционной нормы (часть 2 статьи 19 Конституции РФ) о равенстве прав и свобод человека и гражданина независимо от национальности, языка, отношения к религии, убеждений: «Великий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями, обязан быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ должен помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру». По мнению других экспертов, поликультурная модель образования и воспитания формирует личность с размытым этно-религиозным сознанием. Модель поликультурности даёт учащимся ложную установку на то, что Россия является всего лишь полиэтническим и поликультурным сообществом граждан, в котором нет национального большинства или меньшинства. По мнению сторонников этой точки зрения, разработчики модели поликультурного образования сознательно опираются на ложную картину современного общественного бытия России, а их цель – воспитание носителей конформистского, неконфликтного сознания, оторванного от драматических реалий современного мира: «Такой архетип сознания можно охарактеризовать как антихристианский, ведь христианство предполагает в человеке свободный духовный выбор, дающий возможность отстаивать свой идеал и бороться за него. Таким образом, роль русской нации, как ведущей, государствообразующей нации, снимается с повестки истории. Национальное сознание нивелируется». [404]. Тем самым, по выводам данного эксперта (надо сказать, парадоксальным), игнорирование духовного наследия в школе, неизбежно (сознательно или неосознанно) ведёт к насаждению неоязычества, имеющего следствием возникновение нацистской идеологии, нетерпимости к иным этносам. Но разве кто-то оспаривает цивилизационную роль русской культуры и русского языка? Ошибка, обнаруживаемая в данном подходе имеет системный характер: автор говорит о русской нации, опираясь на уже не действующие атрибуты – «кровь», «земля», «вера», упуская из виду наиболее важные маркёры современной нации – культуру и самоидентичность. «Этнос», «нация» постепенно замещаются определением «культура», хотя ещё не изжит старый подход.

Учащихся подготавливают к тому, что необходимо уметь не просто воспроизводить информацию, а самостоятельно мыслить и быть готовым к реальным жизненным ситуациям, в том числе сопряжённым с увеличением количества и разнообразия межкультурных контактов. Стратегия поликультурного образования предполагает углублённое изучение различных культурных традиций и призвано формировать поликультурную компетентность как основу становления устойчивого толерантного мировоззрения. Потребность в поликультурных компетенциях обнаруживается в каждодневном режиме в связи с изменившимися параметрами взаимодействия: увеличении разнообразия контактов, географического разброса, прохождения за единицу времени, необходимостью учитывать как реальные, так и в виртуальном контексте. Если прежде можно было просто знать о множестве других культур и не учитывать их в повседневной жизни, то в информационный век знания требуются более подробные (хотя бы на уровне компетентности), применимые в режимах реального и интерактивного взаимодействия. Эти знания необходимы, по убеждению Р. Аслановой, профессора Бакинского государственного университета, так как в качестве теоретико-методологической основы культурной политики во всём мире апробируется мультикультурализм. Она считает, что у мультикультурализма есть будущее и нет альтернативы.

По всеобщему признанию, система образования – один из самых устойчивых, консервативных общественных институтов, осуществляющих функцию связи между поколениями, трансляцию совокупности социального опыта. Эта значительная для целей адекватной социализации человека функция присуща исключительно возможностям системного образования и не под силу другим институтам, в том числе и такому значимому, как семья. Традиционно считается, если потребуются формировать человека с новыми социокультурными характеристиками, то понадобится пересмотреть основы системы образования, дидактические принципы обучения. Это утверждение верно и для нынешнего времени, как верно и то, что новое время являет миру новые дидактические векторы, и педагогическая общественность воспринимает это не как революцию, а как естественное развитие педагогической мысли, которая не может оставаться статичной с того времени, когда впервые принципы обучения были сформулированы педагогом Я.А.Коменским в его «Великой дидактике» в 1632 году. Принципы обучения – это социальная и одновременно историческая категория. Та или иная стратегия образования возникает не изолированно, как некоторая, изобретённая специалистами абстрактная конструкция, она является частью определённых

теоретико-методологических оснований. Педагогическая система основывается на дидактических принципах как общих положениях, которые являются определяющими при отборе содержания образования, при выборе методов и форм обучения и т.п. И в этой консервативной структуре спустя столетия происходят изменения, что в свою очередь является следствием системных трансформаций в социокультурной жизни общества. Среди множества тенденций новой эпохи, влияющих на систему образования, на процесс обучения, ведущими становятся глобализация мира и сопутствующие этому события. Выясняется, что может сформироваться «генетически модифицированный человек» как побочный продукт глобализации, вследствие неконтролируемого воздействия на личность через новый мощный общественный институт (таковым его уже признают многие эксперты) - телевидение, при содействии других электронных способов передачи/получения информации.

Индивидуальное становление подвергается мощным атакам в обход традиционных институтов формирования личности. От этого воздействия не защищён даже взрослый человек, если не сформировался достаточно стойкий «культурный» иммунитет. Существует, на наш взгляд, способ выработки подобной защиты, в формировании которого главную роль играет сам индивид, во вторую очередь – социокультурные институты. Эта защита не что иное, как рефлексия, при которой возможно формирование осознанной позиции по защите собственной личности от вторжения, вырабатывающаяся при осмыслении факта появления принципиально новых каналов наполнения индивидуального контента. Имеются в виду новейшие способы получения и передачи информации, которые неконтролируемо воздействуют на индивидуальное и массовое сознание.

Умению грамотно строить мониторинг формирования собственной личности надо учить так же, как учат школьных педагогов работать с учениками. Грамотность в этом вопросе в современном понимании, означает больше, чем прежде достаточное знание о существовании дихотомии: человек существо биологическое (значит многое в нём предопределено биологически); и, что человек существо социальное, (значит, многое в нём от воспитания, образования, социокультурной практики). Требуется переход к рефлексии более высокого уровня, - над результатами своей рефлексивной деятельности, о которой Д. Дернер говорил: «рефлексия это способность думать о своем собственном мышлении с целью его совершенствования». [111]. Ж. Пиаже трактует рефлексивное мышление как процесс, осуществляющийся на основе знания субъектом логических законов связи объекта с направленным

на него действием и на основе осознания необходимости такой связи. [293]. Рефлексия как мыслительный процесс, включённый в более широкую мыслительную деятельность, сопряжён с использованием определённого языка и присущ только высокоразвитой личности, прошедшей через фазу психолого-педагогического образования.

Особенностью нового времени является активное подключение к переосмыслению теоретико-методологических вопросов обучения, воспитания, становления личности, поведения индивида в массе, не только педагогов, психологов, философов, социологов, но и обычных людей. Хотя в целом гомеостаз не нарушен, человеческое сообщество обеспокоено происходящим неконтролируемым «форматированием» личности. Вызывают обеспокоенность происходящие неожиданные всплески человеконенавистничества и конфликты возникающие на почве межкультурных разногласий. В этой связи научно-педагогическая мысль многих стран подошла к новому витку интереса к стратегии поликультурного образования.

Монологическая форма осмысления мира культуры, основанная на абсолютизации культурного единства, была исторически наиболее ранней. Принцип поликультурного образования («multicultural education»), который призван удовлетворить потребность осмысления мира культуры как единого и, в то же время, многообразного, сформировался и стал широко употребляться в западной интеллектуальной культуре 70-х годов. Считается, что поликультурное образование несет в себе много позитивного, оно расширяет горизонты образовательной деятельности, способствует формированию полифонического видения мира, ставит своей целью воспитание «неодномерного» человека, культивирует толерантность как нравственный идеал и норму поведения. Поликультурное образование зиждется на принципах признания равноправными различных форм познания: науки, религии, искусства, идеологии, здравого смысла и недопустимости авторитарности в научных суждениях. Это влечёт за собой закономерные социальные последствия, - формирование модулей - индивидов, способных встраиваться в различные форматы многокультурного, но унифицирующегося мира. Следует отметить, что в специальной литературе по этому вопросу однозначного положительного отзыва на опыт применения поликультурной стратегии встречается редко, хотя она признаётся приемлемой для нынешнего состояния развития общества и его культуры. Третий возможный подход применительно к российским реалиям, который можно назвать сбалансированным, предполагает, что оптимальная образова-

тельная стратегия возможна лишь при условии взаимной коррекции принципов моно - и поликультурности. По утверждению психологов, философов осмысление мира культуры как единого и, в то же время, многообразного, задача достаточно сложная. Для ее решения необходим особенный способ мышления, диалогический, который не дан человеку изначально, этому он обучается в процессе образования и жизни. Только диалог позволяет реализовать идеалы безусловной ценности личности и сбалансированного взаимодействия личности, общества и государства, т. е. общечеловеческого солидаризма. Конечной целью диалога является поиск компромисса. Эти цели декларируют образовательные доктрины многих стран.

Культурный монизм, как мировоззренческая позиция и основа образовательной стратегии, главенствовала длительное время и стала пересматриваться лишь во второй половине XX века. В настоящее время нарастает критика этой позиции, которая строится на невозможности обнаружить в её логике эффективные социокультурные механизмы, предопределяющие надэтническую целостность общества и формирующие индивидуальную поликультурную компетенцию. Кризису идеалов монокультурализма способствует также расширение международного сотрудничества, усиление миграционных процессов в мировом масштабе.

Когда в обществе происходят глубочайшие социально-экономические, политические и социокультурные изменения, не всегда положительного свойства, именно образовательным структурам, воспроизводящим общественные ценности, отводится главная роль. Человек, органически вписанный в глобальную сеть массовых коммуникаций, становится носителем множества культур: общечеловеческой (универсальной), национальной и набора элементов региональных субкультур. В этой ситуации формирование индивидов с неконфликтными способами самореализации и самоидентификации происходит только при условии направленного воздействия педагогической системы, через рекомендации, предназначенные для этих целей и включаемые в структуру всех образовательных кластеров. Российское общество всегда было полиэтничным, поэтому фактор поликультурности для нашей системы образования не является новшеством. Новыми могут стать для нас только обновляющиеся способы и формы, при обновляющейся теоретико-методологической стратегии образования, требующие от педагогической системы соразмерных изменений: гибкости образовательных структур, инновационности в организации учебно-

го и др. Второй аспект научной разработки новых основ процесса поликультурного образования касается способов достижения целей и решения поставленных задач. Изменения в дидактическом наборе для решения педагогических задач, связанных с применением стратегии поликультурного образования, потребуют согласования с происходящей диверсификацией образовательных структур, которая обусловлена теми же социальными факторами: потребностями гражданского общества; социальной дифференциацией населения; рынком труда, который отдает предпочтение междисциплинарным знаниям. Анализ литературы и реальных процессов, происходящих в образовании, позволяет выделить довольно сложную типологию этого процесса, который определяется через дифференциацию образовательных учреждений по наименованию и профилю, по вариативности форм и реализуемых программ, по уровню обучения и осуществляемых услуг, по организационным и правовым основам их деятельности, по общественному престижу и соответствующему статусу. Здесь стоит упомянуть об одном из аспектов этой типологии. Некоторым современным инновациям можно обнаружить параллели в традиционных системах обучения и воспитания. Отечественной научно-педагогической мысли, например, оказалась близкой по духу организация образования по принципу, который К.Д. Ушинский считал философским, говоря, что основным методом обучения должен быть «сократический» - метод постановки вопросов, позволяющий ученику самому найти ответ в процессе рассуждения. Этот метод сопрягается с методом «модульной технологии образования», который внедряется в отечественной образовательной системе в настоящее время. Принципиальные инновации в российской образовательной системе коснулись, прежде всего, одного отдельно взятого сегмента образовательной системы - содержания учебно-методического материала по истории государства. Затем стали варьироваться сегменты, которые были прежде строго стандартными: перечень обязательных предметов; количество учебного времени, отводимого на каждый из них; методики преподавания; государственная школа перестала быть главенствующим институтом образовательной системы. И, наконец, дело коснулось теоретико-методологической основы самой системы образования.

Действующая в настоящее время национальная доктрина образования в Российской Федерации провозгласила в числе основных целей образования «национальную и религиозную терпимость, ува-

жительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов», «развитие культуры межэтнических отношений», «формирование культуры мира в межличностных отношениях». Реализуются программы и методики, предназначенные для формирования личности, способной противостоять ксенофобии и межнациональной розни в социокультурных условиях многонациональности, не связанная с необходимостью ориентации на «классовый подход» и идеологию «коммунистического воспитания». Одновременно обнаруживается ряд негативных эффектов, которые связаны, в целом, с положительной тенденцией к децентрализации в управленческой иерархии сферы образования. Дело в том, что в государственные образовательные стандарты вносятся коррективы не только центральными, но и региональными структурами российской образовательной системы. Иногда эти изменения имеют выраженную региональную специфику и не всегда сопрягаются с задачами общегосударственного масштаба. В частности, широкий резонанс имели региональные инновации в двух звеньях образовательного процесса: 1) определении места русского языка в образовательной схеме, и 2) конфессиональная отнесенность предметов, в большей степени отвечающих за формирование нравственной сферы личности обучающихся. Главным достоинством российского образования всегда была фундаментальность подготовки. А одной из характерных особенностей как досоветской, так и советской системы образования и сопряжённого с ним воспитания было нивелирование культурного многообразия. Идея постепенного стирания национальных различий, сближения наций, направленная на достижение их полного единства, составляла методологическую основу образовательных программ советской школы, в связи с чем этнические культуры в них были представлены дозировано и в этнографическом формате. Теперь эта методологическая основа в корне поменялась, задачей поликультурного образования является более широкое освещение истории этнических культур. Организуется соответствующее новой доктрине структурное перестроение и методологическое переоснащение процесса обучения. Одним из вопросов, по мнению исследователей, является само определение образования: поликультурное-, мультикультурное -, кросс-культурное-, глобальное образование? Каждое из существующих на сегодняшний день определений отражает отдельный аспект данной области и имеет отпечаток их политико-географической отнесенности. В связи с этим предстоит анализ современного содержания основных понятий, характеризующих область поликультурного образования, используемых российскими и

зарубежными учеными: самоидентификация, самоощущенность, этническая и культурная группа, меньшинства и др.

Термин «поликультурное образование» является русской калькой англоязычного понятия «multicultural education», сформированного в западной интеллектуальной культуре в 1960-е годы, выражавшего нацеленность образовательных программ на формирование индивидов, способных к осмыслению мира культуры как единого и, в то же время, многообразного феномена. Первоначально понятие «поликультурализм» содержало отрицательную коннотацию, но в течение тридцати лет (к 1990 г.) оно трансформировалось в два разнополюсных понятия: «плюралистический поликультурализм» и «сепаратистский плюрализм». Первое определение стало трактоваться как продуктивная педагогическая стратегия для реформы учебно-воспитательного процесса в целях противодействия проявлениям этноцентризма и расового сепаратизма. Как показали исследования, несмотря на официальное признание продуктивности идеи поликультурного образования и наличие соответствующей законодательной базы, стратегия мультикультурализма в европейских странах пока ещё не реализуется, и остаётся на уровне общественной инициативы, а в некоторых странах даже отвергается в связи с признанием безуспешности предпринятых попыток. Имеющийся эмпирический материал не обобщён, понятийно-категориальный аппарат не унифицирован и остаётся заметно диверсифицированным. Дефиниции категорий и понятий мультикультурного образования базируются на различных философских, психологических, социокультурных, политико-экономических, и иных характеристиках. В научной мысли не сложилось единой методологической основы для понимания этой практики. Соответственно, отсутствует универсальная модель мультикультурного образования. Но параллельно в мировом образовательном процессе идея поликультурного образования переживает ренессанс. Широко обсуждается, возникшая как реакция на социокультурные реалии, новая система ценностей и целей образования, излагаемая с помощью нового языка науки. В научный оборот входят такие понятия как образовательное пространство, образовательный регион, образовательные технологии.

Третьей особенностью нынешнего времени является тот факт, что на первый план выдвигаются некоторые социокультурные феномены, которые не воспринимались как самостоятельный объект педагогического воздействия. Речь идёт о том, что (как и в начале XIX века) сейчас в центре внимания вновь оказалось массовое сознание, служащее

хранилищем социокультурных традиций. Указанный феномен не всегда позиционируется в качестве самостоятельного объекта для педагогического воздействия, так как параметры массового сознания считаются попутно формирующимися. Это заблуждение происходит, скорее всего, по той причине, что социума как самостоятельной субстанции в принципе не существует, точнее она существует виртуально. Единственной реальностью социума является массовое сознание. В массовом сознании находят отражение и соответствующее преломление масштабные государственные программы, а также массовые акции и проекты регионального измерения. Массовое сознание не является суммой индивидуальных сознаний, его нельзя созвать в одну лекционную аудиторию и чему-то обучить. У этой виртуально-реальной субстанции свои закономерности существования. Массовое сознание – объект культурной политики, оно всегда находится в фокусе интересов общественных наук и средств массовой информации, но в большей степени отдана на откуп социологам, социальным психологам, также является объектом перво-степенной атаки со стороны политиков, политтехнологов. В системе образования, соответственно, не постулируется необходимость трансформации политических целей гражданской консолидации полиэтничного российского социума в педагогическую задачу (или сверхзадачу) влияния на формирование массового сознания, предусматривая при этом контроль для удержания от крайностей формирования параметров, свойственных толпе.

Помимо рассмотрения специфики массового сознания, изменений методологического, социокультурного характера, для осуществления более глубокого анализа структуры познавательной деятельности индивидов при изменении стратегии образования педагогическому сообществу понадобится изучить модальность психических процессов, рассматривая качественные характеристики складывающихся когнитивных образов. Впервые придётся учесть существенное изменение, произошедшее в важнейшем звене образовательного процесса. Речь идёт об универсальном социокультурном феномене, присущем новейшей истории не только российского общества, то, что главным действующим лицом образовательного процесса, его объектом становится человек новой формации. Выросло поколение, с первых шагов погружённое в принципиально новый социокультурный контекст: персональные компьютеры, открытые границы, интернет, электронная коммуникация и другие гаджеты, способствующие ускоренному и непрерывному обмену информацией в режиме «минус фактор расстоя-

ния и часовые пояса». Современная дидактика, разрабатывающая теорию образования и обучения, воспитания в процессе обучения, в этой связи поставлена перед необходимостью пересмотра методик, всё ещё предусматривающих «нагружение» обучающихся знаниями, так как объём и доступность их возросли соразмерно увеличению каналов поступления информации. Также потребуется уточнение когнитивных характеристик обработки и усвоения информации, в настоящее время происходящего почти в непрерывном режиме. Среди главных принципов образовательной политики Российской Федерации остаются: сохранение целостности культурного и образовательного пространства России; гуманистический, светский и поликультурный характер образования. Есть также и культурно-политическая сверхзадача - «...формирование гармоничной гражданской идентичности, соответствующей историческим традициям, современному устройству и перспективам укрепления федеративного государства». [175; 180; 182].

Базовым учреждением поликультурного образования, согласно Концепции, является одиннадцатилетняя школа с тремя ступенями начального (1-4 классы), основного общего (5-9 классы) и полного общего (10-11 классы) образования, а в перспективе – и высшая школа. Тем самым содержание поликультурного образования сохраняет общий принцип единства и системности российского образования и отвечает требованиям федерального государственного образовательного стандарта.

Исторической особенностью развития нашей образовательной системы является тот факт, что оно достигло такого этапа, когда излишняя централизованность власти уступает место рациональному перераспределению полномочий между центром и регионами. Решение множества вопросов делегировано регионам. Исчерпала себя политика государственного патроната во многих сфера социокультурной жизни, в том числе и в сфере образования. Появились негосударственные образовательные учреждения, которые применяют гибкие стратегии обучения, используя новаторские практики отечественных педагогов и опыт других стран. Теперь функции педагога могут варьировать от информационно-контролирующей до консультативно-координирующей, т.е. коренным образом пересматривается традиционная роль педагога в образовательном процессе. Необходимостью в этой ситуации становится ускорение научных разработок, предлагающих оптимальную образовательную политику, учитывающую современные тенденции и инновации.

Практическими работниками системы образования реализуются первые нововведения. Среди них – введение преподавания в школе нового предмета - «религиоведения», которое было призвано отразить

культурное многообразие мира через известную социально-психологическую константу – существование во всех культурах веры в наличие бога или Высшего разума. Но из этого ничего не вышло. Светские вузы специалистов-религиоведов не готовят, приглашённые в школу религиозные деятели стали не преподавать, а *проповедовать* каждый свою конфессию, тем самым, выполняя не образовательную, культурологическую задачу, а *миссионерскую*. Детям это оказалось не понятно и не интересно, родители с ними солидаризировались.

Главная мысль И. Берлина - что бывают несовместимые, хотя и равно важные истины, и их невозможно соединить в каком бы то ни было синтезе. У разных людей (а говоря об истории - у представителей разных эпох) - разные цели и жизненные миры, но для нормального функционирования общества необходимы компромиссы. При этом нужно понимать, что компромисс - это не объединение, а результат взаимопонимания людей, которые вообще-то реализуют разные идеи и жизненные стратегии. И. Берлин цитирует Йозефа Шумпетера: «Осознать относительность своих убеждений и все же отстаивать их - вот что отличает цивилизованного человека от варвара». [421].

Субъектом культурной политики является общество, единственно способное регулировать некоторые общественно значимые вопросы через институты общественного мнения (религиозной лояльности и сохранения религиозно-значимых традиций, отношение к псевдокультурным объединениям и др.). Многие действия и поступки индивидов и групп регулируются не юридической сферой и не политической, а общественной, то, что неподвластно ни одной из тактик культурной политики (даже репрессивной). Хотя в современности групповая включённость индивидов уже далеко не безусловна, личный выбор и деятельность в современном социокультурном контексте во всё большей степени приобретают автономный характер. Происходят добровольные или вынужденные переходы не в свою культурную или вообще – в маргинальную группу (но не религиозную), создание своих микросубкультур. Известен вариант современной псевдо-культурной группы «white trash culture» («культура белых отбросов»). Это культура (первоначально на Американском континенте) американцев белой расы, не способных адаптироваться к американскому и европеизированному американскому культурному мейнстриму, цепляющихся за уходящую «американу» - кинотеатры под открытым небом для зрителей, сидящих в своих автомобилях, глянцево-журналы с сенсационными публикациями, фильмы ужасов. Постепенно понятие, обозначающее эту новую осциокультурную реальность, освободилось от одной

из, ставших излишней, частей и стала дискурсивным термином «trash». Трэш – псевдокультура, представляющая собой отказ от традиций, наивность (как выбранная форма личностной презентации), «творчество» необразованного халтурщика, озабоченного лишь быстрым заработком. Такая культура имеет ещё наименование «бактериальная культура». «Бактериальная культура» не собирается в готические соборы, а предпочитает округлые колонии, на манер свалок или излюбленных бедной Нового Света посёлков из снятых с колёс вагончиков». Бактериальная культура умеет одно – выжить и процвести там, где более высокоорганизованные организмы не выживают. Та или иная культура не во всех может войти, а эта прививается легко – так как всё ассимилируется без рефлексии, даже самое вредное, антиобщественное. Такая прививка может разрушить и уничтожить культуру изнутри.

Опыт социальных экспериментов XX в. привел мировое сообщество к отказу от идей этнокультурной унификации и утверждению идеала культурного многообразия человечества. Однако исторический процесс, характерной особенностью которого является непрерывно идущая глобализация мира, в соответствии с логикой диалектического принципа развития, ведёт культурный процесс по пути унификации культур.

То, к чему стремится мировое цивилизованное сообщество, в какой-то является для России реальностью. Россия исторически объединила в своем составе множество стран и народов, которые различаются по языку, культуре и вероисповеданию, по уровню социального развития. Это определило специфические поликультурные особенности российских этносов, которые, фактически, стали компонентами российской нации. Все «нерусские» народы страны говорят по-русски, социо-культурная жизнь всех этносов протекает на основе использования русского языка, даже этническая самоидентификация происходит уже на этой общей основе. Образовалась не только современная российская нация (русскоязычная), существует целый Русский мир, в который входит сама пространная Россия; выехавшие из страны в разные эпохи пласты русского – советского народа; жители постсоветских государств; пользователи русскоязычного интернета. Это обнаруживается в некоторых публичных сферах. Новшеством 22-го кинофестиваля «Кинотавр» (Сочи, 2011 г.), самого крупного из российских кинопросмотров, явилось принятие решения о том, что отныне участвовать в конкурсе «Кинотавр» может любой русскоязычный фильм, снятый русскоязычным автором в любой стране мира. По словам президента кинофестиваля связано это в первую очередь с тем, что интернет делает кино искусством космополитичным и в какой-то степени независи-

мым от больших студий или крупных спонсоров. Мы же видим в этом новшестве ещё один аспект: сохранение позиций русского языка как основания не только личностной, но и коллективной социокультурной идентификации и как показатель ориентации данной публичной сферы – кино - на русский язык, Русский мир.

Из результатов наблюдений феноменов интерактивного общения можно сделать вывод о появлении ещё одного субъекта культурной политики – «социальные сети». Виртуальные вещи нам также дороги, как и реальные. Тот факт, что виртуальные товары не имеют реального воплощения, оказалось, не умаляет, но может даже увеличивать их ценность для человека. Выяснилось, что цифровые фотографии, обновления в социальных сетях, коллекции песен в интернете и даже обычные электронные сообщения могут быть для современного человека психологически так же дороги, как памятные книги или любимая одежда. Хотя в некоторых случаях виртуальные вещи можно конвертировать в реальные. Причина не совсем тривиальная. Ценность таких вещей растёт из-за того, что ими можно легко поделиться с широким кругом людей или получить комментарий от знакомых. В этом смысле фото, которое ведёт куда-то по ссылке или под которым стоит чей-то отклик, становится более значимым, чем то, что просто стоит в рамке. В дополнение ко всему, таким образом можно размещать материалы, которые люди не могут позволить себе держать в комнате. Виртуальные вещи всегда доступны – с любого компьютера. И, наконец, виртуальный мир позволяет презентовать свой имидж для каждой возрастной или общественной группы, моделируя его по своему усмотрению. У этого стремления к виртуализации собственного мира есть ещё одна, негативная с точки зрения сегодняшнего наблюдателя сторона. [377]. По мысли отечественного культуролога Д.Б. Дондуря, люди, «вскормлённые» на развлекательных, по большей части, форматах телевизионного просвещения, не способны надолго удерживать в голове серьёзную информацию, они очень терпимы к насилию, не отличают психологию нормального общества от психологии зоны. Такое формирование сознания миллионов людей важнейшим культурным институтом страны (а телевидение на сегодня им, безусловно, является) будет способствовать нашему отставанию не только от европейцев, прибалтов, но завтра и от некоторых наших соседей по СНГ.

Кто может/должен/способен вмешаться в этот процесс нарастающего отчуждения? Есть мнение, что остались два «могиканина»: искусство и социология. Мы бы добавили ещё одного актёра. Есть «великий и могучий» (речь идёт о языке) и носитель «великого и

могучего» (со своей психологией). Социология измеряет, фиксирует, анализирует, синтезирует, рекомендует. Искусство своими средствами обнажает, обличает, воспитывает, не даёт одичать. Язык удерживает в сознании, мышлении, в интеллекте индивидов полученную и переработанную информацию, с помощью языка происходит рефлексия над полученным массивом информации. Индивидуальная психология, обладающая средствами канализации, транслирует дальше вглубь, в глубины личности полученный продукт. И тут нам является основное действующее лицо – человек. Он ответственен за всё, что вокруг него происходит. При этом понятно, что должен сформироваться человек, способный правильно оперировать исходным знанием, умеющий дать оценку и сделать выводы по избранным критериям; умеющий работать с «неизвестными» на основе известного знания и с «будущим» на основе знания прошлого и настоящего. Человек способный экстраполировать, работать умственно. Экстраполяция в этом отношении неизбежный прием любого творческого мышления и деятельности, важнейшее средство диагностических процедур и прогнозирования. А кто его обучает этому? Нам также известны все звенья образовательного кластера: семья, дошкольные учреждения, школа, сам человек, виртуальный мир, телевидение, общество. Процесс отчуждения человека от реального мира нарастает. Этим определяется особенное внимание к психологическим, этническим и конфессиональным характеристикам групп участников процесса. Аккумулирующаяся при этом энергия процесса «брожения» настроений масс становится предметом интереса политиков по той причине, что формирование общественного мнения, участие гражданских институтов, электронных СМИ как основного средства массовой коммуникации достигли такого уровня, когда они стали основным полигоном для испытания политических концепций и проектов. В этой «публичной сфере», то есть в среде образованной, читающей и пишущей публики, и обсуждаются, формулируются идеологические концепции. Именно из «публики» эти идеи транслируются в «народ» по мере того, как они становятся доступны для пропаганды и печатного слова. При этом на пространстве Российской Федерации отмечают несколько «публичных сфер» (например, московская научная школа, санкт-петербургские писательские, художественные школы, казанская, поволжская, сибирская, южная региональные общественные организации, национально-культурные автономии и др.). Эти различающиеся, хотя и не изолированные вполне друг от друга «публичные сферы» и есть

пространства функционирования дискурсов и, соответственно, различающихся дискурсивных практик. В этих сферах протекает мониторинг общественных процессов и обратная связь.

Одним из результатов подобного мониторинга является отмеченное стремление некоторых российских народов глубже изучить или восстановить собственную этническую историю. В возрождении интереса к своим корням мы видим веху в развитии социума. Ничего неожиданного или нежелательного в этом факте мы не видим – это элемент развития. Логика подобного подхода диктует необходимость обозначения (предвосхищения) контуров социума в ближайшей перспективе. Задача эта для России в определённой мере непростая, так как феноменом российского общества является наличие более ста шестидесяти государствообразующих народов, следовательно - более ста шестидесяти, образно выражаясь, «несущих конструкций». Стрежневым среди них является русский народ. Возможно, это не всегда и не всем очевидно. Но совсем не желательно, чтобы оно стало такой очевидностью, как обнажившийся стальной стержень («опорный пилон») внутри конструкции башни на Манхэттене, о существовании которого мало кто знал до катастрофы 11 сентября 2002 года. Центральный стержень жесткости, каркас по периметру и междуэтажные перекрытия. Теперь уже известно, что конструкция зданий была уникальной, похожей на велосипедное колесо. Специалисты говорят, что башни рухнули так, словно десятки опор по всему периметру зданий обрушились одновременно. Другие считают, что потеряли несущую способность как раз эти перекрытия, а точнее скобы, что крепили их к стержню и каркасу. Как бы там ни было, это трагедия. А потрясения никому не нужны. Дело в том, что настолько же неустойчивыми может сделать системы нашего государства состояние несбалансированности взаимоотношений большого количества этносов, входящих в его состав. Контролировать этот баланс взаимоотношений, значит определить принципы бесконфликтного межэтнического взаимодействия, участвовать в решении вопросов о статусе этносов и др. А вопросы здесь возникают: необходимо ли произвести корректировку ориентиров на иной крупный этнос или считать стержнем конструкции российской нации русский народ; повернуть вектор ориентации на свой этнос и провозгласить его единственным государствообразующим стержнем; декларировать «равенство и братство народов» или перманентное противостояние и т.д. Вопросы эти достойны быть темой для обсуждения на форумах маленьких и больших общественных организаций. И для государственных организаций и ведомств вопро-

сы эти являются не в меньшей степени значимыми, чем обеспечение финансово-экономической безопасности государства.

Мы солидарны с мнением лидера Англиканского сообщества, архиепископом Кентерберийским (Роуэн Уильямс), который назвал основной причиной беспорядков в местах проживания иммигрантов в Лондоне и других городах Британии [вовсе не «кризис мультикультурализма»] «кризис духовности, гражданского самосознания и ответственности, а также цинизм и отчуждение в обществе», что в свою очередь явилось «негативным последствием кризиса образовательной системы», которая «не направлена на воспитание человека, формирование его характера и передачу ценностей общества.... Если мы хотим это изменить, то следует фокусироваться не только на самой преподаваемой дисциплине, а на конкретных нормах поведения, которые мы хотим передать молодым» [127].

Если в этнических и религиозных вопросах для государства возможно и даже желательно оставаться «нейтральным», подобная позиция в отношении языка является непрактичной. Понятие гражданства требует общего языка для взаимопонимания и эффективной коммуникации. Ни одно государство не может обеспечивать услуги и выпускать официальные документы на каждом из языков, используемых на его территории.

Культурное многообразие России – это не просто номенклатура проживающих в стране народов, а многообразные, в том числе множественные и многоуровневые формы идентичности среди российского народа. Тогда люди, принадлежащие к меньшинствам, не будут лишены возможности участия в доминирующей российской культуре на основе русского языка. [355]. Современный подход к этнокультурному многообразию предполагает проведение эффективной культурной политики, ориентированной на поддержку культурного многообразия, а не культурного консерватизма, ограничивающего в праве выбора образа жизни. Эту мысль в своё время высказывал и советский философ М.К. Мамардашвили. [240, с.174-213].

В какой-то момент многим на Западе и в нашей стране показалось, что история закончилась и мир стал плоским. Что одна модель развития общества победила, что эта модель стала универсальной, что в мире задает тон растущий средний класс с одинаковыми ценностями, интересами и потребностями. И что мир состоит из отмирающих государств, идущих по одному пути. [275].

По мнению отечественного социолога В.К. Антоновой, в основном исследования, которые хотя бы косвенно можно отнести к сфере мультикультурализма, касаются вопросов национальных и федератив-

ных отношений, как в России, так и за рубежом. Примером подобного ряда работ считаются работы известных отечественных социологов, этносоциологов, философов Р. Абдулатипова (1996), Ю. Арутюняна (1997), Л. Дробижевой (1997), А. Сусоколова (1997), В. Тишкова (1997), В. Малахова (2012). Работы указанных авторов раскрывают понятия нации, этноса, этничности, рассматривают проблему суверенитета и межэтнических отношений, возможности гармонизации межэтнических отношений в субъектах Российской Федерации, а также принципы социального управления межэтническими отношениями. Кроме того, упомянутые ученые рассматривают специфику субъект-объектных отношений между федеральным центром, субъектами РФ, национально-культурными автономиями. термин «мультикультурализм» В ранних работах этих и других отечественных авторов, а также в публичной сфере термин «мультикультурализм» применительно к российской действительности не использовался. Обычно использовались понятия «многонациональные республики», «сложносоставные субъекты федерации», позже – «плюралистические общества», «многосоставные общества».

Как пишет В.К. Антонова, среди культурных групп, заявивших о себе в том числе как субъектах социальной политики, появились такие акторы, которые ранее в нашем обществе не классифицировались как таковые, это женщины, «видимые меньшинства», аборигенные/коренные народы, инвалиды. [13].

Н. Глейзер, например, отмечает, что мультикультурализм охватил прежде всего государства с иммигрантскими основами, такие как Австралия, Канада и США. Одновременно мультикультуралистские тенденции набирают силу и в странах Европейского Союза, таких как Великобритания, Франция, Германия. Элементы мультикультурализма можно обнаружить и в России. Причем, практически везде мультикультурализм обладает изрядной долей специфики [84]. По мнению учёных Санкт-Петербургского университета в России идея мультикультурализма не является ведущей, но в реальной практике именно Россия наиболее близка к полноценной реализации его принципов и заложенного в нём конструктивного потенциала. На протяжении многих веков страна объединяла множество этносов на основе русской культуры и русского языка. Сегодня многие традиции совместного проживания разных этносов на одной территории сохраняются. Именно принципы мультикультурализма могут стать тем ресурсом, который позволит сформироваться гражданскому обществу на основе консенсуса между всеми пластами нового россий-

ского общества.

Существует несколько современных моделей образования, характерных для различных цивилизаций и культур: *мультикультурная, интеркультурная и транскультурная*. *Мультикультурное образование* сохраняет идею господства нации-государства, которое позволяет меньшинствам развивать свою культуру (мультикультурное знание, осознание), но в ограниченном виде, оставляя за собой право контроля за сферой культуры и образования. Смысл мультикультурного образования в ассимиляции меньшинств. Студенты только узнают новую культуру или знание, но не выходят за рамки своей национальной субъективности.

Концепция *интеркультурного образования* предложена немецким исследователем Р. Форнет-Бетанкур. Он стремится изменить образование, а философию, открыть ее иному знанию и кроме европейской традиции услышать мнения других традиций. Существуют и другие модели интеркультурного образования. Примером такой модели может быть университет Aman Tai Wasu – дом мудрости или дом учения в Эквадоре. В этом университете (плюриверситете) используются все модели, а не только западная. Даже степени присуждаются с учетом эпистемологической и языковой традицией культуры народов «кечуа» или «айамара». При этом студентам не просто предоставляется сумма фактов, абсолютных знаний, а дается возможность научиться «быть собой», соотнести знания с личным и общественным опытом.

Целью *транскультурного образования* является воспитание особой субъективности, в рамках которой иная культура, традиция, цивилизация, индивид и образование рассматриваются не как препятствие, которое нужно преодолеть, а как самостоятельное явление, где надо вступать в диалог и культурное взаимодействие на равных. Новая транскультурная субъективность выходит за рамки национального, но лучше адаптирована к новым глобальным потокам информации, перемещению людей и капиталов. Воспитание и образование такого индивида основано не на сообщении ему суммы мультикультурных фактов, а на культивировании критического мышления, повышенной этической и политической ответственности. Транскультурная модель образования основана не на простом видении и понимании иного, но на стремлении восстановить его права, услышать его, сформировать альтернативный мир, в котором сосуществует множество миров. Творческое, игровое начало является очень важным принципом транскультурного образования. Для обеспечения такого образования необходима специальная подготовка преподавателей,

развивающая критическое мышление через транскультурные интеллектуальные проекты. Это могут быть семинары, мозговые штурмы, летние школы и др. причем работа должна проводиться на основе междисциплинарности, на основании совместных интеллектуальных, этнических проектов и межкультурного диалога их участников.

Сегодня в системе образования, в том числе и высшего, происходят существенные изменения, которые обусловлены переориентацией образования от ЗУН к компетенции и компетентности. Существуют разные версии современной модели образования, претендующих на переосмысление соотношения гуманитарного и технократического элементов, фактологии и герменевтики. Отечественные специалисты Н.С. Кирабаев и М.В. Тлостанова считают, что наиболее мягкая форма переосмысления национальной модели – идея мультикультурного образования. Смысл мультикультурного образования – интеграция, при которой студенты получают возможность лишь «продегустировать» иную культуру или знание, не выходя при этом за рамки своей национальной, этнической или иной субъектности. В мультикультурализме не меняется ни снисходительно покровительственное отношение к иному, ни жесткая установка на его исключение из области принятия решений [174]. Анализируя интеркультурное образование, ученые приходят к выводу, что интеркультурная модель образования остается в рамках существующих дисциплин, но при этом осуществляется диалог между ними: они междисциплинарны по своей сущности. Главное в стратегии интеркультурного образования – не предоставить студентам сумму фактов, неких абсолютных знаний, а дать им возможность научиться «быть собой», что связано не столько с овладением позитивным знанием, сколько с необходимостью его соотнесения с непосредственным личным и общественным опытом [356]. Что касается транскультурного образования, то его наши учёные считают идеалом на фоне глобального господства корпоративного университета и технократической модели образования. Цель транскультурного образования – воспитание особого мировоззрения, в рамках которого иная культура, традиция, цивилизация рассматриваются не как препятствие, нуждающееся в приведении к общему знаменателю (чаще всего – своему), а как вполне самостоятельный субъект или явление с собственными диспозициями и характеристиками, с которыми надо вступать в диалог, в эгалитарное интеллектуальное и культурное взаимодействие. В транскультурной модели образования обучение и воспитание понимаются как необходимое условие и важнейшее средство перехода к освоению вершин человеческой культуры.

Заключение

Глобализация мира, начавшаяся с расселением людей по планете, сегодня отражающая формирование единого общемирового финансового, информационного, культурного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий, вовсе не нашего тысячелетия предикат, а только один из ее этапов.

Расселение людей по планете повлекло за собой расширение пространства культуры, прогресса, стало залогом расширения пространства цивилизации в ойкумене и источником последующей мультикультурализации человеческих обществ, т.е. явилось началом глобализации мира. Антропологи в последние десятилетия особое внимание уделяют соотношению эволюционного приспособления к среде и роли мутаций в появлении современного человека разумного, потомки которого в течение нескольких тысячелетий расселились по всем континентам, кроме Антарктиды.

Согласно данным антропологических исследований происхождение человека разумного (*Homo sapiens*) имеет несколько основных этапов: появление древнейшего предка людей рамапитека (*Ramapithecus*) около 10—15 млн. лет тому назад; появление австралопитеков (*Australopithecus*) примерно 5 млн. лет назад; выделение среди них человека умелого (*Homo habilis*) 2—3 млн. лет назад; их дальнейшая эволюция в человека прямоходящего (*Homo erectus*) в следующие 1—1,5 млн. лет (его многочисленные останки — питекантропы, синантропы и др. — выявлены на пространстве всего Старого Света); появление более близких к современным людям неандертальцев (*Homo neanderthalensis*), живших уже 200 тысяч лет назад.

Со времени появления кроманьонцев (40—50 млн. лет назад) на Земле сменилось примерно 1600 поколений человека разумного. По мнению многих ученых, биологическая эволюция этого вида была незначительной. Первоначальные этапы культурной эволюции человечества во многих отношениях носили изолированный характер, но это не исключало их взаимодействия и широкого заимствования технических достижений, по крайней мере, со времен раннего неолита, а вероятно, и раньше. При всем своеобразии локальных и региональных цивилизаций, возникавших на земле с 4-го тысячелетия до н. э., культурная эволюция человечества представляет собой универсальный процесс.

Сегодня членение всемирной истории на четыре технологические эпохи является наиболее распространенным - собирательства и охоты, аграрного производства (земледелие и скотоводство), индустриального и постиндустриального, информационного обществ. Современное человечество находится на разных этапах всех этих четырех эпох с преобладанием

перехода от аграрного общества к индустриальному в развивающихся странах и от индустриального к постиндустриальному - в развитых. Таким образом, можно говорить, что человечество изначально мультикультурально.

При сохранении всего культурного многообразия в настоящее время созданы важные предпосылки для формирования общепланетарной цивилизации. Однако при всём при этом, распространённые в новейшее время представления о слиянии в ближайшем будущем всех наций в гомогенное человечество, говорящее на одном, общем для всех языке, являются утопическими даже для отдаленного будущего.

Осознание общечеловеческой солидарности началось еще в древности, это нашло свое воплощение в заповедях универсальных мировых религий (ислам, христианство, буддизм и др.). Несмотря на все цивилизационные и мировоззренческие противоречия, оно сохранялось и развивалось вплоть до нашего времени. Глобализация мира, запустив механизм взаимопроникновения культур (мультикультурализацию обществ), способствовала тому, что цивилизационные открытия не остались законсервированными в местах своего возникновения. Учёные насчитали около 200 культурных изобретений и открытий, сыгравших решающую роль в культурогенезе, которые распространились во всех культурах. В них опредмечен вневременной язык математики, геометрии, астрономии. Однако в ряде случаев, цели и технологии создания множества артефактов остаются непонятными вследствие утраты живой связующей нити культур,- в определённый период культуры, возможно, замкнулись в себе, прервалась преемственность.

Этот процесс протекает по закону диалектического развития. Спустя почти 2 миллиона лет, по-прежнему продолжающаяся глобализация мира, вносит радикальные перемены в процесс культурного развития – *поворачивает вспять* движение процесса культурного развития, т.е. унифицирует культуры, хотя и на качественно ином уровне, когда культуры взаимопроницаемы, «слышат и видят друг друга». Сохранность культурных традиций, достижений цивилизации, их ретрансляцию при продолжающейся унификации обеспечивают такие институции как интертекстуальность, мультикультуральность. Мультикультуризм как аккумулятор локальных культурных традиций и механизм поддержания живой ткани культуры на сегодняшнем этапе глобализации мира и сам нуждается в поддержке. Эта противоречивость отражает динамику в развитии культуры.

Третья из влиятельных моделей культурной политики (после ассимиляции, интеграции) – мультикультуризм как теория служит решению сложной проблемы неконфликтного взаимодействия, связанной с культурной разнородностью современных обществ. Существующий приоритет двух первых моделей объясняется тем, что для их воплощения в реальности особых техник культурной политики и затрат не

требуется. Мультикультурализм же требует полилога, взаимной толерантности акторов культурного процесса и следования определённой государственной доктрине культурной политики. Эта модель инвариантна, сложна для реализации, так как атакуется глобализационными унифицирующими тенденциями. Она наделена темпоральным измерением - зависит от времени жизни институтов власти, политических институтов, способности конкретных персон длительное время следовать установлениям выбранной позиции, длительности позитивных взаимоотношений правящей и оппозиционной элит, долгосрочности взаимодействия государственных и международных организаций, временем существования индивидуальных и групповых акторов культурной политики. Она более наукоёмка, финансово- и трудо-затратна, требует постоянного контроля, поэтому менее привлекательна для популистских целей.

Современная концепция культурной политики, опирающаяся на теорию мультикультурализма, способна обеспечить формирование коллективной идентичности, как чувства принадлежности не только к узко трактуемому community, но также, в более широком плане, - к эпохе, времени, человечеству, государству, к определённой гражданской нации.

Существует отличный от глобального и европейского вариант мультикультурализма - «русский мультикультурализм». Его особенности можно артикулировать институционально. Институции не существуют без риторики, риторикой институций «русского мультикультурализма» является культурная политика, опирающаяся на следующие постулаты:

- мультикультурализм - это концепт, состоящий из набора определённых теорий и практик для осмысления культурной неоднородности обществ;

- временем зарождения мультикультурализма, как социокультурной реальности, является начало расселения людей по планете, а не время появления аналогичного термина в современных лингвокультурах;

- экзистенциальной сущностью «мультикультурализма» является мультикультуральность, как характеристика культурной неоднородности общества, формировавшаяся параллельно с развитием цивилизации и прогресса;

- мультикультурализм - и сам мультиплекс, как дискурс связывается не только с вопросами структуры общества, взаимоотношений государства и общества, различных групп между собой, с проблемами миграции, но и с широким спектром культурных феноменов: искусство, наука, философия, литература, политика, медицина, радиоэлектроника, кибернетика e.t.c.

- перманентная многокультурность российской нации как историческая данность, присутствует в модусе «фигуры умолчания» в российском обществоведении и массовом сознании. Мы не ставим вопрос, до какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и когда к нему можно перестать относиться терпимо, так как проблема видится совершенно в ином: в «культурализации» (автор термина К. Клакхон) социальных, экономических, политических вопросов.

Социокультурная реальность априори мультикультуральна. Для любой новой идеи, для нового акта восприятия имеются свои предпосылки, и человек, взаимодействуя с поступающей информацией, всегда дорабатывает ее в своем сознании согласно содержанию своей репрезентативной системы; собирая некий целостный образ, не сводимый к свойствам суммы составляющих его элементов. Такое целостное восприятие называется «гештальтом», финальный образ не является эксклюзивным – он интертекстуален, складывающиеся образы и идеи имеют в своей основе связь с опытом предшествующих поколений.

Авторами термина и теории мультикультурализма являются Г. Маркузе и И. Берлин. Введение в язык научных исследований терминов «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» в немецкоязычном пространстве считается заслугой Хайнера Гайсслера, руководившего в своё время партией ХДС. Первыми пропагандистами мультикультурализма выступили представители германского промышленного капитала, озабоченные ухудшением ситуации на рынке труда. Мультикультуралистский дискурс имел инструментальный характер и в других европейских странах, мультикультурализм лежит в основе советской/российской государственной национальной политики, хотя именно этим термином не именуется. Принципы мультикультурализма логично встроены во множество действующих российских государственных концепций, доктрин общего характера, а также в основополагающие для культурной политики документы - Конституцию Российской Федерации и Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации.

Нами выведено своё рабочее определение культуры, в котором имплицитно присутствуют известные социальные, психологические закономерности, влияющие на этот процесс, и указание на его главное звено. **Культура - это сугубо человеческая деятельность и её результат, знаково- и социально опосредованные, фундированные развитием высших психических функций.** В психологии высшие психические функции (ВПФ) это сложные формы сознательной деятельности (память, мышление, восприятие, речь), осуществляемой на основе соответствующих мотивов, целей, программ, и подчиняющей-

ся закономерностям функционирования психики. Основные признаки ВПФ: опосредованность, произвольность, системность, социальность.

Мультикультурализм не может решить проблемы религиозной лояльности и межконфессиональных разногласий, также как и множества других вопросов, относящихся к иным компетенциям. При этом востребованность мультикультурализма как идеологии, очевидна. В современном российском обществе процесс обретения мультикультурализмом характера адекватной стратегии культурной политики и повседневной практики реален, т.к. для этого имеется все предпосылки: правовое пространство, возможность согласования институциональных и социокультурных компонентов, возможность использования правового и информационного сопровождения всех этапов социализации. Мультикультурализм как принцип структурирования общества обеспечивает такое построение культуры, при котором смерть человека - носителя культурной традиции, распад локального культурного сообщества - носителя культурной традиции не обязательно приведёт к тому, что эксклюзивные знания будут утрачены для остального человечества. Сохранность живой ткани культуры обеспечивают такие институции, как интертекстуальность и мультикультуральность. Мультикультурализм служит инструментом аккумуляции и ретрансляции культурных традиций и цивилизационных знаний.

Задача культурной политики, отчётливая и ясная в практической проекции для всех субъектов - не отрицая общепринятого представления о российской нации как исторически сложившемся сообществе множества этнокультурных групп и коренных народов, формировать инновационные представления о российской нации как о гражданском, территориально-политическом и социокультурном единстве.

Один из субъектов культурной политики - система образования, институт общественного воспроизводства и наиболее действенный инструмент культурной и политической интеграции, отражая интересы и запросы государства и общества, обеспечивает успешную социализацию новых поколений, и тем самым социальную стабильность, как необходимое условие развития.

Мультикультурализм активно подвергается критике со стороны представителей таких направлений общественной мысли, как либеральный национализм, феминизм, космополитизм. Оппоненты мультикультурализма среди его изъянов называют создание «угрозы» национальной гармонии и единству, усложнение процесса ассимиляции. Так или иначе, будущее глобального общества невозможно без сосуществования различных культур, и, несмотря на обширную критику в его адрес, мультикультурализм остается основным принципом нового общества, развивающегося в процессе глобализации мира.

Список литературы:

1. Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Судьбы народов России в XXI веке: Стратегия государственной национальной политики. - Махачкала: «Эпоха», - 2013. - 192с.
2. Абдулатипов Р.Г. Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. - М. Славянский диалог. - 2001.
3. Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Степени этничности как основа национальной политики//Социологические исследования.-2012. № 10,с.42-50.
4. Абсаямова А. «Мультикультурализм»: к определению понятия // Alma Mater: Вестн. высшей шк. - 2005. - № 5. - С. 27-31.
5. Аверинцев С.С. Попытки объясниться: Беседы о культуре. - М., - 1988.
6. Акоюн К. В. Культура в глобализирующемся мире // Безопасность Евразии: Журн. личной, нац. и коллектив. безопасности. - М., 2002. - № 4. - С. 398.
7. Актуальные проблемы культурной политики современной России : [сб.] / ред.-сост. Б. Ю. Сорочкин. - М., - 2008.
8. Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии (Тезисы)// Полис. №3, 1997. С.16-22.
9. Альтерматт У. Этносоциализм в Европе. - М.: изд. РГГУ, -2000. -224 с.
10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М., -2001.
11. Андрианова Т.В. Геополитика и культура: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. - М., 2001. - 92 с.
12. Антонова В. К. Государственная служба Канады и США: влияние мульти-культурализма / В. К. Антонова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. -152 с.
13. Антонова В.К. Мультикультурализм: идеология, политика и культурный код современности. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. 118 с.
14. Ахиезер, А. С. Культурные основы этнических конфликтов / А. С. Ахиезер // Обществ. науки и современность. 1994. - № 4. - С. 115-125.
15. Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. - М., - 1967.
16. Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989.
17. Астафьева О. Н. Плюрализм культурный / О. Н. Астафьева // Соци-ол. энцикл.: в 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; руководитель науч. проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, - 2003. - Т. 2. - 863 с.
18. Астафьева О.Н. Культурная политика как теоретическое понятие и вид управленческой деятельности. М.: Изд-во РАГС, 2010. - 69 с. Код доступа: <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/20.html> (время обращения:07.10.2014-21:42)
19. Ауробиндо Ш. Г. Интегральная йога Шри Ауробиндо, - Москва,- “Никос,” 1992. -205 с.
20. Ауробиндо Шри. Идеал человеческого единства. - СПб.: Мирра, - 1998.
21. Баба Х. (Homi Bhabha) Диссеминация: время, повествование и края современной нации. URL:http://www.intelros.ru/pdf/siniy_divan/2005_06/5.pdf
22. Бандурка А. Мультикультурализм: «Слухи о моей смерти несколько преувеличены». Последнее изменение: 2012-10-15 19:03. Код: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/bandurka-multikulturalizm>
24. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. - М., -1989.
25. Баткин Л.М. Неуютность культуры. / Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. - М.: ТОО «Курсив-А», 1994. - С. 20.
26. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.Л. Коробочкина, под ред. Е.В. Яновской. - М.: Весь мир, -2004.- 188 с.
27. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - М.: Худ. лит.,-1979. 504 с.
28. Бек У. Что такое глобализация? - М., Прогресс-Традиция, - 2001.
29. Беккер Ф. Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // Ab Imperio. 2001. № 3.С. 67-95.
30. Белая книга по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве». Утверждена министрами иностранных дел стран-членов Совета Европы на 118-й сессии Комитета министров, Страсбург, 7 мая 2008 года // http://www.coe.ru/publication/epublication/ebook/White%20paper_russian.pdf
31. Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. - М., -2000.
32. Белик А.А. Психологическое направление в этнологии США. От исследований «Культура-и-личность» к психологической антропологии // Этнология в США и Канаде. - М., - 1989.
33. Белл Д. Градущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
34. Бенедиктер Р., Молц М. Становление неоинтегративных мировоззрений. Глава 1 из кни-

- ги «Критический реализм и духовность» (Hartwig M., Morgan J. (eds.). *Critical realism and spirituality*. — Routledge, Taylor & Francis Group, 2011. P. 29–74.). Код доступа: <http://www.integralportal.ru/docs/DOC-2231>
35. Бенхабиб С. Приязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – С. 31.
 36. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М.: Немецкий культурный центр имени Гете. «МЕДИУМ», – 1996
 37. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., -1995.
 38. Бердяев Н. Смысл истории. – М., -1990 – С.14.
 39. Берлин Исайя. Философия свободы. Европа. Серия «Либеральное наследие». – М.: Новое литературное обозрение, – 2001, – 448 с.
 40. Бессарабова И.С. Мультикультурное образование в США: подходы к определению/ И.С.Бессарабова// Сибир. пед. журнал.-2008.-№3.-С.255-265.
 41. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. – М.: ВЛАДОС,- 1998.
 42. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., -2000.
 43. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. М.: Политиздат, 1990 – 413 с.
 44. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. – М.: Прогресс, -1991. – 176 с.
 45. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального/Призрак толпы. – М., – 2008.
 46. Борисов К.Л. Формирование славян. Интернетресур: <http://borissoff.wordpress.com/%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B>
 47. Борисов А.А. Мультикультурализм: Американский опыт и Россия. / Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. Под ред. Г.И. Зверевой. – М.: Аспект Пресс, 2003.
 48. Большой толковый социологический словарь, 1999. С. 445
 49. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М., -1998.
 50. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983.
 51. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Человечество - это народы. – М., - 1990.
 52. Броди Х. Из книги «Истории болезни», второе издание - 2003. Howard Brody, M.D., Ph.D. *Stories of Sickness* (Yale University Press, 1987./Международный журнал исследований культуры. Код: Эл № ФС77-39183 от 17.03.10. <http://culturalresearch.ru/ru/archives/89-narrturne>
 53. Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. – М., - 2007.
 54. Вайсгербер И.Л. Родной язык и формирование духа./Пер.с нем. – М., -2004. - С.126.
 55. Валлерстайн И. Возможна ли всемирная культура?/Хрестоматия по культурологии под ред. Кравченко А. И. – М., 2006.
 56. Ван Дейк Т. А. (1998). К определению дискурса.[WWW-документ] URL <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
 57. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. Университетская книга. – Санкт-Петербург, -1998, – 101 с.
 58. Вевьёрка М. Формирование различий // Социс.-М.: Наука, -№8 -2005, -С.13-24.
 59. Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. – №. 1. – Москва, 1992. – С. 109-136.
 60. Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. – № 3. – 2004.
 61. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, – 2005.
 62. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций./Пер. Андрей Губер: «REFL-book», Киев; «Ирис», Москва. – 1994. – 637с.
 63. Виндельбанд В. История философии. – Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1997. – С. 294.
 64. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. – М., -1998.
 65. Вирт Л. Избранные работы по социологии.– Москва: ИНИОН РАН, 2005. – 244 с.
 66. Волкова Т.П. Проблема мультикультурализма в философии Ю. Хабермаса / Т.П. Волкова // Вестник МГТУ. – Т. 8. № 3, – 2005.
 67. Волгогонов О.Д., Татаренко И.В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России, – №2, – 2001.
 68. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – Москва, 1997.
 69. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: понятия и модели: монография/ Л.Е. Востряков. – СПб.: Изд-во СЗИ РАХН и ГС, – 2011, – 168 с.
 70. Вундт В. Проблемы психологии народов. – М., - 1912.
 71. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. Соб. соч. в 6-ти тт. Т. 3. – М., -1983.
 72. Гаврилина Е.А. К вопросу о развитии цивилизации как социокультурной системы // Дискурс: Социол. студия. – М.: Социум, 2001. – С. 104-110.
 73. Гадамер Г.Г. История понятий как философия // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. – М., – С. 26-43.

74. Газета «Нойес лебен», - №1, январь. - 2011.
75. Гайслер Х. Национальное государство или мультикультурное общество? // Русский журнал. 2002. № 5(25). С. 14.
76. Гайслер Х. Граждане, нация, республика Европа и мультикультурное общество / Х. Гайслер // Неприкосновенный запас. - 2002. - № 5. - С. 5-16.
77. Гафарова Ю. Ю. Мультикультурализм, транскультурность и «новое» понятие культуры./Фундаментальные проблемы культурологии: Том 7: Культурное многообразие: теории и стратегии. / Отв. редактор Д. Л. Спивак. - М., - СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009, с. 29-37.
78. Геллнер Э. Нации и национализм. - М., -1991.
79. Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности: Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. - Свердловск: Б.И., - 1970.
80. Генова Н. М. Культурная политика в системе инфраструктуры культуры региона. - Омск, - 2011.
81. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. - М., - 1977.
82. Гёссен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. - М., - 1995.
83. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. - М.: Изд-во «Весь мир», 2004. - С. 33.
84. Глаголев А.И. Экономические отношения в художественной культуре. Том I. Западный опыт. - М.: ВНИИ искусствознания, 1991. С. 40.
85. Глейзер Н. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия. // Этнографическое обозрение, -1998, № 6. - С. 106.
86. Глобализация и мультикультурализм. Отв. ред. Н.С. Кирабаев. - М.: РУДН, - 2005. - С.113.
87. Горелов А.А. Культурология: Учебное пособие / А.А. Горелов. - М.: Юрайт, - М, - 2002.
88. Горлова И.И. Культурная политика в современной России: региональный аспект. - Краснодар, -1998.
89. Городская Е. В. О библиотеках и профессии библиотекаря в США (по итогам стажировки) // Библиоковедение. - 2007. - № 5. - С. 97-102.
90. Гроф Станислав. Психология будущего. Уроки современных исследований сознания. Пер. с ан. С. Офертаса, науч. ред. В. Майков. - Изд-во Института трансперсональной психологии. - Изд-во К. Кравчука.- Изд-во АСТ, - 2001, - 114 с.
91. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. - М.: ТПИ, -1994. - 504 с.
92. Грушин Б. А. Массовое сознание. - М., - 1987.
93. Гудимова С.А. Символы культур: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч. информ. исслед; Отв. ред. И.Л. Галинская. - М., 2002. - 220 с.
94. Гумбольдт В. фон. Избранные труды. - М., -1983.
95. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л., -1990.
96. Гуревич П. С. Практическая психология для всех. - ОМГ - Образование. -2007.- 512 с.
97. Гуревич П. С. Философия культуры. - М., - 1995.
98. Гуссерль Э. Философия культуры и парадигма философствования // Вопросы философии. -№7. - 1995.
99. Гэбски Б. Культурная активность: Модели анализа и интерпретации эмпирических данных / Моск. гум.-соц. акад. - М.: Социум, 2000.-158 с.
100. Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. - Москва: Прогресс, 1986.
101. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. - М., - 1991.
102. Данилов А.А., Меметов В.С., Интеллигенция провинции в истории и культуре России. - Иваново: ИвГУ, - 1997.
103. Дацюк Сергей, философ. После мультикультурализма. Код доступа: http://www.ji-magazine.lviv.ua/diskusija/2012/Dacyuk_Posle_multiculturalizma.htm
104. Делёз Ж. Гваттари Ф. Что такое философия? - М-Спб., - 1998.
105. Делёз Ж. Логика смысла. - М., - 1995.
106. Деминцева Е. Сообщество мусульман во Франции: значение понятия «интеграция» сегодня/Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы межд. научной конференции. - М.,-2011.
107. Депортация народов СССР (1930-1950) - М.: ЦГАОР,- 1992.- 4.1.- 341 с.
108. Деревянко А. П., Маркин С. В., Зыкин В. С. Новый объект среднего палеолита на Алтае // Древнейшие миграции человека в Евразии. Мат. междунар. симп. (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, - 2009. - С. 101 - 107.
109. Деррида Ж. Позиции. - М, - 2007.
110. Дерябина С.Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против //Этнопанорама. №1-2. -2005. С. 15.
111. Дефиниции культуры: Сб. тр. / Томс. гос. ун-т. Лаб. «Методология и теория культуры» - Томск: Изд-во Томс. ун-та, 2001. - Вып. 5. - 417 с.
112. Дернер Д. Логика неудачи. М.: - 1997. - 238 с.
113. Джордж Ф. После 1984. Перспективы лучшего мира. - В кн.: Новая технократическая волна на

- Западе. - М.: Прогресс. - 1986.
114. Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения, 16-17 мая 2013 г. / науч. ред. А.С. Запесоцкий. - СПб.: Изд-во СПбГУП, 2013.
 115. Дильтей В. Описательная психология. - СПб., - 1996.
 116. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. - М.: Народное образование, -1999. - 208 с.
 117. Додольцев Р.Д. Концепция культуры З. Фрейда. - М., - 1989.
 118. Доклад Госкомстата // www.gks.ru/PEREPIS/report.htm
 119. Драгичевич-Шенич М., Стойкович Б. Культура, менеджмент, анимация, маркетинг. - Новосибирск. - 2000.
 120. Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ. - 2013. URL: http://rosnation.ru/?page_id=1064
 121. Дробижева Л.М. Термин «толерантность» был изначально дискуссионным./Выступление в пресс-центре РИАИАН - 12 ноября 2013. Код доступа: http://rus4all.ru/round_tables/20131112/724636127.html2.
 122. Дымникова А.И. Проблемы финансирования культуры. Лекции по курсу «Основы экономики культуры и искусства». - СПб, 1998. - С. 27.
 123. Дюби Ж. Европа в Средние века. - М., -1994.
 124. Дюррант В. Жизнь Греции. - М., «Крон-Пресс», 1997.
 125. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. - М., 1995.
 126. Дятлов С.А. Принципы информационного общества./ Информационное общество, вып.2. - 2000. - С.77-85.
 127. Епископ Бикинский Ефрем, викарий Хабаровской епархии. Код доступа: <http://svgbdvr.ru/osnovy-pravoslaviya/solidarnoe-obshchestvo-i-budushchee-rossiiskogo-naroda>.
 128. Единый мир, интернет-газета. Архиепископ Р. Уильямс о кризисе образования и духовности в Англии. 18.08.2011. http://kabmir.com/novosti/krizis_obrazovaniya_i_duhovnosti_v_anglii.html. Время обращения: 11.11.2014.
 130. Жарников А.Е. Национальная политика в России: плюсы и минусы трех вариантов // Вестник аналитики. - 2004. - N 3. - С. 99-114.
 131. Жданов Г.Б. Информация и сознание // Вопросы философии. №11, 2000.
 132. Железкин В.Г. Национально-государственное устройство России в XVIII — начале XX в. // Архивы Урала. Екатеринбург, - № 1, - 1996.
 133. Жидков В.С. Государственная культурная политика./Ориентиры культурной политики, - М., №6, - 2001.
 134. Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России. - М.: Академический проект, - 2001.
 135. Жижек С. 13 опытов о Ленине. Издательство Ad Marginem. - М., -2003.
 136. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. - М., 1999. С. 67.
 137. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. - СПб., - 2005. - С. 110.
 138. Жукова И.В. О современном контексте мультикультурализма в Канаде. - М., -2004.
 139. Законодательная политика и правовое регулирование в сфере культуры: Аннот. библиогр. указ., 1994-1998 гг. / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии; Сост.: Т.С. Федорова, Г.В. Безотосная. - М., 1999. - 209 с.
 140. Заславская Т.И. О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации/ Под общей ред. Т.И. Заславской. - М.: МВ-ШСЭН, - 2003.
 141. Зеленков М.Ю. Политология (базовый курс). Учебное пособие. - МИИТ; -2009, - 302с.
 142. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика.- СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», -2009.
 143. Злобин Н. С. Культурные смыслы науки / Н. Злобин. - Москва: Олма-Пресс, 1997. - 288 с.
 144. Злыгостев А.С. Книги по истории. 2001-2011. Источник: <http://historik.ru/> «Historik.ru: Книги по истории»
 145. Знаменский А.А. Этнонационализм: основные концепции американского обществоведения // США. Экономика, политика, идеология. -№8, - 1993.
 146. Зорин В.Ю. Национальная политика в России. История, проблемы, перспективы. - М., - 2003. С.233.
 147. Зыбайлов Л.К. Шапинский В.А. Постмодернизм. - М., -1993.
 148. Иванов В.В. Наука о человеке. Введение в современную антропологию. - М., - 2004
 149. Иванов В.В. Целесообразность человека. Публичная лекция. См.: «Новая газета», №91,92, 93 от 08. 2012. Код доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/53967.html>
 150. Иванов К. А. Многоликое Средневековье. - М., -1996.
 151. Иконникова С.Н. Динамика и диалектика культурных процессов // Науки о культуре шаг в XXI век. - М., - 2001.
 152. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории./ Второе издание, дополнен-

- ное. - М.: Политиздат, - 1984. - 320 с.
153. Ильенков Э.В. Философия и культура - М., -1988.
154. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. -Москва: - Интрада, - 1996. Код доступа: <http://www.lib.ru/CULTURE/ILIN/poststrukt.txt>
155. Ильинская С.Г. Терпимость и политическое насилие// Полис. 2004. №3. С. 122-126.
156. Иовчук М. Т., Коган Л. Н. Советская социалистическая культура. Исторический опыт и современные проблемы - М, 1979,
157. История СССР с древнейших времен до наших дней. - М.: Наука, - 1967.
158. Кабо В. Р. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам), - «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, - М., 1968.
159. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. В 2-х кн. Кн. 2. - СПб: ООО «Петрополис», - 2003. - С. 66.
160. Каграманов Ю. Куда ведёт Америку «тихая революция». http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/6/ka11.html.
161. Карпов Г.Г. О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1954. С. 133.
162. Карпов Г.Г. Ленин о культурной революции. М., 1970.
163. Карпова Г.Г. Социальное поле культурной политики. Монография / Г.Г. Карпова. - М.: ООО «Вариант», 2011. - 268 с.
164. Каменец А.В. Концептуальные основы культурной политики. - М.: МГУКИ, - 2005.
165. Канарш Г. Ю. Мультикультурализм: социальная концепция и социальные практики // Знание. Понимание. Умение. - № 1. - 2011. С. 87–95.
166. Канарш Г. Ю. Философские теории мультикультурализма // Знание. Понимание. Умение. - № 2. - 2011. С. 33–41.
167. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер. Э. Избранное. Опыт о человеке. - М., 1998, С.440-724.
168. Кастель М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, -2000.-608 с.
169. Келле В. Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. М., ИФРАН, 2011, 218 с.
170. Келле В. Ж. Процессы глобализации и динамика культуры. Московский гуманитарный университет. Журнал «Знание. Понимание. Умение». М.2005, №1.
171. Кенигсберг А. Орф. «Кармина Бурана». История создания. Код доступа: <http://belcanto.ru/orff-off-carmina.html>
172. Керби Тим. О терпимости к рабству. Почему проблема гастарбайтеров не решена. Код доступа: <http://www.odnako.org/blogs/show-32170/>
173. Кессиди Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. - М., -№1, - 2003.
174. Кимлика У. Современная политическая философия. - М., 2010.
175. Кинг А., Б. Шнайдер. Первая глобальная революция. - М.: Прогресс. 1991.
176. Кирабаев Н.С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе.//Культурная идентичность и глобализация: Доклады и выступления. 5-й Международный симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток-Запад», май 2001г./Под ред. Н.С. Кирабаева, А.В. Семушкина, Ю.М. Почты, С.А. Нижникова. - М., 2002. - С. 17.
177. Китайгородская Г.А. Лекции в проекте «Академия» на телевидении.-2014.
178. Ключевский В.О. Курс русской истории (Лекции I-XXXII). Код доступа: http://royallib.ru/book/klyuchevskiy_vasilij/kurs_russkoy_istorii_lektsii_IXXXII.html. Время обращения: 29.04.2013-1:20
180. Ключевский В.О. Русская история от древности до нового времени. М.: Эксмо, 2012.- 912 с.
181. Колин К.К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция. Код доступа: <http://spkurdymov.ru/globalization/informacionnaya-globalizaciya-obshhestva/>. Время обращения: 07.11.2014 23:58
182. Коллингвуд Р. Дж. Новый Левиафан, или человек, общество, цивилизация и варварство // Социологические иссл. - 1991. № 11. С. 97–114.
183. Колоницкая О.Л. Реализация концепции поликультурного образования и её влияние на профессиональное становление личности обучаемого в техническом вузе. // Интернет-журнал «Эйдос». - 2010. - 10 декабря.
184. Кондаков И. В. Глобалитет России (к постановке проблемы) // Современные трансформации российской культуры. - М., - 2005. С. 83.
185. Концепция развития поликультурного образования в Российской Федерации. Код доступа: <http://mon.gov.ru/work/vosp/dok/6988/>.
186. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: ЧеРо, 2003.
187. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. - М.; Изд-во РГГУ, -1999.

188. Короткий Г.А. Проблемы теории и практики мультикультурализма // Труды членов РФО - Москва, 2009. - С. 201-206.
189. Коргунов С.В. Становление нового мирового порядка. // Международная жизнь, - №6, 2002. с. 77-94.
190. Коробейникова Л.А. Мультикультурализм: открытый дискурс. - Вестник томского государственного университета. - № 326, сентябрь 2009, с 61-63.
191. Коул М. Культурно-историческая психология. - М., -1997.
192. Кравченко А.И. Культурология. Учебное пособие для вузов.-3-е изд., М.: Академический Проект, 2002. – 496 с.
193. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. - М.: ИТДГК «Гнозис», - 2002.
194. Кребер А. Л. Избранное: природа культуры. - М., - 2004.
195. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Под ред. М.Б.Погребинского и А.К.Толпыго. М.: «Весь Мир», 2013. С. 400.
196. Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семианализу.- М.,- 2013, -285 с.
197. Кристева Ю. Чуждые самим себе: мечта об исключительности / Ю. Кристева // Диалоги о Европе / под ред. Р. Керни. - М., - 2002.
198. Круглова Л. К. Социокультурная антропология: Учебное пособие. - СПб., - 2000.
199. Кудрина Т. А. Политика и культура. -М, -1993,
200. Кудрявцева Т.В. Понятие поликультурности: мультикультуралистский дискурс // Автоматизация и управление в технических системах. - 2013. – № 2 (4).
201. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы. - М., - 2011.
202. Кулешов С. В., Медушевский А. Н. Россия в системе мировых цивилизаций. Учебное пособие. - М.: Русский мир, - 2001. С. 46.
203. Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. - М.: Моск. шк. полит. исслед., - 2002. -320 с.
204. Культура: теории и проблемы. - М., - 1995.
205. Культурная идентичность и глобализация: Доклады и выступления V Междун. филос. симпозиума «Диалог цивилизаций: Восток - Запад» (27-28 апр., 4-5 мая 2001 г., Москва) / Ред. Н.С. Кирабаев и др. - М. - Изд-во РУДН, - 2001. - 286 с.
206. Культурная политика России на современном этапе: Библиогр. указ. / М-во культуры РФ. Рос. Акад. наук. Рос. ин-т культурологии; Сост.: Н.П. Колобова, С.А. Тараканова. - М., 1995. - 57 с.
207. Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему/ ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. - М.: Либерия, - 1998.
208. Культурная политика: Зарубежный опыт: Аннот. библиогр. указ. / М-во культуры РФ. Рос. Акад. наук. Рос. ин-т культурологии; Сост. Г.В. Безотосная ; Отв. ред.Е.В. Машков. - М., 1996. - 36 с.
209. Культурная политика: проблемы теории и практики : Сб. ст. / Гос. ин-т искусствознания; Отв. ред. О.В. Хлопина. - СПб., 2003. - 165 с.
210. Культурология. История мировой культуры: Учебник для вузов / Маркова А.Н. - 2-е изд., перераб. и доп. - М: ЮНИТИ, 2002.
211. Куренной В.А. Конструктивный национализм. Код: <http://www.rg.ru/2011/04/21/kurennoy-site.html>
212. Культурология: Учеб.пос. для студентов высших уч.заведений/Под ред.Г.В.Драча.-Ростов/Д., -2003. С.87.
213. Кун Т. Структура научных революций М., 2009. - 310 с.
214. Купина Н.А., Михайлова О.А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. -№ 5, - 2002.
215. Куртц П. Искушение потугосторонним: пер. с англ. - М.: Академический Проект, -1999. - 601 с.
216. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ/ А.И. Куропятник.- СПб.: - 2000, - 206 с.
217. Лачман Г. Жан Гегсер - картограф сознания. Код доступа: <http://prosvetlenie.daism.ru/>
218. Ле Коадик Р. Мультикультурализм // <http://eawarn.ru/>. 02 Multi-culturalizm.htm.
219. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: МАКС Пресс, 2011
220. Ленин В. И. Право наций на самоопределение, и о национальной гордости великороссов // Избранные произведения: В 3-х т. С. 45–109. - М.: Изд-во полит. лит., - 1966.
221. Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М., -1983.
222. Лейпхарт А. Демократия в многоэтнических обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. - М., - 1997. - С. 28.
223. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М.: Эдиториал УРСС, -2001. — 256 с.
224. Лекторский В. О. О толерантности, плюрализме и критицизме / В. О. Лекторский // Философия, наука, цивилизация. - М., - 1999. С. 284 –292.
225. Лекторский В.А. Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм / В.А. Лекторский // Вопросы философии. - 2001.-№ 4.-С. 39.

226. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. - М.: АЛЕТЕЙЯ, -1998. - 160 с.
227. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. - М., -1991.
228. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. - М., - 1992.
229. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. - СПб.: Искусство-СПБ, - 2002.
230. Луккин Ю. А. Культура и культурная политика. - М., 1992,
231. Лурье С.В. Историческая этнология: Уче. пособие для вузов. - М., 1997.
232. Лурье С.В. Культурная антропология в России и на Западе: Концептуальные различия // Общественные науки и современность. - № 2; - 1997.
233. Лэндри Ч., Матарассо Ф. Как удержать равновесие? Двадцать одна стратегическая дилемма культурной политики/ Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. - М.: Либерся, - 2002.
234. Лэндри Ч., Пахтер М. Культура на перепутье. - М.: Классика – XXI, 2003.
235. Майков В., Козлов В. Трансперсональная психология: Истоки, история, современное состояние. - М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. - 603 с.
236. Макарян Э.С. Теория культуры и современная наука. - М.: ИНФРА-ДАНА, - 2004.
237. Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. - М., 2002. - С. 48.
238. Малахов В.С. Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции // Общ. ред. В.С. Малахов, В.А. Тишков, А.Ф. Яковлева. - М.: ИКАР, - 2011.
239. Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации / О.Ю. Малинова // ПОЛИС. 2003. - № 2. - С. 96-111.
240. Малиновский Б. Научная теория культуры. Предисловие А. Байбурина. Пер. с англ. И. Утехина. - М., - 1999, - 208 с.
241. Малышев И.В. Обыватель как субъект культуры // Категории и проблемы культурологии. - М., 2000. - С. 156-180.
242. Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира // Социол. исслед., - № 12, 2005.
243. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004. С.174 - 213.
244. Мамардашвили М. Формальная структура цивилизации // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.,1992. С. 107-121.
245. Мамедова Е.В. Культурная политика // Филос. науки. - М., 2000. - № 1. - С. 163-171.
246. Мамонова В.А. Мультикультурализм: разнообразие и множество // Журнальный клуб Интелпрос. Credo New №2, 2007. Код доступа: <http://www.intelros.ru>.
247. Мансет П. Риски и достижения децентрализации: развитие местной культурной администрации в Норвегии// Экология культуры: Информационный бюллетень. – Архангельск.- 2002. № 2.- С. 189
248. Манхейм К. Идеология и утопия// Диагноз нашего времени. - М.: Юрист., -1994. С.68.
249. Маргалит А. Философские сопереживания: Исая Берлин и судьба гуманизма // Интеллектуальный форум. - М., - № 1, - 2000. С.97-113.
250. Марков Б.В. Культура и цивилизация. - М.: Изд. НОРМА, - 2005.
251. Мински М. Фреймы для представления знаний. Литмир. Электронная библиотека. - Код доступа: <http://www.litmir.net/bd/?b=134682>.
252. Марков В.И. «Свое» и «чужое» и отчуждение в культуре. - Кемерово, 2002. - 176 с.
253. Марксистско-ленинская теория культуры - М, 1984,
254. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследования идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. - М., -1994
255. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», - 2004.
256. Матарассо Ф., Лэндри Ч. Как удержать равновесие? Двадцать одна стратегическая дилемма культурной политики // Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. - М.: «Издательство Либерся», 2002. С. 128.
257. Матвеева Л.В. Культура и СМИ: размышления о феномене разорванной коммуникации // Вестник МГУ. Серия психология. - № 1.-2007.
258. Матис В.И. Проблема национальной школы в поликультурном обществе [Текст]: монография / Матис В.И.; Барнаул. гос. пед. ун-т. – Изд. испр., и доп. - Барнаул: [б. и.], 1997. - 327 с.
259. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. - М., -2006. - 277 с.
260. Межуев Вадим. О цивилизационной идентичности России. Журнал «Индекс» № 25, 2007. // [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 2007.10.16. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4953>
261. Мельвиль А.Ю. Разлогов К.Э. Контркультура и «новый консерватизм». - М., -1981.
262. Михайлов Ф.Т. Как возможна культурология в качестве основания общего человековедения./

- Культурология - культурная политика - развитие: Материалы Междунар. науч. конф. (1-3 июля 2001 г., Москва) / Рос. ин-т культурологии; ред. К.Э. Разлогов. - М., 2001. - 384 с. - С. 216-217.
263. Михайлова Н.В, Михайлов В.А. Была ли царская Россия «тюрьмой народов»? (непредвзятый анализ). Источник: Минрегион России, <http://www.minregion.ru/pages/1098?locale=ru>
264. Миккульский Д. В. Арабский Геродот / Отв. редактор Л. Ю. Сергиенко. - М.: Алетей, 1998. - 229 с.
265. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. - С. 342 - 346.
266. Мошняга П. А. Билингвальное образование в Японии: межкультурная коммуникация vs мультикультурализм // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 4 - Культурология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Moshniaga/>
267. Мукерджи Ч., Шадзон М. Новый взгляд на поп-культуру // Полигнозис. - М., 2000. - № 2. - С. 67-85, № 3. - С. 86-105.
268. Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. - N 1, 2005.
269. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ//под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, - 2002.-356 с.
270. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире / под ред. Г.И. Зверевой. - М.: Аспект Пресс, 2003. С. 16.
271. Нарочницкая Е. А. Этнонациональные конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). - М., - 2000.
272. Наумкин В.В. Многообразие против единства?//Россия в глобальной политике.- 19.04.2011. код: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogoobrazie-protiv-edinstva-15175>. Время обращения: 17.06.2014
273. Нейсбит Д. Мегатренды. - М.: ООО «Изд-во АСТ»; - 2003.
274. Некрасов С.И. Некрасова Н.А., Платошина В.В. Американский мультикультурализм. - М.: Изд. дом «Академия Естествознания»,- 2011, - 310с.
275. Низамова Л. Р. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности и значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Маг. конф. Казань, 2 - 3 июня 2004 г. / Под ред. А. Малашенко. - М., - 2005.
276. Низамова Л. Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма. URL :<http://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-10/Nizamova.pdf>
277. Никитаев В. В. Мультикультурализм и машины этничности // Русский журнал. 2011. <http://www.russ.ru/pole/Mul-tikul-turalizm-i-mashiny-etnichnosti>
278. Никонов В. А. Выступление на заседании Мирового политического форума в Ярославле 8 сентября 2011 года.
279. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс. - М.: Наука; Флинта, -2008.
280. Овчинников Н.Ф. К истории концепции знания от Платона до Поппера. // Вопросы философии. - №1-2, - 2001.
281. Оксфордский толковый словарь по психологии/Под ред. А.Ребера, - 2002 г., код доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/kateksis>
282. Онтология диалога: философский и художественный опыт / С.-Петербург. отд-ние Рос. ин-та культурологии и др.; редкол.: Л. Морева (глав. ред.) и др. - СПб. : Эйдос, 2002. - 323 с.
283. Орлова И.Б. Этнизация исторического знания в постсоветских государствах//Социологические исследования. 2009. № 10. С. 126-135.
284. Орешкин Д.Б. А был ли крах мультикультурализма? 23. 09. 2011. Код доступа: <http://gaidarfund.ru/articles/1105>
285. Орешкин Д.Б. Время льдов. М., Недра, 1987.
286. Осипов А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? // Мир России. -2008. № 1. С. 102-121.
287. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон РФ от 9 октября 1992 г., №3612-1// Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992, №46. /9 октября 1992 г. N 3612-1 (Редакция на 23.12.2003).
288. Отюцкий Г.П. История социальной (культурной) антропологии – М.: Академический Проект: Гаудеамус, - 2003.
289. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. - М., Новое издательство, - 2004. -132 с.
290. Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Политические исследования, - № 3, - 2008.
291. Парадигмы XXI века: информационное общество, информационное мировоззрение, информационная культура: Материалы X-й междунар. науч. конф. Краснодар, 16-18 сент. 2002 г. / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств; науч. ред. И.И. Горлова и др. - Краснодар, 2002, с. 479.
292. Парсонс Т. Система современных обществ. - М., - 1997;

293. Пастухов В.Б. Конец русской идеологии (Новый курс или новый путь?) // Полис.- № 1, - 2001.
294. Паш Э. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. - № 3, -2007.
295. Перепелкин Л.С., Руденский Н.Е. Национальный вопрос и права народов в СССР: опыт социально-политического анализа. - М., - 1990.
296. Пиаже Ж. Психология интеллекта. Пер. А. М. Пятигорского. - СПб., 2003. - 192 с.
297. Пирогов Г.Г. Глобализация и цивилизационное многообразие мира: В 2-х ч. - М.: БФРТГЗ «Слово», -2002. - Ч. 1: Россия и Запад в процессе глобализации. - 402 с.
298. Платонов Ю.П. Этническая психология.- СПб.: «Речь», -2001. -320с.
299. Подорога В.А. Апология политического - М.:Изд.ГУ ВШЭ, 2010. С.212.
300. Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации/ отв. ред. В.В. Лапкин, В.И. Пантин. - М., - 2004.
301. Поляков Л. В. Интервью «Актуальным комментариям». Электронное периодическое издание «Актуальные комментарии»: info at actualcomment.ru
302. Попова О.В. Политическая идентичность в кризисном обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Философия, политология, социология, психология, право. - Вып. 2, -1998.
303. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. - М., -1992.
304. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. - М., -1974.
305. Постмодернизм и культура // Вопросы философии. - № 5, -1993.
306. Почему не работает политика мультикультурализма? Открытая дискуссия // Электронный журнал «Россия в глобальной политике». Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/event/Otkrytaia-diskussiia-Pocemu-ne-rabotaet-politika-multikulturalizma-16195> - 10 ноября 2013
307. Преподобный Иустин (Попович), «Православная Церковь и экуменизм», код: http://azbyka.ru/otechnik/lustin_Popovich/pravoslavnaia-tserkov-i-ekumenizm=2_7 (дата обращения 22.04.2013,0:34).
308. Протоиерей Александр Ильяшенко. Экуменизм и глобализация (Часть1). Код: <http://www.pravmir.ru/ekumenizm-i-globalizaciya-chast-1/#ixzz3DrfbJzls> - 07. 02. 2004 г.
309. Путин В.В. Россия сосредотачивается - вызовы, на которые мы должны ответить/ Известия. - № 5. 16.01.2012.
310. Радбиль Т.Б. О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследований. Межвуз. сб. науч. трудов. Нижний Новгород, НГПУ, 1996. - С.5-113, с. 13, 24.
311. Ренан Э. Что такое нация? - Спб., -1888.
312. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. - М., -1998.
313. Розин В. М. Вызовы мультикультурализма. Рец. на кн. Бенхабиб С. «Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру» // Высшее образование сегодня, - № 4, - 2004.
314. Ролз Д. Теория справедливости. - Новосибирск, - 1995.
315. Ромаш О.В. Культурологическое образование в процессах глобализации // Фундаментальные иссл. - 2007. - № 7 - С. 69-72 www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7778157 (дата обращения: 13.08.2011).
316. Ромек Е. А. О культуре, мультикультурности и преимуществах классики // Академия.-1999. № 37, 40, 41. URL: <http://www.elena.romek.ru>.
317. Ромодановский К. Выступление директора Федеральной миграционной службы РФ на заседании расширенной коллегии ФМС 31 января 2008 г. // www.fmsrf.ru
318. Рорти Р. Постмодернистский буржуазный либерализм. // Логос. Избранное 1991-2005. том 2, - М., -2006.
319. Россия: Опыт национально-государственной идеологии/ В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.В. Рябов. Под ред. В.В. Ильина. - М.: изд-во МГУ, -1994, с.12.
320. Рыбаков С.Е. Философия этноса. - М., - 2001.
321. Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. - М.: Логос. - 2002.
322. Рябова Е.Л. Культура конфликтного взаимодействия. - М.: Этносоциум, 2008.
323. Рябова Е.Л. Экономика России: сопряжение космополитических и национальных проблем. // МИЦ «Этносоциум», - №2, -2014. - 15
324. Савицкая Т.Е. Культурная идентичность и глобализация // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. - М., 2003. - Вып. 4. - С. 3-25.
325. Савченко И.В., Савченко В.И. Принципиальные модели национальной политики // Конструирование социокультурных практик: глобальный и региональный аспекты: сб. науч. трудов. Под редакцией С.А.Губиной. - М.: РХТУ им.Д.И.Менделеева, - 2010. - С.101-108.
326. Садовская В.С. Лабиринты культуры быта: исследование реальности: Моногр. / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. - М.: МГУКИ, - 2003. - 262 с.
327. Садохин А.П. Этнология. - М.: Гардарики, 2002, с.256
328. Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки

- и современность. – 1993. – №5.
329. Селезнёва Е.Н. Культурное наследие и культурная политика России 1990-х гг. (теоретико-методологические проблемы). - М., - 2003.
330. Семенов И. С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. // Полис. - № 1, - 2004.
331. Семенов Ю.И. Личность, общество, культура // Философия и общество. - М., 2002. - № 3. - С. 39-69.
332. Сен Амартия Кумар. Возможность общественного выбора // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / сопредс. науч.-ред. совета Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. V: в 2 кн. Всемирное признание: лекции Нобелевских лауреатов / отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 2. - М., - 2005. С. 258.
333. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М., 1993.
334. Синецкий С. Б. Методологические аспекты культурной политики России в постсоветский период [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестн. Челяб. ин-та экономики и права. – 2002. – Вып. 2. – С. 166-183.
335. Скирбекк С. Неадекватная культура: Современная идеология и человек. - М: Изд-во «МИК», - 2003. - С. 91.
336. Скоробогатых Н.С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // Общественные науки и современность. Изд-во «Наука», - М., - 2004. - С.145.
337. Словарь евразийской лингвокультуры Казахстана / З. К. Сабитова, Г. Т. Жанкидилова, К. С. Склиренко и др. – Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, - 2011. – 187 с.
338. Слово о полку Игореве и памятники куликовского цикла. - М. -Л. - 1966, - 548 с.
339. Смирнов П. И. Универсальные элементы культуры и своеобразии отдельных культур // Вестник СПбГУ. Серия 6. Выпуск 3. -2007. -С.14-22.
340. Советская культура в реконструктивный период.1928-1941.-М.,1988. С.15.
341. Согрин В.В. Новая идеология для России: драма из современной истории. // МЭ и МО, - № 10, -1993.с. 5-16.
342. Соколовский С. В. К критике политики мультикультурализма. http://heritage-institute.ru/images/6/6d/EM14_p47-60.pdf.
343. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности/ Фундаментальная психология. - М.: Смысл, - 1998.
344. Соловьёв А.И. Идеология и культура: Политические оппоненты современной эпохи.//Политическая наука. - №4, - 2003.
345. Сперанская Е.С. Всемирный совет церквей/ Православная энциклопедия. Электронная версия. Код доступа: <http://www.pravenc.ru/text/155520.html>
346. Социологический энциклопедический словарь. - 2000. С. 175
347. Степин В. С. Теоретическое знание. - М, -2000. С. 23.
348. Суконкина Т. Н. Формирование мультикультурного общества в регионе. Журнал «Регионоведение» - №2, - 2010. <http://regionsar.ru/node/520?page=0,0>
349. Сусоколов А. А. , Сорвин К. В. Человек как продукт биологической, социальной и культурной эволюции. // В кн.: Человек в обществе. Система социологических понятий в кратком изложении / 4-е издание, исправл. и дополн. М.: Русская панорама, -2013. - Гл. 1. С. 19-43.
350. Сударкина Х.В. Мультикультурализм и мультиидентичность в контексте глобальных трансформаций / Х.В. Сударкина // Материалы Всероссийской научной конференции «Глобальные тенденции развития мира». – Москва, 2012. – С. 141-143.
351. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. - М., -1989.
352. Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммуитаристами: [http : //www.mnemo.syne. ga/library /taylor.html](http://www.mnemo.syne. ga/library /taylor.html)
353. Теоретические основания культурной политики / Рос. ин-т культурологии; Сост. Э.А. Орлова ; Отв. ред.: Э.А. Орлова, Е.Н. Соколов. - М., 1993. - 272 с.
354. Тёрнборн Г. Мультикультурные общества / Социологическое обозрение. - Том 1, №1, - 2001 -С. 50.
355. Телемост Ватикан-Москва-Вена-Будапешт-Страсбург-Валенсия-Афины. -Москва, - 2 марта 2002 г. <http://telemost-papa.narod.ru/> <http://www.gazeta.ru/search.shtml?p=search&text=e=&ind=§ion=8x=7&y=9>.
356. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. - М., -2003.
357. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Код доступа: ww.izvestia.ru/obshestvo/article3105272/
358. Тишков В.А. Теория и практика мультикультурализма. / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. – М., 2002. – С. 335.
359. Глостанова М.В. Движение идей мультикультурализма в США конца XX века. / М.В. Глостанова // США. Канада: экономика политика - культура. - 2000. - № 10. - С. 98-107.
360. Тойнби А. Постижение истории / А. Тойнби. - М., -2006.
361. Токарев С.А. История русской этнографии. - М., -1966 ;

362. Токарев С.А. Обряды и мифы // Мифы народов мира. Т. 2. - М., -1980.
363. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа. - М., - 2003.
364. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. - М., -2004.
365. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. - М., -2008.
366. Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». - М., 2006.
367. Тросби Д. Культурное измерение развития: история, концепции, конкретные примеры // Культурология: от прошлого к будущему. – М.: Российский институт культурологии, 2002. С. 236.
368. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества. - В кн.: Новая технократ. волна на Западе. - М.: Прогресс. -1986.
369. Уилбер К. Никаких границ: Восточные и западные пути личностного роста./ Пер. с англ. - М.: АСТ и др., -2004. -283 с.
370. Уледов А. К. Духовное обновление общества -М, -1980
371. Ульянова М. Е. Мультикультуризм в условиях миграционных процессов: социокультурная политика и практика. - М., - 2008. - с.120.
372. Уолцер Майкл. Эпилог. Размышления об американском мультикультурилизме // О терпимости. Лекции по этике, политике и экономике. Пер. с англ. - М., Идея-пресс, - 2000, -208 с.
373. Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер. – М., - 2000.
374. Уразалиева Г.К. В поисках национальной идентичности. Код доступа: www.ia-centr.ru/archive/publicdetails2497.html.
375. Усманова А. Культурные исследования // Постмодернизм. Энциклопедия (под ред. Грицанова А.А., Можейко М.А.) - Минск: Интерпресссервис: Книжный дом, - 2001, - с. 394 – 400.
376. Утехин С. В. И. Берлин и его идейное наследие // Вопросы философии. - № 5. - 2000, С.45-50.
377. Фадин А.В. Культурная политика в зеркале социально-политического анализа// Некоторые проблемы исследования современной культуры: сб-к научн. тр. - М., НИИК, -1987.
378. Федотова Н. Н. Мультикультуризм и политика развития // Журн. социологии и социальной антропологии. - 2006. -Т. 9, № 3. - С. 75-92.
379. Федюнина С. М. Концептуальные основания и условия мультикультурилизма в современном российском обществе.– Саратов, 2008. – с. 370.
380. Форлицци Джоди. Письмо в социальной сети дороже любимого романа. Газета «Метро», 20 мая 2011. <http://pressa-online.com/ws.aspx?iid=16531&service=issue-file-download>.
381. Философская энциклопедия. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9393. Время обр. 21.10.2014 11:03:24
382. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моног. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. - М.: Олма-Пресс, - 2005, - 542с.
383. Философо-психологические предположения Школы диалога культур / под общ. ред. В.С. Библера. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН),- 1998. - 216 с.
384. Фливиберг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества / Б. Фливиберг; пер. с англ. Д.Г. Лахути // Вопросы философии. -2002. -№ 2. С.137-157.
385. Флиер А. Я. Культурогенез. - М., - 1995.
386. Флиер А.Я., М.Я. Полетаева. Происхождение и развитие культуры: Учебное пособие. - М.: МГУ-КИ, -2008. - 272 с.
387. Флиер А.Я. Основания исторической типологизации культур // Культурные миры. - М.: [Рос. ин-т культурологии], 2001. - С.13-15.
388. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
389. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов.- М., - 1989.
390. Фуко М. Археология знания. - СПб., - 2004.
391. Фуко М. Забота о себе и самопознание. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982 / М. Фуко // Социо-логос. - М., -1991. С. 284–311.
392. Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.
393. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Философия истории. Антология. - М., - 1995. - С.310. http://grachev62.narod.ru/Hrest_2/Fuk.html.
394. Фундаментальные проблемы культурологии: Том 7: Культурное многообразие: теории и стратегии / Отв. редактор Д. Л. Спивак.- М., СПб.: Новый хронограф, Эйдос, - 2009, с. 29-37.
395. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб.: Наука, - 2000. - 380с.
396. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас; пер. с нем. под ред. Е. Петренко. - М.: Весь Мир», 2003. - 416 с.
397. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек; пер. с англ. Е. Осиповой, под ред. Е. Гордеевой. - М.: Новости, 1992.-304 с.
398. Хантингтон С. Кто мы? - М., - 2004.
399. Хейзинга Й. Осень Средневековья. - М., - 1988.

400. Хлыщёва Е.В. Астраханский регион как модель мультикультурного общества. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», -2007, - 300 с.
401. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. - СПб., -1998.
402. Хоркхаймер М, Адорно Т. Диалектика Просвещения. - М-СПб., - 1997.
403. Хомяков М.Б. Толерантность и её границы: размышления по поводу современной англо-американской теории// Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективн. монография/ Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 27.
404. Хренов А. В. Модели культурной политики: смена парадигм// <http://cyberleninka.ru/article/n/modeli-kulturnoy-politiki-smena-paradigm>
405. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. - М.: Флинта, - 2006.
406. Цатурян С.А., Филимонов Г.Ю., Мультикультурализм в США и Европе: политтехнологии в действии./Политика и общество, № 2, 2012, с.62-71. <http://www.georgefilimonov.com/articles/multiculturalism-in-usa-and-europe/>
407. Цеханская К.В. Доклад на заседании №13 Общественного консультативного совета «Образование как механизм формирования духовно-нравственной культуры общества» при Департаменте образования города Москвы. 01.11.2002 г.
408. Ципко А. Размышления о природе и причинах краха постсоветского либерализма / Александр Ципко // Вестник аналитики. - 2004. - N 3. - С. 4-24
409. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры.- М., 1985.
410. Червоная С.А. Возможно ли единство во множестве? (К проблеме американской идентичности) // США: экономика, политика, идеология. - №10, -1997.
411. Черкасов А.И. Этнокультурные общины и национальная самобытность Канады // США: Экономика, политика, идеология. - 1998. - №7. - С. 83.
412. Чешко С.В. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. - М., -1996.
413. Чичановский А.А. Национальная система массовой коммуникации: этнополитические аспекты // Социологические исследования. - № 12.-1996.
414. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. – М.: ТК Велби, Проспект, -2005. – С. 198.
415. Чучин-Русов А.Е. Культурный плюрализм // Общественные науки и современность. - № 2. - 1996. С.165–175.
416. Шапинская Е. Н. Взаимодействие культур - взаимодействие людей: (контекст мультикультурализма) // Мир образования - образование в мире. - 2008, -№ 3. - С. 208-223.
417. Шелер М. Избранные произведения. - М., - 1994.
418. Шипилов А. В. Демократия и толерантность // Социс. – №3.– 2005.
419. Шишкин С.В. Экономика и управление в сфере культуры: поиск новых моделей. - М.: НИИ культуры, - 1992.
420. Шпенглер О. Закат Европы в 2-х томах. Т.1. - М., - 1993.
421. Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С.125—138.
422. Штейнталь Х. Грамматика, лексика и психология // История языкознания в очерках и извлечениях. - М., - 1960.
423. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М.Червоной. – М.: Логос, - 2005, с.513.
424. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В. С. Автономова. - М.: ЭКСМО, 2007. -864 с.
425. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. - М., -1995.
426. Щербина В.В. Организационная культура в западной традиции: природа, логика формирования и функции // СОЦИС. - № 7 -1996.
427. Эволюция кросскультурной психологии: от ортодоксальной «монокультурной» психологии к «поликультурной»; инструменты и методики кросскультурного исследования./Психология искусства:Мат. конф., 3-5 сент. 2002, в 3-х т./Самар. гос. пед. ун-т; ред. Г.В. Акопов и др. - Самара, - 2003.
428. Энциклопедический словарь: Античная философия - М.: Прогресс-Традиция, - 2008. - 896 с.
429. Эриксен Т. Этничность и национализм. Антропологические перспективы (Eriksen 1993) См.: в кн.: Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии.- СПб., -1997.
430. Энциклопедия «Кругосвет». Код доступа:
431. <http://files.zipsites.ru/slovari/krugosvet/krugosvet.rar>
432. Этнопсихологический словарь. - М.: МПСИ. В.Г. Крысько.1999.
433. Юнг К.Г. Архетип и символ. - М., -1991.
434. Юрченко М.В. Феномен политической идеологии: научное издание. Краснодар. Кубанский гос. ун-т, - 2005.-132 с.
435. Языки и смыслы культуры: Сб. науч. тр. / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; редк.: О.В. Ромах (науч. ред.) и др. - Тамбов: Изд.ТГУ, 2003. - 196 с.

436. Якоби Т. Иммиграционная дилемма Германии. <http://www.globalaffairs.ru/number/Immigracii-naaya-dilemma-Germanii-15356>.
437. Яковец Ю.В. Русская цивилизация. - М.: Контакт, - 2000, - 321 с.
438. Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность.// Этничность и власть в полиэтничных государствах. - М.: Наука, 1994. С. 112.
439. Янович Д. Северные туземцы // Жизнь национальностей. - № 1, -1923.
440. Ясперс К. Осевое время. Энциклопедия культуры. Интернетресурс: http://deja-vu4.narod.ru/Jaspers_axis.html. Время брашения: 14.05.2013, 23:55
441. Ястребицкая А. Я. Западная Европа XI–XIII вв. - М., - 1978.
442. Abrahamson M. Global Cities. - N.Y., Oxford: Oxford University Press, 2004. - P. 48-49.
443. Adorno T. Kultur und Verwaltung IIT Adorno Soziologische Schnften I - Frankfurt a M, 1972,
444. Appadurai A. Archive and Aspiration. 2003. <http://entreculturas.info/system/docs/10/original/Appadurai-Archive-and-Aspiration.pdf?1276464953>
445. Barry B. Culture and Equality. An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, - 2001. - P. 300.
446. Benchabib S. Pretension of culture. Equality and variety in modern age / S. Benchabib. - M: Logos, 2003.
447. Berliner M., Hull G. Diversity and Multiculturalism: The New Racism / Ayn Rand Institute . <http://www.aynrand.org/site/PageServer?pagename=objectivism-diversity>.
448. Bernstein R. Dictatorship of Virtue. Multiculturalism and The Battle for America is Future. NY, 1994, P. 4.
449. Bruner J.S. Culture and Human Development: A New Look//Human Development.-33.-1990.-Pp.344-355.
450. Bruner J.S. Man: A Course of Study: The Social Studies Curriculum Program/Reprinted from the ESI Quarterly Report.-Spring - Summer, 1965.-Cambr., Mass., Pp.1-13.
451. Buchanan P.J. The death of the West. - М.: AST, -2002.
452. Canadian Multiculturalism Act 1985, c. 24 (4th Supp.). URL: <http://laws.justice.gc.ca/eng/C-18.7/20100309/page-0.html?rp2=SEARCHAD-VANCED&rp3=AD&rp4=bool&rp5=Canadian%20Multiculturalism%/>
453. Chartrand H. H, McCaughey. The Arm's Length Principle and the Arts An International Perspective - Past, Present And Future II Who's to Pay for the Arts The International Search for Models of Support / M C Cummmgsjr, J M D Schuster (eds)-N Y, 1989,
454. Chartrand H. H. Funding the Fine Arts An International Political Economic Assessment II Nordic Theatre Studies. vol.14, 2002,
455. Dictionary of Race, Ethnicity and Culture. G. Bolaf, R. Bracalenti, P. Braham and S. Gindro. Изд.: Sage Publications Ltd. - 2003. P. 183-184.
456. Derevianko A.P., Shunkov M.V. // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2004. V.5. №3. P.125—138.
457. Eriksen T.H. Globalization: The Key Concepts (Berg 2007/Bloomsbury 2014), код доступа: <http://hyllanderiksen.net/index.html>
458. Fisher R. Mitchel R. Professional Managers for the Arts and Culture Training of cultural administrators and the art managers in Europe - Helsinki, 1992.
459. Gebser Jean, The Ever-present origin (Authorized translation by Noel Barstad with Algis Mikunas. Athens, OH: Ohio University Press, 1986.
460. Glazer N. We Are All Multiculturalists Now. Harvard Univ. Press, 1997.
461. Goldberg D.T. (ed.) Multiculturalilism. A Critical Reader. Balckwell. 1994.
462. Grosjean E. Cultural Identity a Key Element of the Democratic Challenge - Brussels, 1994.
463. Gutmann A. Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. New Jersey: Princeton University Press, 1994.
464. Gxrard A , Genu G. Cultural Development experiences and policies -Pans UNESCO, 1983.
465. Hastrup K. Social Anthropology. Towards a Pragmatic Enlightenment?// Social Anthropology. 2005. Vol. 13. No. 2. P. 133-149. См.: журнал «Политический класс», № 9, сентябрь, 2006 г.
466. Hofstede G. Cultures and Organizations, London: McGraw Hill Book Company, 1991
467. Homi K. Bhabha. A respond to Is Multiculturalism Bad for Women? URL : <http://www.bostonreview.net/BR22.5/bhabha.html>
468. Howard Brody, M.D., Ph.D. Stories of Sickness (Yale University Press, 2003. USA, Galveston, Texas. Institute of humanitarian researches in the field of medicine. Access code: <http://culturalresearch.ru/ru/archives/89-narrturne>.
469. James W. A Pluralistic universe. Lecture 1. Код: <http://www.gutenberg.org/files/11984/11984-8.txt>
470. Jefferson Thomas Declaration Of Independence//The American Age Of Reason. Moscow 1977. Page 105.
471. Jordan G, Weedon Ch. Cultural Politics Class, Gender, Race, and the Postmodern World - Oxford Blackwell, 1995.
472. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Clarendon Press, 1995.

473. Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford Univ. Press, 2001. Ch.5.
474. Levy J.T. *The Multiculturalism of Fear*. Oxford Univ. Press, 2000.
475. Locke John. A letter Concerning Toleration. 1689. URL:<http://www.constitution.org/jl/tolerati.htm>
476. Mahood Ed., Jr. The primordial leap and the present: The ever- present origin: An overview of the work of Jean Gebser/ <http://www.gaiamind.org/Gebser.html>
477. Mercer C. *Towards Cultural Citizenship Tools for Cultural Policy and Development* -Stockholm, 2002,
478. Mignolo W. *Towards a Decolonial Horizon of Pluriversity*. <http://www.georgefilimonov.com/articles/multiculturalism-in-usa-and-europe/>
479. Milton John A *Treatise Of Civil Power In Ecclesiastical Causes; Showing That It Is Not Lawful For Any Power On Earth To Compel In Matters Of Religion*. URL:<http://oil.libertyfund.org>
480. *Multiculturalism*/Stanford Encyclopedia of Philosophy. <http://plato.stanford.edu/entries/multiculturalism>.
481. National Agenda for a Multicultural Australia. URL: What is multiculturalism? // www.multiculturalaustralia.edu.au/doc/multof-1.pdf
482. Neuding P. *The Cultural Contradictions of Multiculturalism*. <http://www.project-syndicate.org/commentary/neuding1/English>.
483. Okin S. *Is Multiculturalism Bad for Women?* Princeton, Princeton University Press, p.28, 1999.
484. Parekh B. *Common Citizenship in Multicultural Societies* // *The Round Table*. 1999. No 351. P. 449.
485. Parekh B.C. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 77.
486. Pick J *Arts Administration* -L, 1990,
487. Radtke F.O. *Multikulturalismus: ein postmoderner Nachfahre des Nationalismus? - Multikulturelle Gesellschaft: Modell America?* Hrsg. von B.Ostendorf. Muenchen 1994, S.229-236.
488. Rex J, Singh G. *Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States: Thematic Introduction* // *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*, Vol. 5, No. 1, 2003.
489. Rex J. *Ethnic Minorities in the Modern Nation State: Working Papers in the Theory of Multiculturalism and Political Integration*. Houndmills, Basingstoke: Macmillan Press, 1996.
490. Rex J. *The problematic of multinational and multicultural societies* // *Ethnic and Racial Studies*. 1997. Vol. 20. No. 3. P. 469.
491. Rorty R. *Democracy and philosophy*. URL:<http://www.eurozine.com/articles/2007-06-11-rorty-en.html>
492. Rosa H, Laitinen A. *An Interview with Charles Taylor*. <http://www.jyu.fi/yhtfil/fil/armala/texts/Part%20Four%201112.pdf>
493. Sarat A., Kearns T.R. *Responding to the Demands of Difference: An Introduction* // *Cultural Pluralism, Identity Politics, and the Law* / Ed. by A. Sarat and T.R. Kearns. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1999. P. 2-3.
494. Schmidt A.J. *The Menace of Multiculturalism: the Trojan Horse in America*. Westport, Connecticut; London: Praeger, 1997.
495. Stolcke V. *Talking culture: new boundaries, new rhetorics of exclusion in Europe* // *Current Anthropology*. 1995. Vol. 36. No 1. P. 1-24.
496. Taylor Ch. *Multiculturalism and the "Politics of Recognition"*. Princeton, Princeton University, p.64, 72, 1992.
497. Taylor Ch. *The Politics of Recognition* // *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition* / Ed. by A. Gutmann. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. P. 25-73
498. Tiryakian E. *Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non* / *Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States* // *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)* Vol. 5, No. 1, 2003.
499. Van Dyke V. *Human Rights, Ethnicity, and Discrimination*. Westport, Conn.; L: Greenwood Press, 1985.
500. Wahl-Zieger E. *The Performing Arts and the Market: Anglo-American and German Approaches to Theatre and Orchestra in Market Economics* // *Economic Policy for the Arts*. (Camb., Mass. 1980).
501. Young I.M. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton (NJ): Princeton U.P., 1990.
502. Zizek Slavoj. *The Antinomies of Tolerant Reason*. URL:<http://www.lacan.com/zizantinomies.htm>
503. Zuercher Ch. *Aus der Ostmoderne in die Postmoderne*. Working paper of the Institute of East European Studies, Free University Berlin, 1998, № 19.
504. Zuercher Ch., Koehler J. (eds). *Potentials of (Dis)Order. Former Yugoslavia and Caucasus in Comparison: Introduction*. Berlin, 1999.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**
Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрация, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.
Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.
Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.
Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка(по желанию автора)
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 708-30-00
e-mail: etnosocium@mail.ru

Гасанова Н. К.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.knigadom.com

Оригинал-макет подготовлен
Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии
Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Дизайн и верстка Т.А. Брик

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500 Усл. п. л. 13,875